

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 23. No. 3

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2024

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 23. № 3

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2024

Volume 23. No. 3

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2024

Том 23. № 3

18+

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2024. Vol. 23. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

***Mainstream issue: “Legal Discourse in Procedural Law:
Theoretical Discussion and Practical Expediency”***

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФЦ77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, I.V. Smetanina*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Aug. 5, 2024.

Date of publication: Nov. 7, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 18.2. Published pages 19.6.

Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies).

Order 90. «C» 27.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>

English version of the website: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2024. Т. 23. № 3

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Юридический дискурс в процессуальном праве: теоретическая дискуссия и практическая целесообразность»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), SciUp (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иншакова – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварадо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: Н.М. Вишнякова, И.В. Сметанина
Редактор английских текстов Д.А. Новак
Верстка и техническое редактирование О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 05.08.2024 г.

Дата выхода в свет: 07.11.2024 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,2.
Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.).

Заказ 90. «С» 27.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.volsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Инишкова А.О.</i> Теоретико-прикладная целесообразность анализа юридического дискурса в процессуальном праве	6
---	---

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

<i>Соловьева Н.А.</i> Амфиболичность юридического дискурса, или искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности	14
<i>Манова Н.С., Устинов Д.С.</i> Обвинение: научный дискурс и проблемы законодательного закрепления	21
<i>Шинкарук В.М.</i> Дискурсивная природа обвинения и защиты	31
<i>Францифоров Ю.В., Шинкарук В.В.</i> Сравнительный анализ соотношения уголовно-процессуальных понятий «предпосылка» и «причина» в уголовном судопроизводстве	37
<i>Азарова Е.С.</i> Судебное усмотрение и судебный прецедент: праволингвистический контекст	43
<i>Лазарева В.А.</i> Судебный штраф – хорошая идея, плохое решение	49
<i>Жукова Т.Г., Долгополов К.А., Жуков А.П.</i> Легализация имущества: речевой стереотип и совершенствование законодательства	58
<i>Кутузов А.В.</i> Цифровые следы и доказательства: необходимость теоретического и нормативного определения в условиях цифровизации	67

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

<i>Колесников Д.А.</i> Киберправа человека в условиях технологической сингулярности	73
---	----

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Инишкова А.О.</i> Договорные формы инвестирования в законодательстве и практике Российской Федерации	77
<i>Матыцин Д.Е.</i> Инвестирование: понятие и классификация схем, имеющая юридическое значение	90

<i>Землячева Е.А.</i> Правовой режим соглашения о защите и поощрении капиталовложений	98
<i>Белова О.А.</i> Постковидный синдром как порок сделки на примере договора об ипотеке	107
<i>Демин А.А.</i> Юридические конструкции механизма регулирования отношений имущественного оборота	116
<i>Надеев И.Ю.</i> Правовая природа ответственности директора за вред, причиненный хозяйственному обществу	122
<i>Балтутите И.В.</i> Внедрение экологических критериев в систему государственных закупок в России	130
<i>Артамонникова С.В.</i> Нотариальная форма договора как способ защиты гражданских прав несовершеннолетних субъектов в электронных сделках	135
<i>Вишинецкий Ю.В.</i> Регламентация и способы применения цифровых (информационных) технологий для защиты прав авторов	140
<i>Дубровина А.Н.</i> Брачный договор супругов-предпринимателей: гарантии соблюдения взаимных интересов и защита прав сторон	148
<i>Беличенко А.В.</i> Об отраслевой принадлежности правовых норм, установленных земельным, лесным и водным законодательствами, и правоотношений, возникающих на их основании	157
<i>Чангли В.С.</i> Понятие и проблемы правового регулирования объектов жилищных правоотношений	166
<i>Эриашвили Н.Д., Тумаков А.В.</i> К вопросу о защите и охране прав на национальную олимпийскую эмблему в Российской Федерации	171

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

<i>Архипцев И.Н., Сарычев А.В.</i> Криминологическая характеристика лица, предоставляющего сексуальные услуги на материальной основе	177
--	-----

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

<i>Миликова А.В.</i> Актуальные проблемы документального оформления на стадии предварительного расследования	183
<i>Стебиква А.Ю.</i> Информационно-программное обеспечение судебных компьютерно-технических экспертиз	189

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

Inshakova A.O. Theoretical and Applied Expediency of Analyzing Legal Discourse in Procedural Law 6

MAINSTREAM ISSUE

Solovyova N.A. Amphibolism of Legal Discourse, or the Art of Word Mastery in Professional Legal Activity 14

Manova N.S., Ustinov D.S. Criminal Charge: Scientific Discourse and Problems of Legislative Consolidation 21

Shinkaruk V.M. The Discursive Nature of the Prosecution and Defense 31

Franciforov Yu.V., Shinkaruk V.V. The Comparative Analysis of the Correlation of the Criminal Procedural Concepts of "Prerequisite" and "Cause" in Criminal Procedure 37

Azarova E.S. Judicial Discretion and Judicial Precedent: A Legal Linguistic Context 43

Lazareva V.A. A Court Fine Is a Good Idea, a Bad Decision 49

Zhukova T.G., Dolgoplov K.A., Zhukov A.P. Legalization of Criminally Obtained Property: A Hackneyed Phrase and the Improvement of the Legislation 58

Kutuzov A.V. Digital Footprints and Evidence: The Need for a Theoretical and Normative Definition in the Context of Digitalization 67

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

Kolesnikov D.A. Human Cyber Rights in the Context of Technological Singularity 73

PRIVATE LAW

REGULATION ISSUES:

HISTORY AND CONTEMPORANEITY

Inshakova A.O. Contractual Forms of Investment in the Legislation and Practice of the Russian Federation 77

Matytsin D.E. Investing: The Concept and Classification of Schemes with Legal Significance 90

Zemlyacheva E.A. The Legal Regime of the Investment Protection and Promotion Agreement 98

Belova O.A. Post-COVID Syndrome as a Defect of a Transaction Through the Example of a Mortgage Agreement 107

Demin A.A. Statutory Concepts of the Mechanism of Regulating Property Turnover Relations 116

Nadeev I.Yu. The Legal Nature of the Director's Liability for the Harm Caused to a Business Company 122

Baltutite I.V. The Implementation of Environmental Criteria into the Public Procurement System in Russia 130

Artamonnikova S.V. The Notarial Form of a Contract as a Way to Protect the Civil Rights of Minor Subjects in Electronic Transactions 135

Vishnivetsky Ju.V. The Regulation and Ways of Using Digital (Information) Technologies to Protect Copyright 140

Dubrovina A.N. The Prenuptial Agreement of Business Spouses: Guarantees of Respect for Mutual Interests and Protection of the Rights of the Parties 148

Belichenko A.V. On the Sectoral Affiliation of Legal Norms Established by the Land, Forest and Water Legislation, and Legal Relations Arising on Their Basis 157

Changli V.S. The Concept and Problems of Legal Regulation of Housing Legal Relationship 166

Eriashvili N.D., Tumakov A.V. On the Issue of Defense and Protection of Rights to the National Olympic Emblem in the Russian Federation 171

CRIME PREVENTION AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V. Criminological Characteristics of a Person Providing Sexual Services on a Material Basis 177

PROCEDURAL LAW:

THEORY AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

Milikova A.V. Actual Problems of Documentation at the Stage of Preliminary Investigation 183

Stebivko A.Yu. Software and Data Support for Computer Forensic Analysis 189

www.volsu.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.1>

UDC 340.113.1

LBC 67.022.14

THEORETICAL AND APPLIED EXPEDIENCY OF ANALYZING LEGAL DISCOURSE IN PROCEDURAL LAW

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The relevance of research: the paper presents the editor-in-chief's analysis of the scientific papers that have made up the key section of the present issue of the journal *Legal Concept = Pravovaya paradigma* entitled "Legal Discourse in Procedural Law: Theoretical Discussion and Practical Expediency." The relevance of the research is determined by the fact that the concept of legal discourse can be attributed to new, previously not considered categories and phenomena in law (for example, such as legal field, legal matter, legal choice, legal framework). The emergence of these phenomena is caused by the cardinal transformations that have occurred in public relations in recent decades, which have required changes and improvements in legal science, education, and the consolidation of new concepts in it and, accordingly, their study on the pages of scientific publications in a comprehensive, debatable format. The **scientific novelty** of the feature topic is due to the objective need to define the boundaries of legal discourse, taking into account the fact that each of its types is characterized by its own terminological system, manifested in an orderly organization. For procedural law purposes, this is, first of all, a reasonable time, claim proceedings, adversarial system, parties to a trial, procedural costs, stages of the process, etc. The **methodological framework** for the research is a systematic evolutionary approach combined with structural and functional, temporal and spatial, comparative and documentary, statistical and econometric analysis, as well as legislative modeling. As a part of the study, the general scientific methods were used, including dialectical, inductive, deductive, analytical, predictive, and the specific scientific methods such as formal legal, the method of legal interpretation, the comparative law method, etc. **The results of the study:** from the standpoint of complexity, multi-aspect, and interdisciplinarity, some complex, sometimes ambiguous definitions and approaches to the content of legal discourse in procedural law and the prospects for its research are studied. In the context of legal discourse, the core of which is, among other things, the conceptual expression of certain ideas, rules, and procedures in procedural law, the terms "judicial discretion" as well as "prosecution" and "defense" as fundamental concepts of the adversarial system are studied. New facets of the concepts of prosecution and defense are revealed, and their specific features are presented in the original author's study through the prism of legal discourse. The scientific interest is focused on the institution of criminal and criminal procedure law – the court fine – as well as its practical relevance. Serious claims to the quality of its legislative implementation are analyzed. In terms of scientific significance and practical expediency, the problem of the correlation of the criminal procedural concepts of "premise" and "cause" in criminal proceedings is investigated. Some interesting developments concerning the linguistic features of normative statements are presented, which, in turn, are conditioned by the objective legal characteristics of the norms of law. Through the use of speech stereotypes, the analysis of scientific positions of understanding traces and evidence processed exclusively in digital form, their nature, and their correlation with generally accepted categories is carried out. A unified approach to understanding the nature of digital footprints and their scientific interpretation in criminology, criminal procedure, and other branches of legal science is being developed. **Conclusions:** having analyzed the concept of legal discourse, the author comes to the conclusion that it is so multidimensional and multifaceted that it is difficult to distinguish the main and secondary in it. All the elements are interconnected and constantly intersect with each other, creating a kind of integral system in which everything, from the letter of the law to the participant applying this letter, acts as an independent musical instrument of a large orchestra. In the

© ИншакOVA A.O., 2024

studies presented in the feature topic of the issue, it is proposed to abandon the complication of the definition of legal discourse by eliminating the accumulation of various components in its content that are devoid of practical significance. It is recommended to proceed from the fact that legal discourse is, first of all, the art of using the word in the professional activity of a lawyer. It is concluded that judicial discretion is one of the key concepts in the Russian legal system and includes the analysis of the relationship with a judicial precedent, which is one of the sources of law; therefore, its analysis and mutual influence on judicial discretion seem to be important aspects. Based on legal discourse, it is established that the discretion of the court is able to ensure the legality of law-application and law-enforcement discretion of other bodies, organizations, citizens, and officials. Due to its complex nature, it has become possible to combine law and linguistics, building certain steps towards understanding the essence of the text in law. It is proved that the language in law is not only issues of legal technique and stylistics but also constructive aspects of the existence of law itself as a kind of social phenomenon. The facts and reasons for the “free” use of the term “accusation” at the legislative level and in its official interpretation are established. It is proved that this circumstance is largely a consequence of the scientific discourse on the essence of the accusation. The shortcomings of the legal regulation of the decision-making procedure on the termination of a criminal case with the imposition of a court fine are systematized. The proposals aimed at increasing the practical expediency of the procedural form are formulated. The conclusion is reasoned that the measures taken both to create conditions that complicate the process of making criminal assets legal and to identify and bring to justice the perpetrators are not effective enough. It is established that in the process of identifying and qualifying socially dangerous acts related to money laundering, many problems arise due to the ambiguity of interpretations of the legal signs of the type of crime in question. The most general theoretical positions on understanding the essence of trace and evidentiary information in the digital (electronic) environment are highlighted. The information on the main approaches to understanding this category is summarized, and some additions to the domestic legislation are proposed to eliminate existing contradictions.

Key words: legal discourse, procedural law, legal science, language of the legislator, language of law enforcement practice, language of legal journalism, reasonable time, claim proceedings, adversarial system, parties to a trial, procedural costs.

Citation. Inshakova A.O. Theoretical and Applied Expediency of Analyzing Legal Discourse in Procedural Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 6-13. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.1>

УДК 340.113.1
ББК 67.022.14

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования: в настоящей работе главным редактором анализируются научные статьи, составившие ключевую рубрику очередного выпуска журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» под названием «Юридический дискурс в процессуальном праве: теоретическая дискуссия и практическая целесообразность». Актуальность проведенного исследования определяется тем обстоятельством, что понятие юридического дискурса можно отнести к новым, ранее нерассматриваемым категориям и явлениям в праве (таким, например, как правовое поле, правовая материя, правовой выбор, правовое пространство). Появление этих феноменов было вызвано кардинальными преобразованиями, произошедшими в общественных отношениях последних десятилетий, которые потребовали изменения и совершенствования правовой науки, образования и закрепления в ней новых понятий и, соответственно, изучения их на страницах научных изданий в комплексном, дискуссионном формате. **Научная новизна** главной темы обусловлена возникшей объективной необходимостью определения границ юридического дискурса с учетом того обстоятельства, что для каждого его вида характерна своя терминологическая система, проявляющаяся в упорядоченной организации. С точки зрения процессуального права это прежде всего разумный срок, исковое производство, состязательность, участники процесса, процессуальные издержки, стадии процесса и др. **Методологической основой** исследования является системный эволюционный подход в сочетании со структурно-функциональным, временным и пространственным, сравнительным и документальным,

статистическим и эконометрическим анализом, а также законодательным моделированием. В ходе исследования были использованы общенаучные методы, среди которых диалектический, индуктивный, дедуктивный, аналитический, прогностический, и частнонаучные методы, такие как формально-юридический, метод юридического толкования, сравнительно-правовой метод и т. д. **Результаты исследования:** с позиций комплексности, многоаспектности и междисциплинарности изучены сложные, порой неоднозначные определения и подходы к вопросам содержания юридического дискурса в процессуальном праве и перспективам его исследования. В контексте юридического дискурса, стержнем которого является в том числе концептуальное выражение определенных идей, правил, процедур в процессуальном праве, изучены термины «судебное усмотрение», а также «обвинение» и «защита» как фундаментальные понятия принципа состязательности. Выявлены новые грани понятий обвинения и защиты, в оригинальном авторском исследовании представлены их специфические черты через призму юридического дискурса. Научный интерес акцентируется на институте уголовного и уголовно-процессуального права – судебном штрафе, а также на его практической востребованности. Проанализированы серьезные претензии к качеству его законодательного воплощения. С точки зрения научной значимости и практической целесообразности исследована проблема соотношения уголовно-процессуальных понятий «предпосылка» и «причина» в уголовном судопроизводстве. Представлены интересные разработки, касающиеся языковых особенностей нормативных высказываний, которые, в свою очередь, обусловлены объективными юридическими характеристиками норм права. Посредством использования речевых стереотипов проведен анализ научных позиций понимания следов и доказательств, обрабатываемых исключительно в цифровой форме, их природы и соотношения с общепринятыми категориями. Вырабатывается единый подход к пониманию природы цифровых следов и их научной интерпретации в криминалистике, уголовном процессе и иных отраслях юридической науки. **Выводы:** проанализировав понятие юридического дискурса, автор пришел к выводу: оно настолько многомерно и многогранно, что трудно выделить в нем главное и второстепенное. Все элементы взаимосвязаны и постоянно пересекаются между собой, создавая некую целостную систему, в которой все, от буквы закона до участника, применяющего эту букву, выступает самостоятельным музыкальным инструментом большого оркестра. В представленных в главной теме номера исследованиях предлагается отказаться от усложнения определения юридического дискурса путем исключения нагромождений в его содержании различных составляющих, лишенных практического значения. Рекомендуются исходить из того, что юридический дискурс – это прежде всего искусство владения словом в профессиональной деятельности юриста. Сделан вывод о том, что судебное усмотрение – это одно из ключевых понятий в российской системе права и включает в себя анализ взаимосвязи с судебным прецедентом, который является одним из источников права, поэтому его анализ и взаимное влияние на судебную дискрецию представляются важными аспектами. На основе юридического дискурса установлено, что усмотрение суда способно обеспечить законность правоприменительной и правореализационной дискреции иных органов, организаций, граждан и должностных лиц. Благодаря его комплексной природе стало возможным объединить право и лингвистику, выстроив определенные ступени к пониманию сущности текста в праве. Обосновано, что язык в праве – это не только вопросы юридической техники и стилистики, но и конструктивные моменты существования самого права как своеобразного социального феномена. Установлен факт и причины «свободного» использования термина «обвинение» на законодательном уровне и при его официальном толковании. Обосновано, что данное обстоятельство во многом является следствием научного дискурса о сущности обвинения. Систематизированы недостатки правового регулирования процедуры принятия решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Сформулированы предложения по повышению практической целесообразности процессуальной формы. Аргументирован вывод о том, что предпринимаемые меры, направленные как на создание условий, затрудняющих процесс придания законности криминальным активам, так и на выявление и привлечение к ответственности виновных лиц, недостаточно эффективны. Установлено, что в процессе выявления и квалификации общественно опасных деяний, связанных с легализацией денежных средств, возникает много проблем из-за неоднозначности трактовки правовых признаков рассматриваемого вида преступлений. Выделены наиболее общие теоретические позиции к пониманию сущности следовой и доказательственной информации в цифровой (электронной) среде. Обобщены сведения об основных подходах к пониманию данной категории, и предложены дополнения в отечественное законодательство с целью устранения имеющихся противоречий.

Ключевые слова: юридический дискурс, процессуальное право, юридическая наука, язык законодателя, язык правоприменительной практики, язык юридической журналистики, разумный срок, исковое производство, состязательность, участники процесса, процессуальные издержки.

Цитирование. Иншакова А. О. Теоретико-прикладная целесообразность анализа юридического дискурса в процессуальном праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.1>

Главная тема очередного номера юридического журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – «Юридический дискурс в процессуальном праве: теоретическая дискуссия и практическая целесообразность». Понятие юридического дискурса можно с определенной долей уверенности отнести к новым, ранее нерассматриваемым категориям и явлениям в праве (таким, например, как правовое поле, правовая материя, правовой выбор, правовое пространство). Появление этих феноменов было вызвано кардинальными преобразованиями, произошедшими в общественных отношениях последних десятилетий, которые потребовали изменения и совершенствования правовой науки, образования и закрепления в ней новых понятий.

Понятие юридического дискурса настолько многогранно, что возникла необходимость в определении границ его рассмотрения, ограничив одним видом. Для каждого юридического дискурса характерна своя терминологическая система, проявляющаяся в упорядоченной организации. Например, для процессуального права: разумный срок, исковое производство, состязательность, участники процесса, процессуальные издержки, стадии процесса и др.

Ядром юридического дискурса являются документы, принятые на международном и государственном уровнях, а также юридическое образование, юридическая наука, юридическая публицистика и бытовое общение на юридические темы. Художественное творчество, в котором затрагиваются юридические вопросы, относится к художественному дискурсу, но определенные элементы юридического дискурса здесь также присутствуют.

Юридический дискурс имеет определенные черты, позволяющие говорить о его специфике. Важнейшей чертой юридического дискурса является специфический язык, который объединяет язык законодателя, язык правоприменительной практики, язык юридического образования, язык юридической журналистики. Ш. Монтескье писал: «Слова законов должны побуждать у всех людей одни и те же идеи, никогда не следует в законе употреблять неопределенные понятия, стиль законов должен отличаться точностью и краткостью» (цит. по: [3, с. 193]).

Вместе с тем понятие юридического дискурса настолько многомерно и многогранно, что трудно выделить в нем главное и второстепенное. Все элементы взаимосвязаны и постоянно пересекаются между собой, создавая некую целостную систему, в которой все, от буквы закона до участника, применяющего эту букву, выступает самостоятельным музыкальным инструментом большого оркестра.

Именно с позиций комплексности, многоаспектности и междисциплинарности в своей статье «Амфиболичность юридического дискурса, или искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности» Н.А. Соловьева попыталась разобраться в сложных, порой неоднозначных определениях и взглядах на вопрос о содержании дискурса и перспективах его исследования. Автор справедливо отмечает, что отсутствие единства и однозначности в определении юридического дискурса позволяет охарактеризовать ситуацию как амфиболичную, и вместе с тем напоминает, что часто все новое просто хорошо забытое старое. И надо оглянуться назад для того, чтобы понять истоки сегодняшних поисков и, возможно, найти ответы на многие вопросы. Ведь, как известно, разработку проблемы языка и права начинали еще философы Древней Греции и юристы Древнего Рима, впервые обратившие внимание на то, что слова закона не тождественны его «силе и власти» (*vin ac potestatem*). Поэтому говорить сегодня об актуальности проблемы с позиции новизны было бы по крайней мере сомнительно. Искусство владения словом в профессиональной деятельности всегда волновало юридическое сообщество. В статье сделана попытка показать преемственность в изучении вопроса и возможность обогащения разработок в данном направлении с учетом современных достижений. По мнению автора, целесообразно отказаться от усложнения определения юридического дискурса путем исключения нагромождений в его содержании различных составляющих, лишенных практического значения, и исходить из того, что юридический дискурс – это прежде всего искусство владения словом в профессиональной деятельности юриста.

Подобной позиции придерживается и другой автор главной рубрики – Е.С. Азарова, которая в статье «Судебное усмотрение и судебный прецедент: праволингвистический контекст» также предприняла попытку междисциплинарного исследования в рамках юридического дискурса, тем самым наглядно представив его интегративную сущность. Судебное усмотрение, по мнению автора, – одно из ключевых понятий в российской системе права, которое на протяжении долгого времени привлекало внимание законодателей из-за его значимости для работы судов. В результате исследования выявлено, что усмотрение суда включает в себя анализ взаимосвязи с судебным прецедентом, который является одним из источников права, поэтому его анализ и взаимное влияние на судебную дискрецию представляются важными аспектами. Установлено, что судебный прецедент представляет собой решение высших судов, а усмотрение суда способно обеспечить законность правоприменительной и правореализационной дискреции иных органов, организаций, граждан и должностных лиц. И опять основой для анализа и обобщения имеющихся позиций стал юридический дискурс. Благодаря его комплексной природе стало возможным объединить право и лингвистику, выстроив определенные ступени к пониманию сущности текста в праве.

Саратовские ученые, в частности профессор Н.С. Манова и доцент Д.С. Устинов в статье «Обвинение: научный дискурс и проблемы законодательного закрепления», а также доцент кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета В.М. Шинкарук в работе «Дискурсивная природа обвинения и защиты» раскрывают вопросы четкости и полноты формулирования юридической терминологии при содержательном анализе таких процессуальных элементов, как обвинение и защита. Обвинение – основополагающий элемент уголовного судопроизводства, выступающий в качестве явления, которое, по сути, порождает всю уголовно-процессуальную деятельность, определяет механизм реализации норм материального права при производстве по уголовному делу. Еще А.Ф. Кони писал о том, что обвинение служит «маховым колесом в

машине уголовного суда» [1, с. 259]. Термины «обвинение» и «защита» – фундамент принципа состязательности, и наоборот. Поэтому так важно рассматривать их с позиции юридического дискурса, стержнем которого является в том числе концептуальное выражение определенных идей, правил, процедур в процессуальном праве. Так, древние идеи отражены в современной процессуальной терминологии благодаря формированию юридического дискурса. В соответствии со ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. По отношению к уголовному процессу этот принцип конкретизирован в ст. 15 УПК РФ, в том числе через определения сторон обвинения и защиты и их равноправия. Перечисленные термины указывают на исходную идею поединка, сражения за справедливость. Кстати, меч и сегодня остается эмблемой охраны правопорядка. Но правовой способ разрешения конфликтов, вместо реальной битвы и агрессивных самоуправных действий, предлагает мысленное моделирование события, перевод фактического в юридическое, нейтрализующее остроту ситуации. Абстрактные юридические конструкции и принципы позволяют возвыситься над произволом и примитивной мстью и в то же время реально повлиять на судьбы людей через символические формы, посредством которых жизненно важные вопросы решаются в правовом поле – без варварства и кровопролития, на основе гуманистических идей справедливости, свободы и достоинства личности. Таким образом, язык в праве – это не только вопросы юридической техники и стилистики, это конструктивные моменты существования самого права как своеобразного социального феномена [2, с. 7].

Исходя из широкого определения юридического дискурса в процессуальном праве, Н.С. Манова, Д.С. Устинов и В.М. Шинкарук в своих статьях в качестве предмета научного поиска выбрали достаточно устоявшиеся в науке и практике термины – «обвинение» и «защита», что могло бы вызвать некоторое недоумение. Однако именно кажущаяся изученность того или иного явления часто препятствует более глубокому и детальному его изучению. Авторы же не побоялись быть баналь-

ными и в русле главной темы номера смогли выявить новые грани обвинения и защиты, представив на страницах журнала свое видение их специфических черт через призму юридического дискурса. Действующий УПК РФ дает определение обвинения в статье, посвященной основным понятиям, использованным в Кодексе. Согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ, обвинение – это «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в установленном законом порядке». Данное понятие используется в тексте Кодекса десятки раз, однако далеко не всегда в том смысле, который заложен в п. 22 ст. 5 УПК РФ. Даже в той же ст. 5 УПК РФ понятие «обвинение» использовано для обозначения самых разных уголовно-процессуальных явлений. Нет единого подхода к трактовке понятия «обвинение» и в теоретико-правовых позициях Конституционного Суда РФ, который в одном случае говорит об обвинении как уголовно-процессуальной функции, отмечая, что «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде», а в другом своем решении использует рассматриваемое понятие в самых различных смыслах, указывая на то, что, «осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства». Подобное «свободное» использование данного термина на законодательном уровне и при его официальном толковании во многом является следствием научного дискурса о сущности обвинения, той полемики, которая десятки лет велась в теории уголовного процесса по проблемам, связанным с понятием обвинения.

Неординарное видение научно-практических проблем представила профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, заслуженный деятель науки В.А. Лазарева в статье «Судебный штраф – хорошая идея, плохое решение». Значительное число научных публикаций, посвященных судебному

штрафу, в том числе диссертационных исследований, свидетельствует не только о высоком уровне научного интереса к новому институту уголовного и уголовно-процессуального права и его практической востребованности, но и о серьезных претензиях к качеству его законодательного воплощения. Институт судебного штрафа с момента введения, несмотря на определенные колебания, показывает устойчиво высокую степень востребованности как со стороны лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, в силу своей гуманистической сущности, так и со стороны органов предварительного расследования и судей в силу относительной простоты его процедуры. На этом фоне особенно заметны многочисленные огрехи законодательной техники, противоречия и иные недоработки правовых норм, содержащихся в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, не соответствующие задаче создания эффективного и несложного механизма освобождения от уголовной ответственности с применением меры уголовно-правового характера. В.А. Лазарева систематизировала недостатки правового регулирования процедуры принятия решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа и сформулировала предложения, направленные на повышение практической целесообразности процессуальной формы.

Интересную с точки зрения научной значимости и практической целесообразности проблему соотношения уголовно-процессуальных понятий «предпосылка» и «причина» в уголовном судопроизводстве затронул профессор Саратовской государственной юридической академии Ю.В. Францифоров, еще раз показав в своей статье, насколько необъятна и многомерна тема юридического дискурса, в которой тесно переплетаются научные концепции, законодательные формулировки и правоприменительная практика. Ю.В. Францифоров определил неожиданную точку отсчета для исследования в контексте главной темы, объяснив актуальность проблемы тем, что однозначное понимание отдельных терминов и положений уголовно-процессуального права, их смысловая определенность вызвана правильным пониманием соотношения понятийного взаимодействия, необходимостью разрешения

противоречий уголовного судопроизводства, обеспечением прав участников уголовного процесса, законностью и обоснованностью вынесения процессуальных решений по уголовному делу. Термин в виде слова или словосочетания необходим для выражения конкретного понятия и его отграничения от близкого по смыслу понятия, которое точно обозначает его сущность в специальной области человеческих знаний. Важной частью исследования явилось рассмотрение предпосылок и причин соблюдения и реализации принципа законности. Профессор обосновывает вывод о том, что причина – это фактор, определяющий исход любого события. Чтобы отыскать его первоисточник, нужно задать вопрос «Почему?». Найденный ответ окажется причиной. Тогда как предпосылки – это условия (факторы), порождающие правовые отношения.

В главной теме номера представлены и интересные разработки, касающиеся языковых особенностей нормативных высказываний, которые, в свою очередь, обусловлены объективными юридическими характеристиками норм права. Это статьи Т.Г. Жуковой, К.А. Долгополова, А.П. Жукова «Легализация имущества: речевой стереотип и совершенствование законодательства» и А.В. Кутузова «Цифровые следы и доказательства: необходимость теоретического и нормативного определения в условиях цифровизации». Известные способы изложения нормативных предписаний закреплены социальным опытом и образуют относительно самостоятельную область речевой практики, подчиненную соответствующему стандарту, одной из черт которого являются речевые стереотипы, или воспроизводимые выражения, фразы-клише. В регламентированном процессе принятия правотворческих решений многие ситуации обладают высокой степенью повторяемости. Для их обозначения в нормативных правовых текстах всякий раз используются одни и те же синтаксические конструкции с одинаковым лексическим составом. В результате отдельные слова постепенно теряют свое самостоятельное значение, а фраза превращается в неделимое смысловое целое, легко воспринимается и быстро распознается при передаче той или иной типовой информации. Легализация имущества в контексте речевого сте-

реотипа стала предметом исследования ученых из Северо-Кавказского федерального университета (Т.Г. Жуковой, К.А. Долгополова, А.П. Жукова) в статье «Легализация имущества: речевой стереотип и совершенствование законодательства». В статье рассматривается сложившаяся ситуация в сфере противодействия теневой экономики и легализации (отмывания) материальных средств. Авторами аргументируется вывод о том, что на сегодняшний день борьба с рассматриваемым видом преступлений, несмотря на все принимаемые меры, направленные как на создание условий, затрудняющих процесс придания законности криминальным активам, так и на выявление и привлечение к ответственности виновных лиц, недостаточно эффективна. В процессе выявления и квалификации общественно опасных деяний, связанных с легализацией денежных средств, возникает много проблем, среди которых и неоднозначность трактовок правовых признаков рассматриваемого вида преступлений.

А.В. Кутузов в статье «Цифровые следы и доказательства: необходимость теоретического и нормативного определения в условиях цифровизации» также, благодаря использованию речевых стереотипов, проводит анализ научных позиций понимания следов и доказательств, обрабатываемых исключительно в цифровой форме, их природы и соотношения с общепринятыми категориями. Существующая дискуссия позволяет выработать единый подход к пониманию природы цифровых следов и их научной интерпретации в криминалистике, уголовном процессе и иных отраслях юридической науки. По итогам проведенного исследования выделены наиболее общие теоретические позиции к пониманию сущности следовой и доказательственной информации в цифровой (электронной) среде. Обобщены сведения об основных подходах к пониманию данной категории, и предложены дополнения в отечественное законодательство с целью устранения имеющихся противоречий.

Познать и получить полное представление о таком масштабном явлении, как юридический дискурс, в рамках одной рубрики – задача, безусловно, невыполнимая. Но именно в этом просторе и широте, в многограннос-

ти и многофакторности юридического дискурса открываются перспективы для дальнейшего научного поиска, скромным вкладом в осуществление которого можно считать и представленные в подготовленном выпуске нашего журнала научные работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кони, А. Ф. Новые меха и новое вино (Из истории первых дней судебной реформы) / А. Ф. Кони // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4. – М. : Юрид. лит., 1967. – С. 223–261.
2. Сандевуар, П. Юридические процедуры во французском праве / П. Сандевуар. – М. : Дюно, 1994. – 92 с.

3. Солганик, Г. Я. Стилистика текста / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 256 с.

REFERENCES

1. Koni A.F. Novyye mekha i novoye vino (Iz istorii pervykh dney sudebnoy reformy) [New Wineskin and New Wine (From the History of the First Days of Judicial Reform)]. *Sobraniye sochineniy. V 8 t. T. 4* [Collection of Works. In 8 Vols. Vol. 4]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967, pp. 223-261.
2. Sandevuar P. *Yuridicheskiye protsedury vo frantsuzskom prave* [Legal Procedures in French Law]. Moscow, Dyuno Publ., 1994. 92 p.
3. Solganik G.Ya. *Stilistika teksta* [Text Stylistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007. 256 p.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт РАН, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.2>

UDC 343.13
LBC 67.410.2

Submitted: 03.06.2024
Accepted: 25.06.2024

AMPHIBOLISM OF LEGAL DISCOURSE, OR THE ART OF WORD MASTERY IN PROFESSIONAL LEGAL ACTIVITY

Natalia A. Solovyova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the problems and prospects of the study of legal discourse in procedural law. On the one hand, the lack of unity and unambiguity in the definition of legal discourse makes it possible to characterize the situation as amphibolic. On the other hand, there is an awareness that everything new is just well-forgotten old. The development of the problem of language and law began as early as ancient Greek philosophers and lawyers of Ancient Rome, who for the first time drew attention to the fact that the words of the law were not identical with its “power and authority” (*vin ac potestatem*). Therefore, it would be at least doubtful to talk about the relevance of the problem from a position of novelty today. The art of using the word in professional activity has always been of concern to the legal community. Therefore, the paper attempts to show continuity in the study of the issue and the possibility of enriching developments in this direction, taking into account modern achievements. In this regard, the **purpose** of the study is to generalize the positions available in various branches of knowledge regarding what is included in the content of legal discourse, as well as to identify the functions and properties of this multidimensional concept. **Methods:** in the course of the research, the dialectical and general scientific methods of cognition were used – observation, description, and theoretical understanding of the material, systematic interpretation. Among the specific scientific methods of studying the subject of scientific research were the formal legal and generalization methods. **Results:** it is advisable to abandon the complication of the definition of legal discourse by eliminating the accumulation of various components in its content, devoid of practical content. “Do not multiply entities unnecessarily” – this is how Occam’s principle sounds. The definition of legal discourse through words in law most clearly and fully characterizes the essence of this phenomenon. **Conclusions:** legal discourse is the art of using the word in the professional activity of a lawyer, human common sense.

Key words: legal discourse, word, language in law, term, speech stereotype, document, discursivity, amphibolism, interdisciplinary research, linguistics.

Citation. Solovyova N.A. Amphibolism of Legal Discourse, or the Art of Word Mastery in Professional Legal Activity. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 14-20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.2>

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 03.06.2024
Дата принятия статьи: 25.06.2024

АМФИБОЛИЧНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА, ИЛИ ИСКУССТВО ВЛАДЕНИЯ СЛОВОМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наталья Алексеевна Соловьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются проблемы и перспективы исследования юридического дискурса в процессуальном праве. С одной стороны, отсутствие единства и однозначности в определении юридического дискурса позволяет охарактеризовать ситуацию как амфиболичную. А с другой, есть осознание того, что все новое – просто хорошо забытое старое. Разработку проблемы взаимосвязи языка и права начинали еще философы Древней Греции и юристы Древнего Рима, впервые обратившие внимание на то, что слова закона не тождественны его «силе и власти» (*vin ac potestatem*). Поэтому говорить сегодня об актуальности проблемы с позиции новизны было бы, по крайней мере, сомнительно. Искусство владения словом в профессиональной деятельности всегда волновало юридическое сообщество. Поэтому в статье сделана попытка показать преимущество в изучении вопроса и возможность обогащения разработок в данном направлении с учетом современных достижений. В связи с этим **целью** исследования явилось обобщение имеющихся в различных отраслях знания позиций относительно того, что входит в содержание юридического дискурса, а также выявление функций и свойств данного многомерного понятия. **Методы:** в ходе исследования использовались диалектические и общенаучные методы познания – наблюдение, описание и теоретическое осмысление материала, системная интерпретация. Среди частнонаучных методов изучения предмета научного поиска выступили формально-юридический и метод обобщения. **Результаты:** целесообразно отказаться от усложнения определения юридического дискурса путем исключения нагромождений в нем различных составляющих, лишенных практического наполнения. «Не умножайте сущности без надобности», – так звучит принцип Оккама. Определение юридического дискурса в праве наиболее четко и полно характеризует суть данного явления. **Выводы:** юридический дискурс – это искусство владения словом в профессиональной деятельности юриста.

Ключевые слова: юридический дискурс, слово, язык в праве, термин, речевой стереотип, документ, дискурсивность, амфиболичность, междисциплинарные исследования, лингвистика.

Цитирование. Соловьева Н. А. Амфиболичность юридического дискурса, или искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 14–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.2>

Глубочайшая мысль должна
сливаться с простейшим словом.
А.Ф. Кони

Введение

Именно так можно было бы рассмотреть сущность юридического дискурса в противовес тем исследованиям, которые сейчас стали научным трендом. Взгляд на юридический дискурс с позиций междисциплинарных и комплексных исследований, включающих философию, лингвистику, социологию, юриспруденцию, психологию и многие другие отрасли знаний, расширяет его содержание, что негативно влияет на понимание сущности. Исследование вопросов владения словом в праве было предпринято еще в древних рукописях, в том числе в трудах философов Древней Греции и правоведов Древнего Рима, которые впервые обозначили несовпадение между текстуальным содержанием законов и их реальной силой и воздействием (*vin ac potestatem*), указывая на важность интерпретации значений и контекста. Каждая эпоха развития правовой науки характеризовалась внедрением эволю-

ционных методов и подходов к анализу языковой формы правовых документов, основанных на осознании языковых феноменов, через которые законодатели формулируют правовые нормы [5, с. 155].

Как известно, профессиональное юридическое сообщество представляет собой сегмент так называемой символической элиты, обладающей почти неограниченными возможностями воздействия на духовное развитие социума. Выступая от имени законопослушных граждан в общественной сфере, юристы постоянно обращаются к устному и письменному слову. Недостаточное развитие необходимых для профессиональной деятельности языковых навыков, неспособность абстрактно мыслить и адекватно выражать свои мысли могут стать причиной нарушения прав и законных интересов граждан. Это, в свою очередь, способно оказать серьезное негативное воздействие как на отдельного человека, так и в целом на общественное правосознание и правовую культуру. Следовательно, необходимо учитывать, что развитие коммуникативных навыков и языковых способностей юристов играет значительную роль в обеспечении

прав и интересов граждан, способствуя укреплению правового сознания и правовой культуры в обществе [5, с. 156].

**Многомерность
юридического дискурса –
основа его амфиболичности**

В последнее время проблемы использования языка в праве рассматриваются через призму юридического дискурса. Междисциплинарные разработки на пересечении лингвистики и юриспруденции приняли системный характер [18, с. 96].

Юридическая наука тесно связана с изучением языковых приемов написания правовых текстов, систем убеждений и стратегий коммуникативного поведения тех или иных субъектов, будь то конкретные личности, группы или даже абстрактные образования. Дискурс в правовой сфере представляет особый интерес для исследователей, поскольку он является ключевым элементом анализа особенностей взаимодействия субъектов права и формирования юридической практики. Таким образом, дальнейшее изучение дискурсивного аспекта в юридической сфере поощряется для более полного понимания сложной природы правового общения и деятельности юридических субъектов [17, с. 46].

Важной особенностью юридического дискурса является его взаимодействие с другими сферами социума и культуры. Лингвисты, занимающиеся анализом различных аспектов языка права, проводят изучение текстов и коммуникации в юридических контекстах, но также стремятся проникнуть в суть влияния языка на формирование понимания права, закона и правосудия в целом [17, с. 53].

Подобные исследования стали весьма востребованными в юриспруденции, в связи с чем приходит на ум высказывание Ш. Монтескье: «Как легко дать предмету новое название, как трудно изменить его сущность» [8, с. 231]. Ведь если история вопроса уходит корнями глубоко в древнюю историю, то современные исследования нельзя назвать новыми, поскольку сущность остается прежней, меняется только лишь название. Это послы, согласно которому следует полностью

отказаться от исследований юридического дискурса, что, в свою очередь, было бы неправильно.

Целесообразно занять компромиссную позицию, учитывающую все исследования, которые имеются по данной проблематике, и соотнести с современными разработками. «Я видел дальше других лишь потому, что стоял на плечах гигантов», – писал Исаак Ньютон Роберту Гуку в 1676 году. Так же нужно подходить и к исследованиям в области юридического дискурса.

Амфиболичность юридического дискурса в праве многих исследователей и практических работников ставит в тупик. Неоднозначность данного понятия, содержательной смысловой нагрузки проявляется в нескольких аспектах. Прежде всего, юридический дискурс – это многомерное понятие, которое невозможно изучить в рамках одной отрасли знаний, это собирательный, комплексный феномен, отражающий вклад ряда наук, и, прежде всего, юриспруденции и лингвистики. Кроме того, в процессе интеграции теории права и лингвистики наблюдается многократное приращение научных достижений из разнообразных дисциплин. В результате этого синтеза происходит глубокое интегрирование концепций и методов, извлеченных из различных областей знания.

А.А. Сусова определяет термин «юридический дискурс» как «текст права в динамике, в процессе толкования и разъяснения, основными слагаемыми которого являются терминология и принципы формирования текстов, функционирующих в области юриспруденции» [14, с. 10].

Дискурс – сложное коммуникативно-деятельное явление, это «текст, погруженный в жизнь» [2, с. 3]. Поэтому, кроме самого текста, дискурс включает в себя не только автора, творящего данный текст, но и ситуацию общения (время, место, условия), и воспринимающего – его опыт, установки и ценности.

Несмотря на различия между предметами и целями изучения юридического дискурса и юридической лингвистики, их объединяет общий объект исследования – взаимосвязь языка и права, что обуславливает их включение в единое научное исследование [8, с. 144].

Коммуникативная природа юридического дискурса

Непосредственно на процессуальный характер дискурса указывает В.З. Демьянков: «Дискурсом называют текст в его становлении перед мыслимым взором интерпретатора» (цит. по: [1]).

Заведомо неточному отражению действительности может способствовать определенный выбор словесного обозначения понятий. Право – это не интеллектуальная игра, это также и не чисто процедурная техника или платонический церемониал [5, с. 98].

Как отмечает В.Г. Борботько, «при создании дискурса приходит в активное состояние вся языковая система как средство моделирования образа, порождаемого человеческим сознанием» [12, с. 536]. Так, К.Ф. Седов дает следующее определение этому термину: «Дискурс – объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально значимого взаимодействия людей» [13, с. 60]. Эта диспозиция обуславливает глубокое осмысление природы дискурсивной коммуникации – погрузившись в нее, можно ощутить грандиозное и нескончаемое бурление бессубъектного дискурса [9, с. 27].

Следует отметить, что характер и форма юридического языка и техники претерпевают изменения в зависимости от типа проводимого юридического дискурса, что отражается в формировании уникальных контекстов и специфических стратегий взаимодействия. Как справедливо отмечает А.С. Александров, «речедетальность – суть юридической практики и способ существования права» [1]. Юридический дискурс, обусловленный взаимодействием профессиональных участников, характеризуется использованием специфического языка, содержащего определенные термины и дефиниции. В ходе профессионального общения обычно наблюдается употребление концепций, не всегда формализованных в законодательстве, однако прочно укоренившихся в повседневной юридической практике как речевые стереотипы.

Дискурс представляет собой многогранный коммуникативный феномен, весьма сложный в своей структуре, который позволяет

представить нам образы участников коммуникации, раскрыть их характерные черты, а также процессы формирования и восприятия различных сообщений [6, с. 62].

Функции и терминология юридического дискурса

Исходя из работ О.А. Крапивкиной и Л.А. Непомилова, юридический дискурс обнаруживает важные функции, интегрированные в его базовую структуру и направленные на организацию и совершенствование правовой [7].

Функции юридического дискурса имеют прикладное значение. Важно осознавать, как каждая влияет на формирование и развитие правовых отношений. В научном сообществе выделяют следующие основные функции юридического дискурса [3, с. 125]: нормативная, перформативная, прескриптивная, информационная, декларативная, презентационная, аналитическая, оценочная, парольная.

Перечисленные функции взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, обеспечивая эффективное функционирование правовой системы, защиту прав и свобод граждан, а также устойчивость правопорядка и справедливости в обществе.

Таким образом, вышеупомянутые функции представляют собой важные строительные элементы юридического дискурса, придающие ему смысловую глубину и социокультурное значение в контексте правовой системы и общественных отношений.

По общему правилу, хорош тот термин, который наиболее полно выражает данное нормативное понятие, плох – тот, который затемняет его подлинное содержание [11].

Еще древние юристы предупреждали, что «любое определение несет в себе опасность» [5, с. 68]. Действительно, нечеткая, небрежно сформулированная либо сознательно искаженная дефиниция начинает подменять собой подлинную сущность понятия и неверно ориентирует познавательную деятельность, а для правовой сферы такие последствия особенно нежелательны.

Значимость содержания юридического дискурса выступает в качестве важного аспекта, требующего исключения любой дву-

смысленности. Характерные черты языка в рамках юридического дискурса включают в себя следующее: эмоционально-экспрессивная нейтральность, логическая последовательность и связность выражений, простота и ясность изложения, строгая точность и лаконичность, проявление безличного и неиндивидуального характера [3, с. 129]. Юридический дискурс тесно связан с формированием системы значений и терминологии, отражающих особенности юридического мышления и коммуникации в данной сфере.

Терминология становится центральной и доминирующей в структуре пространства юридического дискурса, обладая высокой степенью информативности и значимости [10]. Термины служат основой, на которой строится весь корпус юридических понятий. Юридическая терминология представляет собой абстрактные обобщения разнообразных концепций, посредством которых достигается точная и ясная формулировка правовых норм, обеспечивается максимальная экономия текста, однозначное и понятное восприятие документов.

Юридическая терминология выступает в качестве индикатора эталонного или отклоняющегося от нормы поведения, обеспечивая тем самым однозначное толкование содержания текста. Свойства терминологии, такие как однозначность, устойчивость использования и эмоциональная нейтральность, способствуют закреплению определенных интерпретаций и представлений в рамках юридического дискурса, предотвращая нежелательные толкования и конкретизируя сферу, содержание и характер действия права [16].

Таким образом, язык правовой сферы, стремящийся к ясности и однозначности высказываний, играет существенную роль в обществе как надежный инструмент для толкования и применения правовых норм без противоречий [15, с. 127].

Выводы

«Когда объем понятия стремится к бесконечности, его содержание стремится к нулю» [4, с. 105]. Для того, чтобы не обнулить содержание юридического дискурса чрезмерным расширением содержания, предлагается при его изучении исходить из сути

явления – язык в праве. Соответственно этому можно предложить включать в содержание уже адаптированные элементы, не углубляясь в предпосылки и философскую природу дискурса. Данный результат может быть достигнут посредством анализа юридического дискурса через призму системы понятий и алгоритмических процессов, присущих процессуальной деятельности.

К сожалению, в отдельных ситуациях возникают многочисленные отклонения от указанных выше стандартов: применение неправильной лексики и синтаксиса, двусмысленные высказывания, неумелое использование отрицаний, низкий уровень категориально-понятийного аппарата, избыточность и неполнота выражений. Именно поэтому вопросы, связанные с внутренним содержанием юридического дискурса, требуют серьезного обсуждения в академических кругах и среди практикующих юристов с целью развития умений точно и грамотно выражать свои мысли и идеи. Можно заключить, что юридический дискурс – это не просто слово в праве, а искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, А. С. Что такое «судебная лингвистика» и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса / А. С. Александров // Школы и направления уголовно-процессуальной науки : докл. и сообщ. на учред. конф. Междунар. ассоц. содействия правосудию, Санкт-Петербург, 5–6 окт. 2005 г. – URL: <http://www.iaaj.net/lib/konf-MASP/aleksandrov.htm>
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 895 с.
3. Виноградов, И. А. Свойства, функции и языковые черты юридического дискурса / И. А. Виноградов // Вестник МДУ им. А.А. Куляшова. – 2018. – № 1 (51). – С. 124–129.
4. Выготский, Л. С. Психология развития / Л. С. Выготский. – М. : Смысл : Эксмо, 2005. – 512 с.
5. Губаева, Т. В. Язык и права : Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – М. : Норма, 2004. – 160 с.
6. Косоногова, О. В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры / О. В. Косоногова // Историческая и социально-

образовательная мысль. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 61–65.

7. Крапивкина, О. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства / О. А. Крапивкина, Л. А. Непомилков // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 9. – URL: <http://human.snauka.ru/>

8. Монтескье, Ш. Переключка веков. Размышления. Суждения. Высказывания / Ш. Монтескье. – М.: Мысль, 1990. – 448 с.

9. Назаров, И. Д. К вопросу о содержании юридического дискурса и юридического языка: философско-правовой анализ / И. Д. Назаров // Дискурс. – 2017. – № 2. – С. 21–28.

10. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – 423 с.

11. Палашевская, И. В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права / И. В. Палашевская // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 144–156.

12. Палашевская, И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников / И. В. Палашевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 5 (2). – С. 535–540.

13. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

14. Сусов, А. А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры / А. А. Сусов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 10–13.

15. Тонков, Е. Н. Толкование закона в Англии / Е. Н. Тонков. – СПб.: Алетейя, 2013. – 352 с.

16. Федулова, М. Н. Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации / М. Н. Федулова // Филологические науки в МГИМО. – 2015. – № 4. – С. 199–206.

17. Хомутова, Т. Н. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования / Т. Н. Хомутова, Е. А. Шефер // Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics. – 2019. – № 3. – С. 44–53.

18. Цуканова, Е. В. Юридический дискурс в аспекте институциональной специфики: лингвистический аспект / Е. В. Цуканова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2020. – № 5 (211). – С. 96–102.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.S. Chto takoye «sudebnaya lingvistika» i kakovo yeye otnosheniye k nauchnoy dogme ugolovnoy protsessy [What Is “Forensic Linguistics” and What Is Its Relation to the Scientific Dogma of Criminal Procedure]. *Shkoly i napravleniya ugolovno-protsessualnoy*

nauki: dokl. i soobshch. na uchred. konf. Mezhdunar. assots. sodeystviya pravosudiyu, Sankt-Peterburg, 5–6 okt. 2005 g. [Schools and Directions of Criminal Procedural Science: Reports and Communications at the Founding Conference of the International Association for Assistance to Justice, Saint Petersburg, October 5–6, 2005]. URL: <http://www.iauj.net/lib/konf-MASP/aleksandrov.htm>

2. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., 1999. 895 p.

3. Vinogradov I.A. *Svoystva, funktsii i yazykovyye cherty yuridicheskogo diskursa* [Properties, Functions and Linguistic Features of Legal Discourse]. *Vestnik MDU im. A.A. Kulyashova*, 2018, no. 1 (51), pp. 124–129.

4. Vygotskiy L.S. *Psikhologiya razvitiya* [Developmental Psychology]. Moscow, Smysl Publ., Eksmo Publ., 2005. 512 p.

5. Gubayeva T.V. *Yazyk i prava: Iskusstvo vladeniya slovom v professionalnoy yuridicheskoy deyatel'nosti* [Language and Rights: The Art of Mastering Words in Professional Legal Activity]. Moscow, Norma Publ., 2004. 160 p.

6. Kosonogova O.V. *Kharakteristiki yuridicheskogo diskursa: granitsy, soderzhaniye, parametry* [Characteristics of Legal Discourse: Boundaries, Content, Parameters]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl. Gumanitarnyye nauki*, 2015, no. 1, pp. 61–65.

7. Krapivkina O.A., Nepomilov L.A. *Yuridicheskiy diskurs: ponyatiye, funktsii, svoystva* [Legal Discourse: Concept, Functions, Properties]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya*, 2014, no. 9. URL: <http://human.snauka.ru/>

8. Monteskiye Sh. *Pereklichka vekov. Razmyshleniya. Suzhdeniya. Vyskazyvaniya* [The Call of the Ages. Reflections. Judgments. Statements]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 448 p.

9. Nazarov I.D. *K voprosu o soderzhanii yuridicheskogo diskursa i yuridicheskogo yazyka: filosofsko-pravovoy analiz* [On the Content of Legal Discourse and Legal Language: Philosophical and Legal Analysis]. *Diskurs*, 2017, no. 2, pp. 21–28.

10. Ostin Dzh. *Slovo kak deystviye* [Word as Action]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17. Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1986. 423 p.

11. Palashevskaya I.V. *Aksiologicheskiye osnovaniya yuridicheskogo diskursa: aksiomy prava* [Axiological Foundations of Legal Discourse: Axioms of Law]. *Nauchnyy dialog*, 2017, no. 11, pp. 144–156.

12. Palashevskaya I.V. *Funktsii yuridicheskogo diskursa i deystviya yego uchastnikov* [Functions of Legal Discourse and Actions of Its Participants]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2010, no. 5 (2), pp. 535–540.

13. Sedov K.F. *Diskurs i lichnost: evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and Personality: Evolution of Communicative Competence]. Moscow, Labirint Publ., 2004. 320 p.

14. Susov A.A. Modelirovaniye diskursa v terminakh teorii ritoricheskoy struktury [Modeling Discourse in Terms of the Theory of Rhetorical Structure]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2006, no. 2, pp. 10-13.

15. Tonkov Ye.N. *Tolkovaniye zakona v Anglii* [Interpretation of the Law in England]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2013. 352 p.

16. Fedulova M.N. Yuridicheskiy diskurs kak sotsiokulturnyy i yazykovoy fenomen: urovni

nauchnoy interpretatsii [Legal Discourse as a Socio-Cultural and Linguistic Phenomenon: Levels of Scientific Interpretation]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO*, 2015, no. 4, pp. 199-206.

17. Khomutova T.N., Shefer Ye.A. Yuridicheskiy diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya [Legal Discourse: Problems and Prospects of Research]. *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 3, pp. 44-53.

18. Tsukanova Ye.V. Yuridicheskiy diskurs v aspekte institutsionalnoy spetsifiki: lingvisticheskiy aspekt [Legal Discourse in the Aspect of Institutional Specificity: Linguistic Aspect]. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*, 2020, no. 5 (211), pp. 96-102.

Information About the Author

Natalia A. Solovyova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Соловьева, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.3>

UDC 343.16
LBC 67.410.2

Submitted: 01.06.2024
Accepted: 27.06.2024

CRIMINAL CHARGE: SCIENTIFIC DISCOURSE AND PROBLEMS OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION

Nina S. Manova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Dmitry S. Ustinov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Introduction: “free” use of the term criminal charge at the legislative level and in its official interpretation is largely a consequence of the scientific discourse on the essence of criminal charge, the controversy that has been waged for decades in the theory of criminal procedure on problems related to the concept of criminal charge. In the paper, the authors set a **goal** to consider the admissibility of polysemicity when using the concept of criminal charge, to identify possible aspects of this legal phenomenon that allow us to reveal its essence and the procedure for its implementation in criminal proceedings. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, such as the methods of information processing and logical analysis, synthesis, induction, deduction, and generalization. **Results:** the results of the scientific discourse on the essence of the criminal charge presented in the paper make it possible to understand the problems associated with the polysemicity of the legislator’s use of this concept and demonstrate the influence of doctrinal ideas about the essence of legal phenomena on their legislative consolidation. **Conclusions:** the concept of “criminal charge” is an integral, interrelated system of aspects, the totality of which allows us to fully express its essence. Only consideration of criminal charge as a multidimensional phenomenon and as an integral systemic category that has certain natural properties and allows revealing its essence explains the ambiguity of using this concept in the text of the law.

Key words: criminal proceedings, criminal prosecution, criminal charge, subject of the charge, accusatory activity, conviction of an offence, category of law, legal category.

Citation. Manova N.S., Ustinov D.S. Criminal Charge: Scientific Discourse and Problems of Legislative Consolidation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 21-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.3>

УДК 343.16
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 01.06.2024
Дата принятия статьи: 27.06.2024

ОБВИНЕНИЕ: НАУЧНЫЙ ДИСКУРС И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Нина Сергеевна Манова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Дмитрий Сергеевич Устинов

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Введение: «свободное» использование термина «обвинение» на законодательном уровне и при его официальном толковании во многом является следствием научного дискурса о сущности обвинения, той полемики, которая десятки лет велась в теории уголовного процесса по проблемам, связанным с понятием обвинения. В данной статье авторами была поставлена **цель** – рассмотреть допустимость полисемичности при использовании понятия обвинения, выявить возможные аспекты данного правового явления, которые

позволяют раскрыть его сущность и порядок реализации при осуществлении уголовного судопроизводства. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, таких как метод обработки информации и логического анализа, синтеза, индукции, дедукции и обобщения. **Результаты:** изложенные в статье результаты научного дискурса о сущности обвинения дают возможность понять проблемы, связанные с полисемичностью использования законодателем данного понятия, демонстрируют влияние доктринальных представлений о сущности правовых явлений на их законодательное закрепление. **Выводы:** понятие «обвинение» представляет собой целостную взаимосвязанную систему аспектов, совокупность которых позволяет наиболее полно выразить его сущность. Только рассмотрение обвинения как многоаспектного явления, как целостной системной категории, которой присущи определенные закономерные свойства, позволяет раскрыть его сущность, объясняет многозначность использования данного понятия в тексте закона.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, обвинение, предмет обвинения, обвинительная деятельность, изобличение в совершении преступления, категория права, правовая категория.

Цитирование. Манова Н. С., Устинов Д. С. Обвинение: научный дискурс и проблемы законодательного закрепления // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 21–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.3>

Введение

Обвинение – основополагающий элемент уголовного судопроизводства, выступающий в качестве явления, которое, по сути, порождает всю уголовно-процессуальную деятельность, определяет механизм реализации норм материального права при производстве по уголовному делу. Еще А.Ф. Кони писал о том, что обвинение служит «маховым колесом в машине уголовного суда» [10, с. 259]. Выдающиеся советские процессуалисты также называли обвинение движущей силой уголовного процесса [18, с. 106; 26, с. 56], его пусковым механизмом [22, с. 44–45], пружиной, действие которой придает движение всему уголовному судопроизводству [23, с. 88]. Действующий УПК РФ дает определение обвинения в статье, посвященной основным понятиям, использованным в Кодексе. Согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ, обвинение – это «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в установленном законом порядке». Данное понятие используется в тексте Кодекса десятки раз, однако далеко не всегда в том смысле, который заложен в п. 22 ст. 5 УПК РФ. Даже в той же ст. 5 УПК РФ понятие «обвинение» использовано для обозначения самых разных уголовно-процессуальных явлений. Так, в п. 45 ст. 5 УПК РФ говорится о выполнении определенными участниками уголовного судопроизводства функции обвинения; в п. 47, 61 ст. 5 законодатель использует это поня-

тие для обозначения одной из сторон уголовного судопроизводства; в п. 59 через понятие обвинения указывается на виды уголовного преследования. Нет единого подхода к трактовке термина «обвинение» и в теоретико-правовых позициях Конституционного Суда РФ, который в одном случае говорит об обвинении как уголовно-процессуальной функции, отмечая, что «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде» [16], а другом своем решении использует рассматриваемое понятие в самых различных смыслах, указывая на то, что, «осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства» [20].

Научный дискурс о сущности и понятии обвинения

Вопросы, сопряженные с понятием и сущностью обвинения, и в дореволюционной, и в советской теории уголовного процесса всегда находились в центре внимания ученых в связи со значимостью его для осуществления уголовного судопроизводства. Не ослабело внимание процессуалистов к этому правовому явлению и в постперестроечный период.

Как отмечал П.М. Давыдов, именно обвинение считается отправным положением для разработки целого комплекса вопросов доказательственного права, включая предмет доказывания, понятие доказательств, их деление на обвинительные и оправдательные, прямые и косвенные [8, с. 84]. Именно обвинение приводит в жизнь нормы уголовного права: «уголовный закон может всецело проявить себя и применяться к конкретному виновному лицу только через обвинение» [5, с. 13].

Профессор М.С. Строгович видел в обвинении прежде всего деятельный аспект и говорил о нем как о «совокупности процессуальных действий, направленных на то, чтобы изобличить в совершении преступления привлеченное к уголовной ответственности лицо и обеспечить применение к нему соответствующего наказания» [25, с. 190]. И хотя при этом он указывал на необходимость выделять в понимании обвинения еще и его предмет (обвинительный тезис, утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления), подобное представление об обвинении стирало различия между ним и уголовным преследованием. Многие авторы стали рассматривать обвинение как уголовно-процессуальную функцию, как деятельность определенных субъектов по изобличению виновных лиц и обоснованию их виновности перед судом [34, с. 61].

Такое представление об обвинении и сегодня разделяется некоторыми учеными [3; 35]. Так, профессор М.Т. Аширбекова пишет о том, что понятию «обвинение» соответствуют процессуальные действия по наделению лица статусом подозреваемого и обвиняемого, по предъявлению обвинения, утверждению прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта) с направлением уголовного дела в суд [4, с. 295].

Другие советские ученые-процессуалисты трактовали обвинение как закрепленное в процессуальном акте утверждение органов предварительного расследования о совершении лицом преступления, которое должно быть «истинным, доказанным и удовлетворять другим требованиям закона» [8, с. 47], подчеркивая, что «содержание данного утверждения представляет собой совокупность установленных по делу, образующих формулировку об-

винения обстоятельств, которые отражают существо конкретного преступления» [17, с. 165].

Значимым в дискуссии о сущности обвинения стало предложение Ф.Н. Фаткуллина рассматривать обвинение в материальном и процессуальном значении. В первом случае под обвинением автор предложил понимать «совокупность установленных по делу и вменяемых обвиняемому общественно опасных и противоправных фактов, составляющих сущность конкретного состава преступления, за который это лицо несет уголовную ответственность» [30, с. 7]. Обвинение же в процессуальном смысле – это «деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц по изобличению обвиняемого (подозреваемого) в совершении инкриминируемого ему преступления, по обоснованию его уголовной ответственности» [29, с. 28].

Подобное представление об обвинении как единстве обвинительного тезиса (утверждения о совершении лицом конкретного преступления) и сопровождающей это утверждение обвинительной деятельности получило признание в работах многих ученых, определявших обвинение как «направленное на реализацию уголовной ответственности, содержащееся в процессуальном акте органа предварительного следствия, дознания, прокурора или заявлении потерпевшего, утверждение о совершении определенным лицом преступления, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом» [5, с. 13; 12, с. 160; 31, с. 35].

Подчеркивая близость таких понятий, как «обвинение» и «уголовное преследование», многие ученые все же указывают на то, что это разноплановые категории, которые несут различный смысл и в которых заложен различный объем уголовно-процессуальной деятельности. Как отмечал А.М. Ларин, понятие уголовного преследования шире понятия обвинения и включает в себя последнее; уголовное преследование существует в форме обвинения – привлечения в качестве обвиняемого, и в форме подозрения [13, с. 38–39]. Сходную позицию ныне занимают А.Б. Соловьев, А.Г. Халиулин, Г.П. Химичева и другие ученые, обоснованно отмечая, что в содержание уголовного преследования, помимо об-

винения, входит и такая деятельность, как выдвижение подозрения, что первоначальным этапом уголовного преследования является этап подозрения [24, с. 91; 32, с. 28–33; 33, с. 21–23].

Сопоставляя понятия обвинения и уголовного преследования, ряд ученых-процессуалистов говорит о том, что деятельность по изобличению лица в совершении преступления образует исходную уголовно-процессуальную функцию – функцию уголовного преследования; обвинение же – это важнейшая часть этой деятельности, главная форма ее осуществления [11, с. 17; 14, с. 531].

**Отражение
теоретических представлений
о сущности обвинения в тексте
действующего уголовно-процессуального
законодательства**

Действующий УПК РФ, не отличающийся совершенной законодательной техникой, отразил в своих нормах многие из приведенных доктринальных воззрений на сущность обвинения. Так, легальное определение обвинения, данное в п. 22 ст. 5 УПК РФ как «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в установленном законом порядке» – это воплощение точки зрения на сущность обвинения как единства обвинительного тезиса и сопровождающей этот тезис обвинительной деятельности.

Одновременно законодатель, вслед за учеными, путается в соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование» и, хотя дает различное определение данным понятиям, в то же время называет обвинение функцией уголовного процесса (ст. 14 УПК РФ) и, по сути, отождествляет его с уголовным преследованием, указывая в п. 45 ст. 5 УПК РФ, что «стороны – участники уголовного судопроизводства выполняют на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения».

В целом анализ положений УПК РФ позволяет выделить следующие значения термина «обвинение», в которых он используется законодателем:

1) как тезис о причастности лица к совершенному преступлению, который выдвигается в определенном законом порядке по итогам анализа собранных по конкретному уголовному делу доказательств и который излагается в соответствующем процессуальном документе (п. 22 ст. 5);

2) как направление деятельности участников уголовного судопроизводства (функция обвинения) – п. 45 ст. 5, ст. 15;

3) для указания на круг участников уголовного судопроизводства, изобличающих лицо в совершении преступления, – п. 47, 61 ст. 5;

4) для классификации видов деятельности по изобличению лица в совершении преступления, для обозначения формы производства по отдельным категориям дел (публичное, частное и частно-публичное обвинение) – ст. 20.

**Может ли обладать понятие обвинения
свойством полисемии?**

В связи с многообразием рассмотренных законодательных и теоретических представлений об обвинении возникает закономерный вопрос о том, должно ли использоваться данное понятие при регулировании уголовного судопроизводства только в одном значении, или же оно является категорией, обладающей свойством полисемии?

В терминологическом аппарате любой правовой науки, используемом для отражения явлений, составляющих ее предмет, главную нагрузку несут ее основные и фундаментальные понятия – категории. Они определяют систему знаний, максимально обобщают специфическое в объекте науки. Категории – это «предельные по уровню обобщения фундаментальные абстрактные понятия теории правоведения» [6, с. 58]. Вместе с тем в общей теории права принято выделять правовые категории и категории права. Несмотря на внешнее сходство данных выражений, они имеют разное значение. Если правовые категории – это прежде всего научные понятия, являющиеся инструментом научного мышления и отображающие суть правовых явлений, то категории права представляют собой компоненты правовой нормативной структуры, инструменты правового регулирования. И многие понятия одновременно выступают и как пра-

новые категории, и как категории права. Это в полной мере касается и обвинения, которое в тексте уголовно-процессуального закона активно используется как категория права, а в доктрине уголовного процесса на протяжении многих лет изучается как важнейшая правовая категория.

Правовые категории как теоретические единицы в силу своей направленности на познание обладают свойством гибкости и разветвленности. Они предполагают наличие определенных соподчиненных суждений, с помощью которых фиксируются те или иные стороны и связи изучаемого объекта. Это позволяет наиболее полно отразить существо конкретной правовой категории, представить ее как совокупность разнообразных сторон, выразить связи этих сторон, их переходы друг в друга. Правовые категории постоянно развиваются, так как они направлены на получение нового знания.

Категории же права фиксируют определенный уровень знаний. В нормативном акте категории права как бы застывают, отражаясь в законе «в готовом виде». Категории права, представленные в нормативном акте, могут быть охарактеризованы как некий результат познания.

В действующем УПК РФ такая категория уголовно-процессуального права, как «обвинение», закреплена не в «готовом виде», не в ее итоговом значении. Законодатель включил в текст закона всю совокупность выявленных учеными разнообразных сторон такого правового явления, как обвинение.

Но насколько допустимо наличие многоаспектности, многосторонности категорий права? По данному вопросу высказаны две противоположные точки зрения. Одни авторы в принципе не допускают иное толкование термина, кроме того значения, которое закреплено в законе, отмечая, что категории права должны обладать смысловой точностью, исключать полисемию и возможность передавать субъективное отношение говорящего к данному термину [21].

Второй подход основан на том, что терминологизация – это явление динамическое, предполагающее не только процесс перехода понятия из общеязыковой лексики в специальную, но и его последующее развитие как ка-

тегории права. Это развитие приводит к возникновению новых значений термина и, как следствие, к полисемии [9].

В соответствии с первой точкой зрения, исходя из общеправового требования о едином подходе к понятиям и терминам и их законодательному определению, понятие обвинения в тексте УПК РФ не должно обладать свойством полисемии, не может употребляться в нескольких значениях [27].

Безусловно, что применительно к правовым категориям такой подход априори не применим, поскольку означает возможность раскрытия любой категории только в ее статическом отражении. Однако, как справедливо указывает А.М. Васильев, «определенность понятия – лишь момент, фиксирующий соответствующую ступень познания предмета» [6, с. 88].

Как было отмечено, в принимаемом нормативно-правовом акте через категории права фиксируется некий определенный уровень знаний. Но при этом невозможно отрицать и того, что право также находится в постоянном развитии. Появляются новые общественные отношения, требующие правового осмысления и оформления, придания им статуса правовых. Категории права также развиваются, включая в себя новые представления и стороны.

В уголовно-процессуальном праве полисемия терминов возникла и стала умножаться с развитием самого уголовного процесса как вида государственной деятельности, как юридической науки и отрасли права. Если говорить об обвинении, то первоначально оно возникло в частно-исковой форме уголовного судопроизводства и понималось как требование о возмещении вреда и наказании лиц, виновных в совершении преступления. Затем появился «публичный уголовный иск, как предъявляемый по поводу и в связи с предполагаемым преступлением правопритязательный акт, состоящий в требовании публичного обвинителя (прокурора) к суду о признании конкретного лица виновным в совершении преступления и эвентуально о пределах наказания к нему, которое вправе применить исполнительная власть согласно уголовному закону» [1, с. 20]. В таком понимании обвинения уже присутствует деятельностный аспект. Дальнейшее развитие теории о функциях уго-

ловного процесса привело к выделению в понятии обвинения функциональных сторон [2, с. 52–55, 122–123].

С развитием теории уголовного процесса понятие обвинения усложнялось, его сущностные стороны разрастались, насыщались новыми знаниями, которые раскрывали сложность и многогранность этой категории. Сегодня доктринальное и законодательное понятие «обвинение» можно охарактеризовать как многоаспектное, многостороннее явление, сущность которого невозможно раскрыть лишь в одном строгом определении.

Следует отметить, что исторически сложилось такое положение, при котором право в целом многоаспектно и многогранно, представлено «в виде различных правовых концепций, которые образуют целостную органическую систему, взаимодействующую с юридической практикой, оказывающую на нее системное воздействие в целях ее преобразования и удовлетворения духовных и материальных потребностей общества, государства и личности» [19, с. 14]. Эта система концепций сложилась как совокупность знаний о праве, раскрывающих взаимосвязанные закономерности, отражающие сущность права через соответствующие концепты (то есть через содержание понятий, их смысловую наполненность). Концепт функционирует внутри сформированной концептуальной схемы в режиме «понимание – объяснение» [7, с. 506, 507]. При этом правовые концепции внутри концептуальной схемы представляют собой не изолированные системы в рамках правовых школ и направлений, воззрений, а существующие в форме взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, которые отражают суть правового явления.

Что же касается концепта «обвинение», то именно многоаспектность его содержания и как правовой категории, и как категории права позволяет выразить его сущность, описать его как сложное явление, складывающееся из иерархически взаимосвязанной системы аспектов. Как представляется, иерархическая система аспектов концепта «обвинение» может быть представлена следующим образом:

1) это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом;

2) это основная, центральная форма осуществления уголовного преследования;

3) это вид деятельности по изобличению лица в совершении преступления, осуществляемой в частном, частно-публичном и публичном порядке;

4) это обозначение группы участников уголовного судопроизводства, изобличающих лицо в совершении преступления;

5) это средство обеспечения прав потерпевшего и обвиняемого;

6) это фактор, определяющий поведение обвиняемого по уголовному делу [28, с. 106, 107].

Необходимо отметить, что те значения, которые придаются понятиям, вводимым в категориальный аппарат науки и в законодательство, получают широкое применение. Так, в словаре русского языка термин «обвинение» имеет ряд лексических значений, аналогичных тем, через которые сущность обвинения раскрывается в теории уголовного процесса и в действующем законодательстве: 1) «признание виновным в чем-нибудь, приписывание кому-нибудь какой-нибудь вины; вменение в вину»; 2) юридические действия, направленные на доказательство виновности того, кто привлекается к уголовной ответственности; 3) обвинительный приговор («вынести обвинение»); 4) обвиняющую сторону в судебном процессе» [15, с. 632].

Заключение

Таким образом, стремление выработать единое представление об обвинении лишает этот концепт функциональности или делает его функционально ограниченным в контексте юридической практики. Все указанные аспекты концепта «обвинение» имеют право на существование, но каждый из них в отдельности отражает лишь некоторые грани обвинения. Только изучение обвинения как многоаспектного явления, как целостной системной категории, которой присущ ряд закономерных свойств, позволяет понять и объяснить его сущность, порядок его реализации, формулирование соответствующих норм уголовно-процессуального закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, А. С. Субсидиарный уголовный иск / А. С. Александров, В. Е. Гущев. – Н. Новгород, 1999. – 197 с.
2. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. – 252 с.
3. Андреев, В. А. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Андреев. – Екатеринбург, 2009. – 28 с.
4. Аширбекова, М. Т. О некоторых вопросах содержания понятия «уголовное преследование» / М. Т. Аширбекова // Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Волгоград, 2007. – С. 293–301.
5. Бобылев, М. П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. П. Бобылев. – Уфа, 2004. – 25 с.
6. Васильев, А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М. : Норма : Инфра-М, 2020. – 264 с.
7. Всемирная энциклопедия : Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ ; Минск : Харвест : Современ. литератор, 2001. – 1312 с.
8. Давыдов, М. П. Обвинение в советском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук / М. П. Давыдов. – Свердловск, 1973. – 136 с.
9. Кожанов, А. А. Неоднозначность: полисемия и омонимия в юридической терминологии (на материале немецкого языка) / А. А. Кожанов // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 351–357.
10. Кони, А. Ф. Новые меха и новое вино (Из истории первых дней судебной реформы) / А. Ф. Кони // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4. – М. : Юрид. лит., 1967. – С. 223–261
11. Корнуков, В. М. Уголовное преследование и реабилитация в российском уголовном процессе: курс лекций / В. М. Корнуков. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «СГАП», 2005. – 24 с.
12. Кудин, Ф. М. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса / Ф. М. Кудин, Е. И. Зубенко // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 159–168.
13. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. – М., 1986. – 160 с.
14. Манова, Н. С. О сущности и начальном моменте осуществления уголовного преследования в российском уголовном процессе / Н. С. Манова // Право, наука, образование: традиции и перспективы : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Сарат. гос. юрид. акад. (в рамках VII Саратов. правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.). – Саратов : Изд-во СГЮА, 2016. – С. 530–531.
15. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : А Темп, 1997. – 928 с.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Парадеев, В. М. К вопросу о понятии обвинения / В. М. Парадеев // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. Ч. 2. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. – С. 165–169.
18. Полянский, Н. Н. К вопросу о юридической природе уголовного процесса / Н. Н. Полянский // Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 105–115.
19. Попов, В. И. Методологические основания многоаспектного подхода к пониманию права и его значение для юридической практики / В. И. Попов // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 3. – С. 9–23.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Пулодова, Н. Ю. Семантико-семиологический процесс в юридической терминологии / Н. Ю. Пулодова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2010. – № 4. – С. 139–144.
22. Савицкий, В. М. Государственное обвинение в суде / В. М. Савицкий. – М. : Наука, 1971. – 342 с.
23. Советский уголовный процесс : учебник / под ред. М. А. Чельцова. – 2-е изд., перераб. – М. : Госюриздат, 1951. – 503 с.
24. Соловьев, А. Б. Уголовное преследование и прокурорский надзор в досудебных стадиях судопроизводства / А. Б. Соловьев // Прокурорская и следственная практика. – 1997. – № 3. – С. 91–93.
25. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 470 с.

26. Строгович, М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М. С. Строгович ; отв. ред. М. М. Гродзинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 191 с.

27. Толстик, В. А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование / В. А. Толстик // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 302–307.

28. Устинов, Д. С. Обвиняемый: поведенческая характеристика и формы воздействия на производство по уголовному делу / Д. С. Устинов ; под ред. В. М. Корнукова. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 168 с.

29. Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и защита по уголовным делам : учеб. пособие / Ф. Н. Фаткуллин, З. З. Зинатуллин, Я. С. Аврах. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 166 с.

30. Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и судебный приговор : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф. Н. Фаткуллин. – М., 1965. – 30 с.

31. Францифоров, Ю. В. Обвинение как средство обеспечения прав и законных интересов обвиняемого в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Францифоров. – Саратов, 1998. – 174 с.

32. Халиулин, А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России / А. Г. Халиулин. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. – 223 с.

33. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. П. Химичева. – М., 2003. – 52 с.

34. Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 172 с.

35. Ягофаров, Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук / Ф. М. Ягофаров. – Челябинск, 2003. – 149 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.S., Gushchev V.E. *Subsidiarnyy ugovolnyy isk* [Subsidiary Criminal Claim]. Nizhny Novgorod, 1999. 197 p.

2. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugovolnogo protsessa* [Essay on the Development of the Science of Soviet Criminal Procedure]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1980. 252 p.

3. Andreyanov V.A. *Obvineniye v rossiyskom ugovolnom protsesse: ponyatiye, sushchnost, znacheniye i teoreticheskiye problemy realizatsii* : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Accusation in

Russian Criminal Proceedings: Concept, Essence, Meaning and Theoretical Problems of Implementation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg, 2009. 28 p.

4. Ashirbekova M.T. *O nekotorykh voprosakh soderzhaniya ponyatiya «ugolovnoye presledovaniye»* [On Some Issues of the Content of the Concept of “Criminal Prosecution”]. *Problemy pravoponimaniya i pravoprimereniya: teoriya i praktika: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf.* [Problems of Legal Understanding and Law Enforcement: Theory and Practice. Proceedings of the Interregion. Scientific-Practical Conf.]. Volgograd, 2007, pp. 293-301.

5. Bobylev M.P. *Obvineniye kak predmet ugovolnogo pravosudiya v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Accusation as a Subject of Criminal Justice in Modern Russia. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Ufa, 2004. 25 p.

6. Vasiliev A.M. *Pravovyye kategorii: metodologicheskiye aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava* [Legal Categories: Methodological Aspects of Developing a System of Categories in the Theory of Law]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2020. 264 p.

7. Gritsanov A.A., ed. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow, AST Publ.; Minsk, Harvest Publ., Sovrem. literator Publ., 2001. 1312 p.

8. Davydov M.P. *Obvineniye v sovetskom ugovolnom protsesse: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Accusation in Soviet Criminal Proceedings. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Sverdlovsk, 1973. 136 p.

9. Kozhanov A.A. *Neodnoznachnost: polisemiya i omonimiya v yuridicheskoy terminologii (na materiale nemetskogo yazyka)* [Ambiguity: Polysemy and Homonymy in Legal Terminology (Based on the Material of the German Language)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2014, no. 2, pp. 351-357.

10. Koni A.F. *Novyye mekha i novoye vino (Iz istorii pervykh dney sudebnoy reformy)* [New Wineskin and New Wine (From the History of the First Days of Judicial Reform)]. *Sobraniye sochineniy. V 8 t. T. 4* [Collection of Works. In 8 Vols. Vol. 4]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967, pp. 223-261.

11. Kornukov V.M. *Ugolovnoye presledovaniye i reabilitatsiya v rossiyskom ugovolnom protsesse: kurs lektsiy* [Criminal Prosecution and Rehabilitation in Russian Criminal Proceedings. Course of Lectures]. Saratov, Izd-vo FGBOU VO «SGAP», 2005. 24 p.

12. Kudin F.M., Zubenko E.I. *Ponyatiye obvineniya v nauke i zakonodatelstve rossiyskogo ugovolnogo protsessa* [The Concept of Accusation in the Science and Legislation of the Russian Criminal Process]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2010, no. 2 (29), pp. 159-168.

13. Larin A.M. *Rassledovaniye po ugovolnomu delu: protsessualnyye funktsii* [Criminal Investigation: Procedural Functions]. Moscow, 1986. 160 p.

14. Manova N.S. O sushchnosti i nachalnom momente osushchestvleniya ugovnogo presledovaniya v rossiyskom ugovnom protsesse [On the Essence and Initial Moment of Criminal Prosecution in the Russian Criminal Process]. *Pravo, nauka, obrazovaniye: traditsii i perspektivy: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 85-letiyu Sarat. gos. yurid. akad. (v ramkakh VII Sarat. pravovykh chteniy, Saratov, 29–30 sentyabrya 2016 g.)* [Law, Science, Education: Traditions and Prospects: Collection of Articles by the Proceedings of the International Scientific-Practical Conf., Dedicated to the 85th Anniversary of the Saratov State Law Academy (Within the Framework of the 7th Saratov Legal Readings, Saratov, September 29–30, 2016)]. Saratov, Izd-vo SGYuA, 2016, pp. 530-531.

15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, A Temp Publ., 1997. 928 p.

16. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 06.03.2003 № 104-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Boksitogorskogo gorodskogo suda Leningradskoy oblasti o provere konstitutsionnosti chasti pervoy stati 86 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated March 6, 2003 No. 104-O “On the Refusal to Accept for Consideration the Request of the Boksitogorsk City Court of the Leningrad Region to Verify the Constitutionality of Part One of Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

17. Paradeev V.M. K voprosu o ponyatii obvineniya [On the Issue of the Concept of Accusation]. *Pyatdesyat let kafedre ugovnogo protsessa UrGYuA (SYuI): materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Yekaterinburg, 27–28 yanv. 2005 g. Ch. 2* [Fifty Years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (SYuA). Proceedings of the International Scientific-Practical Conf., Yekaterinburg, January 27–28, 2005. Pt. 2]. Yekaterinburg, Izd-vo UrGU, 2005, pp. 165-169.

18. Polyansky N.N. K voprosu o yuridicheskoy prirode ugovnogo protsessa [On the Issue of the Legal Nature of the Criminal Process]. *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 1960, no. 1, pp. 105-115.

19. Popov V.I. Metodologicheskiye osnovaniya mnogoaspektnogo podkhoda k ponimaniyu prava i yego znachenije dlya yuridicheskoy praktiki [Methodological Foundations of a Multidimensional Approach to Understanding Law and Its Significance for Legal Practice]. *Lex russica (Russkiy zakon)* [Russian Law], 2019, vol. 3, pp. 9-23.

20. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 29.06.2004 № 13-P «Po delu o provere konstitutsionnosti otdel’nykh polozheniy statey 7, 15, 107, 234 i 450 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated June 29, 2004 No. 13-P “On the Case of Verifying the Constitutionality of Certain Provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with a Request from a Group of Deputies of the State Duma”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

21. Pulodova N.Yu. Semantiko-semiologicheskij protsess v yuridicheskoy terminologii [Semantic-Semiological Process in Legal Terminology]. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics], 2010, no. 4, pp. 139-144.

22. Savitsky V.M. *Gosudarstvennoye obvineniye v sude* [State Prosecution in Court]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 342 p.

23. Cheltsov M.A., ed. *Sovetskiy ugovnnyy protsess: uchebnyy* [Soviet Criminal Procedure. Textbook]. Moscow, Gosyurizdat, 1951. 503 p.

24. Soloviev A.B. Ugolovnoye presledovaniye i prokurorskiy nadzor v dosudebnykh stadiyakh sudoproizvodstva [Criminal prosecution and Prosecutorial Supervision in the Pre-Trial Stages of Legal Proceedings]. *Prokurorskaya i sledstvennaya praktika* [Prosecutors and Investigative Practice], 1997, no. 3, pp. 91-93.

25. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa. T. 1. Osnovnyye polozheniya nauki sovetskogo ugovnogo protsessa* [Course of Soviet Criminal Procedure. Vol. 1. Basic Provisions of the Science of Soviet Criminal Procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 470 p.

26. Strogovich M.S. *Ugolovnoye presledovaniye v sovetskom ugovnom protsesse* [Criminal Prosecution in Soviet Criminal Proceedings]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1951. 191 p.

27. Tolstik V.A. Trebovaniya, predyavlyayemyye k yuridicheskoy terminologii: formalno-logicheskoye i sotsiokulturnoye obosnovaniye [Requirements for Legal Terminology: Formal-Logical and Sociocultural Justification]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], 2016, no. 10, pp. 302-307.

28. Ustinov D.S. *Obvinyayemyy: povedencheskaya kharakteristika i formy vozdeystviya na proizvodstvo po ugovnomu delu* [Accused: Behavioral Characteristics and Forms of Influence on Criminal Proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 168 p.

29. Fatkullin F.N., Zinatullin Z.Z., Avrah Ya.S. *Obvineniye i zashchita po ugovnym delam: ucheb.*

posobiye [Prosecution and Defense in Criminal Cases. Textbook]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 1976. 166 p.

30. Fatkullin F.N. *Obvineniye i sudebnyy prigovor: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Charge and Court Verdict. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 1965. 30 p.

31. Fransiforov Yu.V. *Obvineniye kak sredstvo obespecheniya prav i zakonnykh interesov obvinyayemogo v ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk* [Accusation as a Means of Ensuring the Rights and Legitimate Interests of the Accused in Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1998. 174 p.

32. Khaliulin A.G. *Osushchestvleniye funktsii ugovnogo presledovaniya prokuraturoy Rossii* [Carrying Out the Function of Criminal Prosecution by the Russian Prosecutor's Office]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997. 223 p.

33. Khimicheva G.P. *Dosudebnoye proizvodstvo po ugovnym delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovno-protsessualnoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases: The Concept of Improving Criminal Procedural Activities. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2003. 52 p.

34. Elkind P.S. *Sushchnost sovetskogo ugovno-protsessualnogo prava* [The Essence of Soviet Criminal Procedural Law]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1963. 172 p.

35. Yagofarov F.M. *Mekhanizm realizatsii funktsii obvineniya pri rassmotrenii dela sudom pervoy instantsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [The Mechanism for Implementing the Function of the Prosecution When Considering a Case by the Court of First Instance. Cand. jurid. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2003. 149 p.

Information About the Authors

Nina S. Manova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy, Chernyshevskogo St, 104, Bld. 3, 410056 Saratov, Russian Federation, n.manova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2755-2070>

Dmitry S. Ustinov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy, Chernyshevskogo St, 104, Bld. 3, 410056 Saratov, Russian Federation, ustinov681@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-3487-0990>

Информация об авторах

Нина Сергеевна Манова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, 104, стр. 3, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, n.manova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2755-2070>

Дмитрий Сергеевич Устинов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, 104, стр. 3, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, ustinov681@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-3487-0990>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.4>

UDC 343.133
LBC 67.410.2

Submitted: 09.06.2024
Accepted: 27.06.2024

THE DISCURSIVE NATURE OF THE PROSECUTION AND DEFENSE

Vladimir M. Shinkaruk

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the adversarial nature and equality of the parties are defined as the main principles of Russian criminal procedure (Part 3 of Article 123 of the Constitution of the Russian Federation, Article 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). The Constitutional Court of the Russian Federation defines the equality of the parties as the basis for the formation of the necessary guarantee of defense and fair trial of the case and states that the latter is impossible if the court has not assessed on the merits all the arguments and circumstances presented during the trial by its parties on the part of the prosecution and defense and has not provided them with equal procedural rights. The paper deals with the study of certain aspects of the balance of such categories as legal liability, criminal liability, prosecution, and defense. **Purpose:** to analyze the trends formed in the doctrine related to the resolution of urgent problems in terms of establishing the correlation of such concepts: legal liability, criminal responsibility, criminal procedural responsibility, prosecution, and defense. **Methods:** the general scientific dialectical method of cognition, a systematic approach, as well as the general scientific (deduction and induction) and specific scientific methods (logical and legal analysis and synthesis). **Results:** the current issues of the theory and law enforcement practice regarding the nature, types, and structure of prosecution and defense in criminal procedure are investigated. **Conclusions:** despite the ongoing discussions regarding the nature of the prosecution and defense in court procedure, a significant number of issues remain unresolved and require further detailed scientific analysis. First of all, the study of the defense function, which contributes to the realization of the rights granted to the accused, should certainly contribute to the development of new theoretical approaches and legislative innovations.

Key words: criminal procedure, legal liability, prosecution, accused, defense.

Citation. Shinkaruk V.M. The Discursive Nature of the Prosecution and Defense. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 31-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.4>

УДК 343.133
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 09.06.2024
Дата принятия статьи: 27.06.2024

ДИСКУРСИВНАЯ ПРИРОДА ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ

Владимир Маркович Шинкарук

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: основными началами российского уголовного судопроизводства являются состязательность и равноправие сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Конституционный Суд Российской Федерации определяет равноправие сторон как основу для формирования необходимой гарантии судебной защиты и справедливого разбирательства дела и констатирует, что последнее невозможно, если суд не дал оценку по существу всем аргументам и обстоятельствам, представленным в ходе судебного процесса его участниками со стороны обвинения и защиты, и не обеспечил им равные процессуальные права. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов баланса таких категорий, как юридическая ответственность, уголовная ответственность, обвинение, защита. **Цель:** анализ сформированных в доктрине тенденций, связанных с разрешением актуальных проблем в части установления соотношения понятий «юридическая ответственность», «уголовная ответственность», «уголовно-процессуальная ответственность», «обвинение», «защита». **Методы:** общенаучный диалектический метод познания, системный подход, а также общенаучные (дедукция и индукция) и частнонаучные методы (логический и юридический анализ и синтез). **Результаты:** исследованы актуальные вопросы

теории и правоприменительной практики относительно сущности, видов и структуры обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве. **Выводы:** несмотря на непрекращающиеся дискуссии о сущности обвинения и защиты в судопроизводстве, значительное число вопросов остается неразрешенными и требующими дальнейшего детального научного анализа. Изучение в первую очередь функции защиты, способствующей реализации обвиняемым предоставленных ему прав, безусловно, должно способствовать выработке новых теоретических подходов и законодательных новелл.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, юридическая ответственность, обвинение, обвиняемый, защита.

Цитирование. Шинкарук В. М. Дискурсивная природа обвинения и защиты // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 31–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.4>

Введение

Основными началами российского уголовного судопроизводства являются состязательность и равноправие сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Конституционный Суд Российской Федерации определяет равноправие сторон как основу для формирования необходимой гарантии судебной защиты и справедливого разбирательства дела и констатирует, что последнее невозможно, если суд не дал оценку по существу всем аргументам и обстоятельствам, представленным в ходе судебного процесса его участниками со стороны обвинения и защиты, и не обеспечил им равные процессуальные права. Черты современного уголовно-процессуального законодательства отражают то, что в нем содержится достаточно обширный перечень часто достаточно действенных правовых средств, направленных на обеспечение прав и создание условий для реализации обязанностей участников уголовного судопроизводства, включая подозреваемого и обвиняемого. В то же время даже беглый анализ правоприменительной практики показывает, что вышеупомянутые гарантии, по сути, нивелируются четко наметившимся обвинительным уклоном, четко обозначающимся на этапе предварительного расследования и нередко сохраняющим инерцию на стадии судебного разбирательства.

Актуальные проблемы обвинения

Сущность, виды и структура обвинения в уголовном процессе до сих пор не нашли в юридической литературе единого понимания. Следует отметить сложившуюся традицион-

ную позицию, что обвинение является необходимым элементом либо атрибутом любого судопроизводства, независимо от формы и вида. Наталкивает на размышления суждение о том, что обвинение, в юридическом смысле этого слова, находится в тесной взаимосвязи с уголовной ответственностью. Действительно, обвинение предъявляется только в тех случаях, когда возникает необходимость о разрешении вопроса об ответственности за совершение общественно опасного деяния. Необходимость реализации уголовной ответственности предвосхищает и уголовно-процессуальные отношения, ибо для того, чтобы возложенная на лицо уголовная ответственность была бы фактически реализована, необходимо с соблюдением требуемых гарантий раскрыть признаки общественно опасного и противоправного деяния, точно определить вину лица и поставить его в такие установленные законом условия, при которых оно исполнит возложенные на него обязанности.

Полагаем, что уголовная ответственность является межотраслевым правовым явлением, охватывающим все предусмотренные законом (причем любым – и уголовным, и уголовно-процессуальным) государственные меры ответа, состоящие из лишений разного рода, а иногда из страданий лица, совершившего преступление, и эту позицию можно признать богатой содержанием. Она связана с неделимостью единой юридической ответственности, в структуру которой в качестве составных частей входят разнообразные формы юридической ответственности, например ответственность в материальном смысле и подчиненная ей ответственность в уголовно-процессуальном смысле¹ [8, с. 31]. Кроме того, такая трактовка позволяет дать единое обоснование различным мерам принуждения, в час-

тности не только уголовному наказанию, но и методам его реализации.

Уголовная ответственность и ответственность в уголовно-процессуальном смысле являются, как представляется, хотя и тесно взаимосвязанными, но вполне самостоятельными структурными видами или подразделениями в общей системе юридической ответственности.

Если исходить из того, что уголовная ответственность означает обязанность субъекта нести соответствующие материально-правовые санкции в виде лишения определенных благ (в частности, меры наказания и морального ущерба), то юридическая ответственность в уголовно-процессуальном смысле порождает только обязанности добросовестно пользоваться предоставленными законом процессуальными правами для защиты своих прав и законных интересов. Иначе толковать нельзя, поскольку если лицо необоснованно привлекается в качестве обвиняемого или ему инкриминируется другое, а не то преступление, которое он совершил, то становится непонятным, за что же обвиняемый претерпевает вышеупомянутые лишения и поставлен в неблагоприятные условия. Поэтому до вступления приговора в законную силу может идти речь только об ответственности в уголовно-процессуальном смысле (надлежащее пользование своими правами и исполнение процессуальных обязанностей).

Основанием уголовной ответственности (в материальном смысле) выступает виновное совершение деяния, содержащего предусмотренный законом состав преступления. Однако вся процессуальная ответственность до вступления приговора в законную силу происходит не на этой, а на совсем иной основе – на основе должным образом обоснованного (фактически и юридически) предположения компетентных органов и лиц о наличии преступления и причастности к нему данного лица.

Исправлять можно и нужно осужденного, но никак не обвиняемого (подозреваемого, подсудимого). Обвиняемого, как любого другого гражданина, можно и нужно воспитывать общепедагогическими методами. Однако его нельзя перевоспитывать, его нельзя карать по той очевидной причине, что фактичес-

ким и юридическим основанием такого рода специфических мер может быть только установление приговором факта совершения преступления, но не те или иные решения, принимаемые при расследовании общественно опасного деяния или рассмотрении уголовного дела в суде.

Следует отметить, что фактически обвиняемый помещается в своеобразное порицаемое положение и оно выглядит как безусловное абсолютное, вытекающее из самого факта обвинения. Вместе с тем судьба последнего, то есть его подтверждение либо опровержение, в будущем не может презюмироваться. Если говорить о компрометации осужденного, то и она имеет свои пределы и не всегда желательна. Автор полагает, что лишения и страдания обвиняемого не несут в себе процессуальную, педагогическую или иную социальную ценность. Если представить обратное, то тогда не только правоприменительные органы, но и законодатель должен стремиться к увеличению доз подобного воздействия для получения более резонансного эффекта. Представляется, что прогресс правосудия продолжает идти по пути все большей рационализации уголовной ответственности, усиления ее воспитательных возможностей и воздействия не только посредством сближения суда государственного с внутренним судом совести, но и рационально разграничивая их. По нашему мнению, дальнейшая демократизация уголовного судопроизводства состоит не в отягчении правового и морального положения обвиняемого, а как раз наоборот – в более широком оказании ему юридической помощи и моральной поддержки при защите своих интересов.

Как отмечалось в специальных исследованиях, «...старая идея впрягать в одну упряжку державный суд и обвинительную власть, выступать с ней единым фронтом в борьбе с преступностью... натворила немало бед» [3, с. 78].

Реализация интереса обвиняемого

Анализ современного состояния уголовно-процессуального законодательства наталкивает на вывод о том, что в нем не четко просматриваются положения, регламентиру-

ющие равенство сторон либо их равноправие, а по мнению отдельных авторов, наметилось очевидное их неравенство как в количестве и содержании предоставленных прав сторонам обвинения и защиты, так и в объеме их использования [7, с. 499].

Следует учитывать и то, что обвиняемый, обладая субъективными правами, может как воспользоваться ими, так и отказаться от их реализации. В этом особенности процессуального статуса данного специфического участника со стороны защиты, существенно отличающего его в этом смысле от субъектов обвинения, для которых уголовно-процессуальная деятельность является обязанностью [6].

В связи с этим вопрос о характере интереса обвиняемого тесно взаимосвязан с проблемами выбора и реализации средств и способов защиты. Не прибегая к детальному анализу используемого законодателем понятия «интерес», отметим лишь то, что отдельные авторы рассматривают значение терминов «интерес» и «законный интерес» как синонимичные, указывая на невозможность усмотреть различия в их семантике [1, с. 153; 2, с. 23; 4, с. 158].

Признание того, что обвиняемый в уголовном процессе якобы обладает правом и на незаконный интерес, как отмечалось в литературе, в сущности, может привести к парадоксальному выводу, что государство через правоохранительные органы обязано обеспечить данное право обвиняемому, то есть содействовать ему в защите незаконного интереса [5, с. 33].

В обоснование того, что обвиняемый вправе защищать и незаконный интерес, обычно ссылаются на то, что, несмотря на присутствие в ч. 3 ст. 47 УПК РФ нормы, содержащей требование о допустимости защиты только законного интереса, в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ указано на наличие у него возможности отказаться от дачи показаний или, по сути, давать заведомо ложные показания при допросе.

Законодатель отнес очень ответственно в части наделения обвиняемого правом на защиту. Поэтому все его права в законе перечислены совершенно четко и ясно, скрытых, завуалированных прав у обвиняемого нет. И неслучайно в законе, в отличие от прежнего УПК РСФСР, содержится указание на законность защищаемого интереса.

В уголовном судопроизводстве реализуется правило, согласно которому любое неустранимое сомнение в доказательственном материале толкуется в пользу обвиняемого.

В соответствии с п. 1 ст. 27 УПК РФ уголовное дело подлежит прекращению в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступления.

Исходя из этих положений, можно прийти к выводу, что, если обвиняемый, пользуясь отсутствием в деле прямых доказательств своей виновности, будет отрицать свою причастность к преступлению, несмотря на ее доказанность совокупностью косвенных доказательств по уголовному делу, нельзя говорить о защите его незаконного интереса. Законность интереса в этом случае вытекает из наличия у обвиняемого права вызывать сомнение в доказанности того или иного факта.

Утверждение о наличии у обвиняемого права защищать незаконные интересы путем дачи заведомо ложных показаний в ходе проведения допроса представляется небесспорным с точки зрения правовой доктрины.

Среди прав обвиняемого нет права давать заведомо ложные показания. А то, что перед допросом он не предупреждается об уголовной ответственности за дачу таких показаний, говорит лишь о недопустимости возложения на него обязанности доказывания. Если же обвиняемый данное положение закона использует для дачи заведомо ложных показаний, то можно говорить о неправильном понимании и толковании им смысла закона, а также о неэтичности его поведения.

В связи с этим дача обвиняемым заведомо ложных показаний не равнозначна защите им незаконного интереса в силу приведенных выше соображений. Кроме того, доказательствами по делу считаются лишь фактические данные, то есть которые относятся к какому-либо факту, имеющему значение для расследования, и получены в установленном в законе порядке из достоверных источников. По этой причине заведомо ложные показания обвиняемого не могут считаться доказательствами в смысле защиты того или иного интереса, поскольку они не подтверждают и не опровергают обстоятельств дела, хотя и указывают на его стрем-

ление ввести орган предварительного расследования в заблуждение.

Выводы

Понятие «обвинение» необходимо разграничивать по своему содержанию в процессуальном и материально-правовом смыслах. Это крайне важно для глубокого уяснения содержания процессуальной деятельности и ориентирует практику на необходимость адекватного отражения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого всех существенных элементов инкриминируемого деяния. В данном постановлении необходимо приводить доказательства, положенные в основу обвинения. Право обвиняемого на защиту наиболее полно может быть реализовано, если ему будут известны доказательства, составляющие обвинение.

Средствами защиты можно считать категории, с помощью и на основе которых осуществляется деятельность стороной защиты, направленная на выяснение обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. По сути, защита в процессе опирается тоже на своего рода доказывание, потому применяемый при этом фактический материал можно условно назвать средствами защиты, а действия – приемы, направленные на их собирание, использование (заявление ходатайств, ознакомление с материалами уголовного дела и т. п.), – способами защиты.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Некоторые исследователи отмечают, что «...юридическая ответственность выступает комплексной правовой реакцией государства и уполномоченных субъектов на нарушения в любой сфере общественных отношений» [8, с. 26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтухов, С. А. Показания подозреваемого и обвиняемого: проблемы оценки и вопросы законодательного регулирования / С. А. Алтухов, А. В. Любимов // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 153–163.

2. Каркошко, Ю. С. К вопросу об интересах участников уголовного судопроизводства / Ю. С. Каркошко // Адвокатская практика. – 2022. – № 1. – С. 20–23.

3. Петрухин, И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию / И. Л. Петрухин. – М. : Проспект, 2009. – 191 с.

4. Смолькова, И. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве / И. В. Смолькова, Р. В. Мазюк // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 156–168.

5. Спирин, А. В. Интерес и законный интерес в уголовном судопроизводстве / А. В. Спирин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (23). – С. 32–36.

6. Чеботарева, И. Н. Отказ от субъективного права как феномен в уголовном процессе России / И. Н. Чеботарева, О. С. Пашутина, И. В. Ревина. – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т : Унив. кн., 2020. – С. 144–145.

7. Чеботарева, И. Н. Процессуальное равенство сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве / И. Н. Чеботарева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 3. – С. 499–520.

8. Шилехин, К. Е. Подход к классификации видов юридической ответственности / К. Е. Шилехин // Административное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 21–31.

REFERENCES

1. Altuhov S.A., Lyubimov A.V. Pokazaniya podozrevaemogo i obvinyаемого: problemy ocenki i voprosy zakonodatelnogo regulirovaniya [Testimony of the Suspect and the Accused: Problems of Assessment and Issues of Legislative Regulation]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii* [Vestnik of the Russian Legal Academy], 2023, no. 1, pp. 153-163.

2. Karkoshko Yu.S. K voprosu ob interesah uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva [To the Question of the Interests of the Participants of Criminal Proceedings]. *Advokatskaya praktika* [Law Practice], 2022, no. 1, pp. 20-23.

3. Petruhin I.L. *Opravdatelnyj prigovor i pravo na rehabilitaciju* [Justified Verdict and the Right to Rehabilitation]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 191 p.

4. Smolkova I.V., Mazyuk R.V. Zakonnye, nezakonnye i processualnye interesy obvinyаемого v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve [Legitimate, Illegitimate and Procedural Interests of the Accused in Russian Criminal Proceedings]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkalskogo*

gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law], 2016, vol. 10, no. 1, pp. 156-168.

5. Spirin A.V. Interes i zakonnyj interes v ugovnom sudoproizvodstve [Interest and Legitimate Interest in Criminal Proceedings]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 3 (23), pp. 32-36.

6. Chebotareva I.N., Pashutina O.S., Revina I.V. *Otkaz ot subyektivnogo prava kak fenomen v ugovnom processe Rossii* [Waiver of Subjective Right as a Phenomenon in the Criminal Process of

Russia]. Kursk, Yugo-Zap. gos. un-t, Univ. kn. Publ., 2020, pp. 144-145.

7. Chebotareva I.N. Processualnoe ravenstvo storon obvineniya i zashchity v ugovnom sudoproizvodstve [Procedural Equality of the Parties of the Prosecution and Defense in Criminal Proceedings]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Vestnik Perm University. Legal Sciences], 2023, no. 3, pp. 499-520.

8. Shilekhin K.E. Podhod k klassifikacii vidov yuridicheskoy otvetstvennosti [Approach to the Classification of Types of Legal Responsibility]. *Administrativnoe i municipalnoe pravo* [Administrative and Municipal Law], 2021, no. 3, pp. 21-31.

Information About the Author

Vladimir M. Shinkaruk, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Информация об авторе

Владимир Маркович Шинкарук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.5>

UDC 343.13
LBC 67.410.2

Submitted: 09.06.2024
Accepted: 27.06.2024

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CORRELATION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL CONCEPTS OF “PREREQUISITE” AND “CAUSE” IN CRIMINAL PROCEDURE

Yuri V. Franciforov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Vladimir V. Shinkaruk

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: an unambiguous understanding of certain terms and provisions of criminal procedure law; their semantic certainty is caused by a correct understanding of the correlation of conceptual interaction, the need to resolve contradictions in criminal procedure, ensuring the rights of parties to a criminal proceeding, and the legality and validity of making procedural decisions in a criminal case. A term in the form of a word or phrase is necessary to express a specific concept and distinguish it from a concept that is close in meaning, which accurately denotes its essence in a special field of human knowledge. An important part of the study is to consider the prerequisites and causes for observing and implementing the principle of legality. The **aim** is distinguishing between concepts in criminal procedure such as prerequisite and cause. **Methods:** the methodological framework for the research consists of the general scientific methods (dialectical, systematic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific methods (formal legal, comparative law, etc.). As a **result** of the study, the **conclusion** is substantiated that the cause is a factor determining the outcome of any event. To find its original source, you need to ask the question, “Why?”. The answer found will be the cause. Whereas prerequisites are the conditions (factors) that generate legal relations.

Key words: term, cause, distinguishing, prerequisite, factor, assumption, acquiescence, concept, legality, security, criminal procedure.

Citation. Franciforov Yu. V., Shinkaruk V. V. The Comparative Analysis of the Correlation of the Criminal Procedural Concepts of “Prerequisite” and “Cause” in Criminal Procedure. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 37-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.5>

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 09.06.2024
Дата принятия статьи: 27.06.2024

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ «ПРЕДПОСЫЛКА» И «ПРИЧИНА» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Юрий Викторович Францифоров

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Владимир Владимирович Шинкарук

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: однозначное понимание отдельных терминов и положений уголовно-процессуального права, их смысловая определенность вызваны правильным соотношением понятийного взаимодействия,

необходимостью разрешения противоречий уголовного судопроизводства, обеспечением прав участников уголовного процесса, законностью и обоснованностью вынесения процессуальных решений по уголовному делу. Термин в виде слова или словосочетания необходим для выражения конкретного понятия и его отграничения от близкого по смыслу понятия, которое точно обозначает его сущность в специальной области человеческих знаний. Важной частью исследования является рассмотрение предпосылок и причин в соблюдении и реализации принципа законности. **Цель** состоит в разграничении таких понятий в уголовном судопроизводстве, как предпосылка и причина. **Методологическую основу** исследования составляют общенаучные методы (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.). В результате исследования обосновывается **вывод** о том, что причина – это фактор, определяющий исход любого события. Чтобы отыскать его первоисточник, нужно задать вопрос: «Почему?». Найденный ответ окажется причиной. Тогда как предпосылки – это условия (факторы), порождающие правовые отношения.

Ключевые слова: термин, причина, разграничение, предпосылка, фактор, предположение, допущение, концепция, законность, безопасность, уголовное судопроизводство.

Цитирование. Францифоров Ю. В., Шинкарук В. В. Сравнительный анализ соотношения уголовно-процессуальных понятий «предпосылка» и «причина» в уголовном судопроизводстве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 37–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.5>

Введение

Однозначное понимание отдельных терминов и положений уголовно-процессуального права, их смысловая определенность вызваны правильным соотношением понятийного взаимодействия, необходимостью разрешения противоречий уголовного судопроизводства, обеспечением прав участников уголовного процесса, законностью и обоснованностью вынесения процессуальных решений по уголовному делу.

Термин в виде слова или словосочетания необходим для выражения конкретного понятия и его отграничения от близкого по смыслу понятия, которое точно обозначает его сущность в специальной области человеческих знаний.

Так, рассмотрение таких терминов, как предпосылка и причина, требует точного разграничения. По мнению Р.О. Раджабова и Т.Б. Рамазанова, «основание, наряду с поводом, является одной из двух обязательных предпосылок для начала реализации мер безопасности» [9, с. 147].

В своей работе авторы рассматривают предпосылки процесса безопасности в качестве поводов и основания процесса безопасности, тогда как поводы и основания процесса безопасности вытекают не из предпосылок, а из причин, указывающих на необходимость осуществления безопасности участни-

ков уголовного судопроизводства. Предпосылка – это условие, благоприятное для возникновения подготовки к осуществлению безопасности.

Причиной для осуществления мер безопасности являются не предпосылки, а поводы (в виде заявления и сообщения о противоправном деянии) и основания (в виде достаточных данных указывающие на признаки преступления), побуждающие принять меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства.

Предпосылки вызывают причину, которая влечет за собой действие. Ряд исследователей путает понятия «причина» и «предпосылка», которые действительно близки по значению, но не тождественны. Предпосылка – это допущение, предположение. А причина – решающая роль в уже свершившемся. Предпосылки – это почва для развития любого явления, стечение обстоятельств, предположение, догадка, намек. Причина – это повод и основание для развития процесса, катализатор к нему.

Предпосылкой вызваны предпринимаемые меры, направленные на обеспечение безопасности в сфере уголовного судопроизводства, которые способствуют осуществлению законного и справедливого правосудия и одновременно являются неотъемлемой частью государственной политики по борьбе с преступностью [5, с. 4].

Предпосылки и причины в соблюдении и реализации принципа законности

Важной частью нашего исследования является рассмотрение предпосылок и причин в соблюдении и реализации принципа законности.

С.С. Алексеев определяет законность как многомерное явление, которое включает в себя не только требования строгого и неукоснительного соблюдения всеми субъектами законов и основанных на них правовых актах, но и реальное осуществление ими субъективных прав, надлежащее применение права, и, соответственно, исключение малейшего произвола в деятельности государственных органов и должностных лиц [1].

Законность – один из основных принципов не только уголовно-процессуальной, но и других отраслей права. Актуальность ее реализации очевидна в теории и практике уголовного процесса на всех его стадиях.

В юридической науке сложилась традиционная концепция законности, сущность которой заключается в строгом и неуклонном соблюдении и исполнении всеми субъектами права действующего законодательства [6, с. 511].

Принцип законности также находит свое отражение в УПК РФ, являясь отраслевым принципом уголовного процесса.

Причиной соблюдения принципа законности должностными лицами, обладающими полномочиями в уголовном судопроизводстве, служит требование ст. 7 УПК РФ, в которой определено: «Суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК. Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с УПК. Нарушение норм УПК судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. Определения суда, по-

становления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными».

Причина – это основание для возникновения другого явления, процедуры (в рамках досудебной или судебной стадии). Установив необходимость ее производства, можно понять последствия и попытаться их устранить, если возникнет такая необходимость.

Уголовно-процессуальный закон является основой реализации принципа законности через установление процедуры возбуждения дела, предварительного расследования, судебного разбирательства, проверки законности и обоснованности приговора в вышестоящих инстанциях.

По мнению В.С. Нерсисянца, «правовая законность – это точное и неуклонное соблюдение и исполнение требований правового закона всеми субъектами права» [8, с. 530].

Предпосылки соблюдения принципа законности выражены:

1) уровнем правосознания и правовой культуры граждан, а также должностных лиц, обладающих полномочиями в сфере уголовного судопроизводства;

2) установлением контроля со стороны вышестоящих органов за своими подчиненными с целью соблюдения ими нормативных предписаний;

3) повышением полномочий прокуратуры за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования;

4) неизбежностью уголовной ответственности за совершенное преступление.

Предпосылки соблюдения принципа законности – это мотивационные условия, которые предопределяются возникновением уголовно-процессуальных отношений, способствующие реализации прав и обязанностей, имеющихся у государственных органов и других участников уголовного процесса, а также представляющие собой развитие с момента появления повода к возбуждению уголовного дела.

Во всей полноте уголовно-процессуальные отношения находят свое появление и развитие в стадии возбуждения уголовного дела и при производстве по нему [10, с. 19].

**Содержание предпосылки
в уголовно-процессуальных отношениях**

Предпосылка – это нечто неочевидное, но возможное (например, возникновение уголовно-правовых правоотношений), тогда как причина – это логическое основание любого события, повод для развития действия, принятия решения при возникновении уголовного процесса, осуществляемого и при отсутствии уголовно-правовых отношений (применение принудительных мер медицинского характера). Однако причиной возникновения уголовно-процессуальных отношений служит повод и основание к возбуждению уголовного дела. Рассматривая меры процессуального принуждения и самую важнейшую из них – задержание подозреваемого, следует обратить внимание на то, что причина задержания обусловлена основаниями задержания подозреваемого, когда: лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление, на лице, его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления (ст. 91 УПК РФ).

Предпосылками принято считать стимулы, которые побуждают к действиям, а именно к мерам уголовно-процессуального принуждения. Так, предпосылкой задержания являются условия, при которых лицо пыталось скрыться, не имеет постоянного места жительства либо не установлена его личность.

Как правильно пишет И.А. Веретенников, в случае задержания лица при непосредственном обнаружении признаков преступления в момент фактического задержания не всегда с достаточной обоснованностью можно судить о том, будет ли лицо задержано в качестве подозреваемого или нет, поскольку это является предметом последующего разбирательства [3].

Таким образом, физический захват лица как предпосылка фактического процессуального задержания лица не следует отождествлять с причиной появления подозреваемого, в качестве временного участника стороны обвинения в уголовном судопроизводстве.

Предпосылки – это условия (факторы), порождающие правовые отношения. Суще-

ствует два вида предпосылок возникновения правоотношений: материальные (общие) интересы и потребности, наличие объекта правоотношения, не менее двух субъектов и соответствующее поведение участников правоотношений и юридические (специальные) – норма права; правосубъектность; юридический факт [7, с. 479]. Неправильным является отождествление фактического уголовно-процессуального задержания как меры пресечения с физическим захватом лица в качестве административного задержания.

Выводы

Так, причина в уголовном судопроизводстве обусловлена использованием законом причинно-следственной связи, при наличии повода и основания для возникновения правовых отношений. Поводом и основанием для возбуждения уголовного дела служит требование ст. 140 УПК РФ, которое позволяет органам предварительного расследования выполнить обязанность по вынесению постановления о возбуждении уголовного дела. Таким образом, под причиной возбуждения уголовного дела следует понимать действия того или иного лица, влекущей обязанность должностных лиц, имеющих властные полномочия, решить вопрос о необходимости возбуждения уголовного дела [2, с. 9].

Предпосылкой возбуждения уголовного дела является любое сообщение о преступлении, пока оно не принято и оформлено компетентным должностным лицом. Причиной к возбуждению уголовного дела является повод в виде сообщения или заявления, полученный и зарегистрированный должностным лицом, правоохранительного органа.

Как правильно указывает И.С. Дикарев, повод для возбуждения уголовного дела – это не любое сообщение о преступлении, а лишь то, которое принято уполномоченным на то государственным органом или должностным лицом в порядке, предусмотренным ст. 141–143 УПК РФ, а содержащаяся в нем информация надлежащим образом оформлена и процессуально закреплена [4, с. 47].

Так, возбуждение уголовного дела возможно при наличии повода и основания, а также отсутствии обстоятельств, препятствующих

ших началу первой стадии уголовного судопроизводства.

Таким образом, причина – это фактор, определяющий исход любого события. Чтобы отыскать его первоисточник, нужно задать вопрос: «Почему?». Найденный ответ окажется причиной. Тогда как предпосылки – это условия (факторы), порождающие правовые отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Проблемы теории права: курс лекций / С. С. Алексеев. – Свердловск : [б. и.], 1972. – 396 с.
2. Березина, Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Березина. – Саратов, 2003. – 30 с.
3. Веретенников, И. А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Веретенников. – М., Саратов, 2013. – 19 с.
4. Дикарев, И. С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / И. С. Дикарев ; под ред. И. С. Дикарева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 380 с.
5. Исаев, А. Э. Безопасность в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Э. Исаев. – Саратов, 2001. – 23 с.
6. Лисюткин, А. Б. Теория государства и права / А. Б. Лисюткин ; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Юрайт, 1997. – 672 с.
7. Матузов, Н. А. Теория государства и права / Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Юрист, 1997. – 525 с.
8. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов / В. С. Нерсесянц. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 539 с.
9. Раджабов, Р. О. Фактическое основание угрозы как обязательная предпосылка применения мер безопасности участников уголовного процесса / Р. О. Раджабов, Т. Б. Рамазанов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 146–150.
10. Францифоров, Ю. В. Уголовный процесс : учеб. и практикум для вузов / Ю. В. Францифоров, Н. С. Манова, А. Ю. Францифоров. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 401 с.

REFERENCES

1. Alekseyev S.S. *Problemy teorii prava: kurs lektsiy* [Problems of the Theory of Law: Lecture Course]. Sverdlovsk, s. n., 1972. 396 p.
2. Berezina L.V. *Dokazyvaniye v stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela po UPK Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Proof at the Stage of Initiation of a Criminal Case Under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2003. 30 p.
3. Veretennikov I.A. *Zaderzhaniye podozrevayemogo kak kompleksnyy pravovoy institut: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Detention of a Suspect as a Complex Legal Institution. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, Saratov, 2013. 19 p.
4. Dikarev I.S. et al. *Sushchnost i aktualnyye problemy stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela* [The Essence and Current Problems of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2011. 380 p.
5. Isayev A.E. *Bezopasnost v ugovnom sudoproizvodstve: teoreticheskiy i prikladnoy aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Security in Criminal Proceedings: Theoretical and Applied Aspects. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2001. 23 p.
6. Lisutkin A.B. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Yurayt Publ., 1997. 672 p.
7. Matuzov N.A., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Yurist Publ., 1997. 525 p.
8. Nersesyants V.S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: ucheb. dlya vuzov* [General Theory of Law and State. Textbook for Universities]. Moscow, NORMA-INFRA-M Publ., 1999. 539 p.
9. Radzhabov R.O., Ramazanov T.B. *Fakticheskoye osnovaniye ugrozy kak obyazatel'naya predposylka primeneniya mer bezopasnosti uchastnikov ugovnogo protsessa* [Factual Basis of the Threat as a Mandatory Prerequisite for the Application of Security Measures for Participants in Criminal Proceedings]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 2, pp. 146-150.
10. Frantsiforov Yu.V., Manova N.S., Frantsiforov A.Yu. *Ugovolnyy protsess: ucheb. i praktikum dlya vuzov* [Criminal Procedure. Textbook and Educational Aid for Universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2024. 401 p.

Information About the Authors

Yuri V. Franciforov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, franciforov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3739-128X>

Vladimir V. Shinkaruk, Student, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, spd-201_653531@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Информация об авторах

Юрий Викторович Францифоров, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, franciforov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3739-128X>

Владимир Владимирович Шинкарук, студент, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, spd-201_653531@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.6>

UDC 343.17
LBC 67.410.2

Submitted: 24.05.2024
Accepted: 21.06.2024

JUDICIAL DISCRETION AND JUDICIAL PRECEDENT: A LEGAL LINGUISTIC CONTEXT

Ekaterina S. Azarova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in modern science, there is an interest in legal linguistics, which is aimed at solving various problems. Starting from linguistic expertise and ending with methodological recommendations for the development of texts of draft laws. The issue of recognizing judicial precedent as a source of Russian law is relevant. At the heart of the legal linguistic context, judicial discretion and judicial precedent are concepts that require analysis. The paper discusses the concepts of judicial discretion and judicial precedent. Their specifics and characteristic features are defined, and the place of judicial precedent in the system of Russian law is highlighted. The role of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the differences between the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the judicial precedent are analyzed. The study highlighted the distinctive features that distinguished judicial discretion from other types of law enforcement discretion. **Methods:** the methodological framework is based on the methods of historicism, systematicity, and comparative law. **Results:** the author's position justified in the work is based on knowledge in the criminal process. **Conclusions:** as a result of the study, it is revealed that the study of the discretion of the court includes an analysis of the relationship with judicial precedent. It is one of the sources of law, so its analysis and mutual influence on judicial discretion seem to be important aspects. It is established that the judicial precedent is a decision of the higher courts. The discretion of the court is able to ensure the legality of the law-application and law enforcement discretion of other bodies, organizations, citizens, and officials.

Key words: evidence, legal linguistics, evaluation of evidence, judicial proceedings, criminal procedure science, discretion of the court, judicial precedent.

Citation. Azarova E.S. Judicial Discretion and Judicial Precedent: A Legal Linguistic Context. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 43-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.6>

УДК 343.17
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 24.05.2024
Дата принятия статьи: 21.06.2024

СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ И СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ: ПРАВЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Екатерина Сергеевна Азарова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в современной науке наблюдается интерес к праволингвистике, которая направлена на решение различных задач от лингвистической экспертизы до методических рекомендаций по разработке текстов законопроектов. Актуальным является вопрос о признании судебного прецедента источником российского права. В основе праволингвистического контекста судебное усмотрение и судебный прецедент представляют собой понятия, требующие анализа. В статье рассмотрены понятия судебного усмотрения и судебного прецедента. Определены их особенности и характерные черты, выделено место судебного прецедента в системе российского права. Проанализирована роль решений Конституционного Суда РФ и отличия пленума Верховного Суда РФ от судебного прецедента. В ходе исследования были выделены отличительные черты, отличающие судебное усмотрение от иных видов правоприменительного усмотрения. **Методы:** методологическую основу составляют методы историзма, системности, сравнительно-правовой. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на знания в уголовном процессе. **Выводы:** в результате

исследования выявлено, что исследование усмотрения суда включает в себя анализ взаимосвязи с судебным прецедентом. Он является одним из источников права, поэтому его анализ и взаимного влияния на судебную дискрецию представляются важными аспектами. Установлено, что судебный прецедент представляет собой решение высших судов. Усмотрение суда способно обеспечить законность правоприменительной и право-реализационной дискреции иных органов, организаций, граждан и должностных лиц.

Ключевые слова: доказательства, лингвистика, оценка доказательств, судебное разбирательство, уголовно-процессуальная наука, усмотрение суда, судебный прецедент.

Цитирование. Азарова Е. С. Судебное усмотрение и судебный прецедент: лингвистический контекст // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 43–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2024.3.6>

Введение

Судебное усмотрение – одно из ключевых понятий в российской системе права, которое на протяжении долгого времени привлекало внимание законодателей из-за его значимости для работы судов. Однако трактовка этого понятия содержит много неясностей, которые остаются актуальными и по сегодняшний день. На данный момент в российской науке проблема судебного усмотрения не получила столь четкого и полного разрешения. Также особенно актуальным остается вопрос о признании судебного прецедента в качестве источника российского права.

В настоящее время мы живем в быстро меняющемся мире, что вызывает большое количество проблем в сфере правоприменения, связанных с возрастанием числа пробелов в законодательстве, в том числе невозможностью правовых норм адекватно регулировать все новые правовые ситуации. В данных условиях суд вынужден играть более активную роль не только в устранении лакун в правовом регулировании, но и в принятии на себя обязанностей и функций правотворческого органа.

К.И. Комиссаров определяет судебное усмотрение как правомочие суда на принятие решения в соответствии с конкретными обстоятельствами, когда закон не предоставляет прямых указаний, в таких случаях он выбирает из возможных вариантов решений то, которое наиболее точно соответствует намерениям законодателя [5, с. 51].

По мнению А.А. Никитина, судебное усмотрение – это вывод, который делает суд (или судья) в ходе своей интеллектуальной и практической деятельности, осуществляемой в рамках строгой формы процедуры [8, с. 114].

Этот вывод касается тех вопросов, которые отнесены к компетенции судебной власти, и направлен на применение, создание и интерпретацию правовых норм.

Таким образом, усмотрение суда способно обеспечить законность правоприменительной и правореализационной дискреции иных органов, организаций, граждан и должностных лиц.

Отличительные характеристики судебного усмотрения

Судебное усмотрение имеет ряд отличий от иных видов правоприменительного усмотрения.

К одной из них относится специфический субъект, реализующий усмотрение, то есть представитель судебной власти. Если понятие «судебная власть» зачастую вызывает дискуссию в научных кругах, то вопрос о субъектах, обладающих этой властью, регулируется на уровне законодательства. В ч. 1 ст. 1 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» закрепляется, что судебная власть осуществляется исключительно судами через судей и привлекаемых в установленном законом порядке присяжных и арбитражных заседателей. Схожее положение содержится в ст. 1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» [3].

Другой значимой чертой судебного усмотрения является осуществление его в рамках полномочий судебной власти. Главным, но не единственным полномочием судебной власти большинство авторов считает правосудие. Иные функции судебной власти оцениваются авторами по-разному. В-третьих, одной из особенностей судебного усмотрения является его строгая процедурная форма. В целом любая

деятельность по применению законов предполагает ее соблюдение. Судам всегда предъявляются строгие требования к выполнению установленной законом процедуры из-за объема и характера их полномочий, а также предмета их деятельности. Основное назначение работы судов заключается в разрешении правовых конфликтов и споров, возникающих между различными субъектами права, которые обладают различными социально-правовыми статусами. А.А. Никитин предлагает разделить судебную дискрецию на две категории: усмотрение суда, которое проявляется в ходе процессуальной деятельности суда, и судебное усмотрение, которое проявляется в других процедурных формах [8, с. 67].

Характеристика, которая еще отличает судебное усмотрение, – возможность включения в него элементов формирования права и его толкования, а также их сочетание с применением права. В большинстве случаев судебное усмотрение анализируется с позиции применения права судом. Этот подход достаточно справедлив, так как к основным функциям судебной власти относятся обеспечение правосудия, конституционный и судебный контроль – представляют собой различные аспекты применения права [9, с. 173]. В Российской Федерации совмещение правоприменительной и правотворческой функций в судебном усмотрении можно увидеть в решениях Конституционного Суда РФ. Часто, когда Конституционный Суд РФ признает норму закона несоответствующей Конституции РФ (в буквальном смысле или с учетом ее толкования в правоприменительной практике), он обязывает законодателя исправить недостаток в правовом регулировании определенных отношений. При этом решение может содержать «проект» правовой нормы, которую законодателю следует принять, а в некоторых случаях Конституционный Суд РФ обязывает правоприменителей руководствоваться этим «проектом» до принятия соответствующих поправок в закон.

Важным аспектом, за исключением связанного с отдельными полномочиями суда, является то, что его начало напрямую зависит от усмотрения других субъектов. Внешние обращения к суду способствуют началу основных полномочий судебной власти.

К особенностям судебного усмотрения, которые отличают его от других видов правоприменительной дискреции, относится его способность ограничивать другие формы правоприменительного усмотрения. Это можно увидеть в ст. 46 Конституции РФ. В ее первой части определено право на судебную защиту в качестве самостоятельного основного права человека, что является юридической гарантией соблюдения остальных прав и свобод. Частью 2 данной статьи отдельно указана возможность обжалования в суд действий (и бездействия) органов государственной власти и местного самоуправления. Реализация данного права гарантирует ответственность органов власти и должностных лиц перед гражданами, обеспечивая конституционную безопасность. Эти положения указывают, что судебное усмотрение занимает более высокое положение в иерархии правоприменительных усмотрений, чем другие формы.

К определению судебного прецедента

Исследование усмотрения суда включает в себя анализ взаимного влияния на судебную дискрецию и взаимосвязи с судебным прецедентом, который является одним из источников права.

Г.Ф. Шершеневич считал, что судебный прецедент как первоначальное решение вышестоящего суда становится конкретным правилом и нормой по разрешению схожих вопросов в будущем [1, с. 145].

По мнению П.А. Гука, судебный прецедент – решение, которое принято высшим судебным органом по конкретному делу и считается обязательным для других судов при вынесении решения по подобным делам [2, с. 17].

Однако судебный прецедент – не любое решение суда, а исключительно то, которое основано на определенных принципах, выделенных Рупертом Кроссом [6, с. 26]. Так, прецедент может быть установлен только высшими судьями, они должны опираться на решения более высоких судов, а апелляционные суды – на свои предыдущие решения.

Н.А. Колоколов утверждает, что при выделении прецедента как источника права и результата правотворческой деятельности

речь идет исключительно о деятельности высших судов [7, с. 8].

Судебный прецедент также имеет ряд отличительных особенностей.

Один из основных признаков состоит в том, что именно суд – это орган судебной власти, который является носителем права на судебное усмотрение. Судьи обладают возможностью создавать судебные прецеденты, которые могут иметь общеобязательный характер. Однако только высшие судебные органы имеют право на создание тех из них, которые будут иметь общеобязательную силу.

Вторым важным аспектом судебного прецедента является его создание в рамках строго определенной юридической процедуры. Это отличает его от судебного усмотрения, которое также формируется и осуществляется в соответствии с законодательно установленной процедурой, но не имеет такой же четкой структуры. Содержание этого качества судебного прецедента не совпадает полностью с аналогичным качеством судебного усмотрения.

Третья характеристика судебного прецедента заключается в его обязательности в применении. Ее степень зависит от уровня суда, который вынес решение, и положения суда, имеющего соответствующую степень обобщения и принуждения и степень распространенности на аналогичные случаи. Например, в английской правовой системе существует правило, согласно которому каждый суд должен следовать решению вышестоящего суда, а апелляционные суды (за исключением Палаты лордов) обязаны учитывать свои предыдущие решения. Обязательность принятого судом решения, основанного на судебном усмотрении, зависит от формы, в которой оно выражено, а также от полномочий и статуса суда, который его принял. В целом следует отметить, что результаты судебной дискреции являются обязательными к исполнению, поскольку они вынесены носителем судебной власти.

Четвертой особенностью является то, что он подлежит официальной публикации. Для источника права существует необходимость доведения его содержания до масс. Судебное усмотрение, выраженное в определенной форме, также публикуется, но требования,

порядок и цели этой публикации могут отличаться в зависимости от типа судебного документа.

Выводы

Говоря о судебном прецеденте в российской системе права, стоит отметить, что этот вопрос является дискуссионным. Проводя анализ теоретических положений судебного прецедента и решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, можно отметить следующее:

Конституционный Суд РФ является судебным органом, согласно ч. 3 ст. 4 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Также решения Конституционного Суда РФ, которые принимаются в порядке осуществления конституционного контроля, являются источниками права, помогающими гражданам в разрешении многих сложных дел, в том числе его решения подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти РФ и т. п. (ст. 78 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») и другие.

Несмотря на существующие схожие аспекты, все равно остаются различия между решениями Конституционного Суда РФ и судебным прецедентом, что не позволяет их отождествлять.

На примере деятельности Верховного Суда РФ отмечаются следующие различия. Позиция Верховного Суда РФ, которая отражается в его Пленумах, не обладает полномочиями на рассмотрение конкретных уголовных, гражданских и других дел. Он не создает новых правовых норм, как это делает судебный прецедент. Верховный Суд РФ обладает функцией по интерпретации уже существующих законов и разработке проектов новых (в рамках реализации права законодательной инициативы), которые впоследствии рассматривает и принимает законодательный орган. Так, А.С. Пиголкин утверждает, что следует различать понятие правотворчество и официальное нормативное толкование юридических норм [4, с. 68]. По его мнению, данные понятия не являются тождественными, они не совпадают, так как нормативные разъяснения не могут содержать новых норм,

а должны интерпретировать и конкретизировать уже существующие.

Подводя итог, можно сказать, что в Российской Федерации, по нормативному регулированию, судебный прецедент не признается официальным и самостоятельным источником права. Несмотря на это, оно содержит достаточное количество предпосылок для того, чтобы суды выполняли не только правоприменительную, но и в некоторой степени правотворческую функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева, О. М. Шершеневич Г.Ф. О толковании права, судебном прецеденте и аналогии права / О. М. Беляева // Право и образование. – 2016. – № 5. – С. 144–150.
2. Гук, П. А. Судебный прецедент как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Гук Павел Александрович. – Саратов, 2002. – 30 с.
3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/
4. Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Спарк, 1998. – С. 68–69.
5. Комиссаров, К. И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе / К. И. Комиссаров // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 49–56.
6. Кросс, Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс. – М. : Юрид. лит., 1985. – 238 с.
7. Колоколов, Н. А. Адвокат суду не враг, адвокат суду помощник! / Н. А. Колоколов, А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 2 (9). – С. 7–12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokat-sudu-ne-vrag-advokat-sudu-pomoschnik>
8. Никитин, А. А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника : дис. ... д-ра юрид. наук / Никитин Александр Александрович, 2021. – 514 с.
9. Струнский, А. Д. К вопросу о соотношении свободы судейского усмотрения и принципа правовой определенности / А. Д. Струнский // Правотолкование и проблема судебного правотворчества : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Симферополь, 2020. – С. 173–174.

REFERENCES

1. Belyaeva O.M. Shershenevich G.F. O tolkovanii prava, sudebnom precedente i analogii prava [Shershenevich G.F. On the Interpretation of Law, Judicial Precedent and Analogy of Law]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2016, no. 5, pp. 144-150.
2. Guk P.A. *Sudebnyj precedent kak istochnik prava: autoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Judicial Precedent as a Source of Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2002. 30 p.
3. Zakon RF ot 26.06.1992 № 3132-1 “O statuse sudej v Rossijskoj Federacii” [The Law of the Russian Federation “On the Status of Judges in the Russian Federation” from June 26, 1992 No. 3132-1]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/
4. Pigolkin A.S., ed. *Zakon: sozдание i tolkovanie* [Law: Creation and Interpretation]. Moscow, Spark Publ., 1998, pp. 68-69.
5. Komissarov K.I. *Sudebnoe usmotrenie v sovetskom grazhdanskom processe* [Judicial Discretion in the Soviet Civil Process]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1969, no. 4, pp. 49-56.
6. Cross R. *Precedent v anglijskom prave* [Precedent in English Law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985. 238 p.
7. Kolokolov N.A., Ragulin A.V. *Advokat sudu ne vrag, advokat sudu pomoshchnik* [The Lawyer Is Not an Enemy to the Court, the Lawyer Is an Assistant to the Court]. *EvrAzijskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2014, no. 2 (9), pp. 7-12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokat-sudu-ne-vrag-advokat-sudu-pomoschnik>
8. Nikitin A.A. *Pravovoe usmotrenie: teoriya, praktika, tekhnika: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal Discretion: Theory, Practice, Technique. Dr. jurid. sci. diss.], 2021. 514 p.
9. Strunsky A.D. *K voprosu o sootnoshenii svobody sudejskogo usmotreniya i principa pravovoj opredelennosti* [To the Question of the Correlation of the Freedom of Judicial Discretion and the Principle of Legal Certainty]. *Pravo tolkovanie i problema sudebnogo pravotvorchestva: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Legal Interpretation and the Problem of Judicial Law-Making. Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific-Practical Conference]. Simferopol, 2020, pp. 173-174.

Information About the Author

Ekaterina S. Azarova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, aes130804@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Азарова, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, aes130804@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.7>

UDC 343.21
LBC 67.410.206

Submitted: 02.06.2024
Accepted: 22.06.2024

A COURT FINE IS A GOOD IDEA, A BAD DECISION

Valentina A. Lazareva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Introduction: since its introduction, the institution of a court fine, despite certain fluctuations, has shown a consistently high degree of demand both from persons who have committed offenses of low-to-medium severity for the first time, due to its humanistic nature, and from preliminary investigation bodies and judges due to the relative simplicity of its procedure. Against this background, numerous flaws in the legislative techniques, contradictions, and other shortcomings of the legal norms contained in Federal Law No. 323 of July 3, 2016 are particularly noticeable, which do not correspond to the task of creating an effective and simple mechanism for exemption from criminal liability using a criminal law measure. The **purpose** of the paper is to systematize the shortcomings of the legal regulation of the procedure for deciding on the termination of a criminal case with the imposition of a court fine and formulate proposals aimed at increasing the practical expediency of the procedural form. **Methods:** the main research method aimed at achieving this goal is a comprehensive comparative-legal analysis of the norms of criminal procedural law that form the institution of a court fine. As a **result** of the study, the **conclusion** is substantiated that the CPC of the Russian Federation has unused opportunities for exemption from criminal liability with the application of a court fine in a judicial procedure, including in a special form (Chapter 40 of the CPC of the Russian Federation) at the request of the accused at the end of the preliminary investigation. The use of this proven mechanism guarantees the observance of the rights of the accused and the principles of criminal procedure and does not require additional legal regulation.

Key words: court fine, criminal procedure law, problems of legal regulation, exemption from criminal liability, termination of a criminal case, ground of a procedural decision.

Citation. Lazareva V.A. A Court Fine Is a Good Idea, a Bad Decision. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 49-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.7>

УДК 343.21
ББК 67.410.206

Дата поступления статьи: 02.06.2024
Дата принятия статьи: 22.06.2024

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ – ХОРОШАЯ ИДЕЯ, ПЛОХОЕ РЕШЕНИЕ

Валентина Александровна Лазарева

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Введение: институт судебного штрафа с момента введения, несмотря на определенные колебания, показывает устойчиво высокую степень востребованности как со стороны лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, в силу своей гуманистической сущности, так и со стороны органов предварительного расследования и судей в силу относительной простоты его процедуры. На этом фоне особенно заметны многочисленные огрехи законодательной техники, противоречия и иные недоработки правовых норм, содержащихся в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, которые не соответствуют задаче создания эффективного и несложного механизма освобождения от уголовной ответственности с применением меры уголовно-правового характера. **Цель** статьи состоит в систематизации недостатков правового регулирования процедуры принятия решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа и формулировании предложений, направленных на повышение практической целесообразности процессуальной формы. Основным **методом** исследования, использованным для достижения указанной цели, является комплексный сравнительно-правовой анализ образующих институт судебного штрафа норм

уголовного процессуального права. В результате исследования обосновывается **вывод** о наличии в Уголовно-процессуальном кодексе РФ неиспользованных возможностей освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа в судебной процедуре, применяемой в том числе в особой форме (гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ) по ходатайству обвиняемого по окончании предварительного расследования. Применение этого апробированного механизма гарантирует соблюдение прав обвиняемого и принципов уголовного процесса и не нуждается в дополнительном правовом регулировании.

Ключевые слова: судебный штраф, уголовно-процессуальное право, проблемы правового регулирования, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, основание процессуального решения.

Цитирование. Лазарева В. А. Судебный штраф – хорошая идея, плохое решение // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 49–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.7>

Введение

Значительное число научных публикаций, посвященных судебному штрафу [1–3; 11], в том числе диссертационных исследований [5; 7], свидетельствует не только о высоком уровне научного интереса к новому институту уголовного и уголовно-процессуального права и его практической востребованности, но и о серьезных претензиях к качеству его законодательного воплощения. На недостатки правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе реализации ст. 76.2 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), не указал разве что ленивый – они лежат на поверхности, бьют, что называется, в глаза даже непридирчивому читателю, привлекают к себе внимание неточностью и непостоянством словоупотребления, многословием, неоправданными множественными повторениями, с одной стороны, и неполнотой и пробельностью, недостаточностью новых правил – с другой. Попытка преодолеть дефекты процессуальной формы путем дополнительного регулирования посредством рекомендаций Верховного Суда РФ сама по себе не может быть признана удачной, поскольку Верховный Суд, вынужденный заниматься нормотворчеством, выходит за рамки своих полномочий, во-первых, и размывает границы законодательства, во-вторых. На фоне множественных претензий к качеству Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в тени часто остается главная проблема, создаваемая постоянным стремлением дополнить Уголовно-процессуальный кодекс РФ новыми правовыми институтами, – разрушение системы уголовно-процессуального права

как целостной, согласованной, иерархической многоуровневой структуры, состоящей из множества взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов и правил. Хорошо организованная правовая система предполагает четкое взаимодействие между такими ее элементами, как правовые нормы, правые институты и субинституты, подотрасли. Деструкция этого сложного многоуровневого взаимодействия разрушает право как систему, усложняет ее восприятие, изучение и, естественно, применение, но что еще хуже – уменьшает ценность и значение права как социального регулятора со всеми вытекающими из этого последствиями.

Таким образом, цель исследования состоит в выявлении и демонстрации признаков несистемности правового регулирования общественных отношений Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, в определении возможных направлений совершенствования образующих новый институт и связанных с ним правил. Основной метод исследования – системно-структурный и сравнительно-правовой анализ положений, содержащихся в первую очередь в гл. 51.1 УПК РФ.

Результаты исследования

Нормы, образующие институт судебного штрафа, не могут быть сведены к положениям гл. 51.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, многие статьи которого сами по себе достаточно противоречивы, непоследовательны и нелогичны. Осознавая это, автор считает необходимым указать на вынужденность абстрагирования от недостатков правового регулирования, возникших вне связи с институтом судебного штрафа, а также связанных с

ним, но рассмотренных в других, ранее подготовленных автором, возможно еще не вышедших в свет научных публикациях. При этом автор не отрицает социально-правовой ценности и целесообразности введения в Уголовный кодекс РФ института судебного штрафа как альтернативы уголовной ответственности за впервые совершенное преступление небольшой и средней тяжести, не касается дискуссионных вопросов оснований освобождения от уголовной ответственности, а рассматривает исключительно механизм реализации этого института уголовного права в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Начнем с главного. Нормы гл. 51.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ создают два механизма освобождения от уголовной ответственности, выбор одного из которых, очевидно, находится в зависимости от момента выявления или установления предусмотренного законом основания, а точнее, от того, в какой стадии уголовного процесса принимается решение о прекращении уголовного дела. При этом в любом случае это решение принимается исключительно судом, поскольку освобождение от уголовной ответственности обусловлено не только такими формальными критериями, закрепленными законом, как (а) совершение впервые (б) преступления небольшой или средней тяжести, (в) возмещение или компенсация в иной форме причиненного преступлением вреда, (г) согласие на прекращение уголовного дела именно по этому, предусмотренному ст. 76.2 УК РФ, основанию, но и возложением на обвиняемого обязанности уплатить в бюджет РФ назначенную судом денежную сумму в качестве штрафа. Наиболее простым способом освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является прекращение уголовного дела и, соответственно, уголовного преследования в ходе судебного разбирательства уголовного дела (ст. 446.3 УПК). Решение о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа суд принимает в том случае, если установит перечисленные выше обстоятельства при рассмотрении уголовного дела, поступившего в суд, как можно догадаться, с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением, то есть по окончании расследова-

ния в любой из трех форм, предусмотренных законом.

Поступление в суд уголовного дела, производство предварительного расследования по которому закончено, означает, что органы следствия или дознания доказали наличие события и состава преступления, виновность обвиняемого и все другие обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ, с установлением которых закон связывает саму возможность направления уголовного дела на рассмотрение суда. Ст. 446.3 УПК не уточняет, в какой момент судебного разбирательства суд может принять решение о прекращении уголовного дела, однако, исходя из общих условий судебного разбирательства, рассматривая постановление о прекращении уголовного дела как итоговый акт судебного разбирательства и ориентируясь на не очень внятное указание ст. 446.1 УПК РФ на «правила, установленные настоящим Кодексом», мы можем заключить, что решение о прекращении уголовного дела может быть принято по окончании судебного следствия и судебных прений. Это значит, что суд принимает решение ввиду наличия не только обстоятельств, которые рассматриваются как основание прекращения уголовного дела, но и доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении преступления, поскольку освободить от ответственности можно только то лицо, которое этой ответственности подлежит [6], а также, хотя об этом прямо не сказано, с учетом мнения сторон. Таким образом, применение ст. 446.3 УПК РФ предполагает, что суд принимает решение не вместо, а после, по итогам полноценного судебного разбирательства.

В связи с изложенным закономерно возникает вопрос, насколько оправданно при изложенных обстоятельствах присутствие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ ст. 446.3? Какой смысл она в себе несет? Что нового она привносит в правовое регулирование процедуры судебного разбирательства, которая, как давно и хорошо известно, может завершиться не только постановлением приговора, но и решением о прекращении уголовного дела? Разве такой исход судебного разбирательства изначально не вытекал из содержания ч. 1 ст. 254 УПК РФ, к тому же дополненной в 2016 г. п. 4, который предусмотрел

прекращение уголовного дела именно при наличии обстоятельств, указанных в ст. 25.1 УПК РФ? Есть ли хоть какое-то разумное объяснения двойного правового регулирования одних и тех же общественных отношений – в ст. 254 и 446.3 Уголовно-процессуального кодекса?

Тот же вопрос можно поставить в отношении содержания ч. 2 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса РФ – прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 24 УПК, допускается только с согласия подсудимого. Совершенно правильное это указание, однако, уже содержится в ч. 2 ст. 27 УПК – прекращение уголовного дела по перечисленным здесь же основаниям не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. Имеет ли смысл указание в ч. 2 ст. 254 УПК на то, что если обвиняемый против прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 24 УПК РФ, возражает, судебное разбирательство продолжается в обычном порядке? Разве возможно какое-то иное в такой ситуации решение? К чести законодателя, в ст. 446.3 не содержится требования о наличии согласия обвиняемого или указания на отсутствие его возражений. Следовательно, наличие соответствующих указаний в общей норме (ст. 27 УПК) в данном случае признается достаточным. Почему оно не является достаточным при применении ст. 254 УПК РФ, неясно.

Рассматривая этот вопрос, невозможно не вспомнить и ст. 236 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая в п. 4.1 ч. 1 указывает на обязательность проведения предварительного слушания при наличии оснований для прекращения уголовного дела, то есть и при наличии предусмотренных в ст. 25.1 УПК РФ (76.2 УК) обстоятельств. О прекращении уголовного дела в ходе предварительного слушания говорится далее в ст. 239 Уголовно-процессуального кодекса, которая хотя и не вспоминает ст. 25.1, но с учетом содержания ст. 236 на нее, конечно же, распространяется.

Таким образом, мы имеем основания утверждать, что процедура освобождения от уголовной ответственности, предусмотренная ст. 446.3 УПК РФ, не содержит ничего нового, то есть ничего из того, что не было бы

известно из приведенных выше положений ст. 24, 27, 236, 239 и 254 Уголовно-процессуального кодекса РФ, имеющих значение для всей уголовно-процессуальной деятельности или как минимум для судебного разбирательства. Повторение в ст. 446.3 правил, уже содержащихся в нормах УПК РФ, распространяющихся на более широкий круг правоотношений, подтверждает высказанный ранее тезис о бессистемности и непродуманности правового регулирования. Иными словами, введение в Уголовный кодекс РФ ст. 76.2 не требовало создания особой специальной процессуальной формы ее реализации, которая предусмотрена ст. 446.3 УПК РФ.

Вторая процессуальная форма освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа ориентирована на ситуацию, при которой предусмотренные ст. 76.2 УК РФ обстоятельства становятся очевидными уже в ходе предварительного расследования. Учитывая, что освобождение от уголовной ответственности в рассматриваемом случае состоит из двух самостоятельных актов (прекращения уголовного дела и назначения судебного штрафа), законодатель, очевидно, должен был разделить соответствующие полномочия между органами расследования и судом в соответствии с выполняемыми каждым из этих субъектов функциями. Такой подход требует установления взаимосвязи между названными процессуальными действиями (решениями), однако использованные законодателем формулировки не отличаются ни ясностью, ни точностью.

Ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ в самом названии и далее в своей ч. 2 говорит о прекращении «уголовного дела или уголовного преследования *в связи с* назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» (курсив наш. – В. Л.). Такая формулировка лингвистически ставит решение о прекращении уголовного дела в зависимость от решения о назначении штрафа, которое, очевидно, должно было бы предшествовать решению о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Вполне вероятно, законодатель использовал здесь в качестве образца ст. 25. 26, 28 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в которых прекращение уголовного дела и освобождение

ние от уголовной ответственности действительно обусловлено определенными обстоятельствами – примирением сторон, изменением обстановки, деятельным раскаянием. Однако в ст. 25.1 УПК РФ такой обусловленности между прекращением дела и назначением штрафа нет. Скорее, наоборот, прекращение уголовного дела, предшествующее назначению штрафа, можно было бы рассматривать как его условие, если бы оба решения судом не принимались одновременно. С учетом именно этого обстоятельства статьи, входящие в содержание гл. 51.1 УПК РФ, отличаются от ст. 25.1, используя союз «и» для связи решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа.

Таким образом, юридическая формула освобождения от уголовной ответственности содержит два решения, принимаемых судом одновременно. Логически решению о назначении судебного штрафа предшествует решение о прекращении уголовного дела, которое, в свою очередь, должно быть обусловлено предварительно полученным от обвиняемого согласием на замену уголовной ответственности судебным штрафом. Однако и в этом отношении закон очень неточен: согласно п. 1. ч. 5 ст. 446.2 УПК, по рассмотрении ходатайства следователя, дознавателя суд принимает решение «об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 настоящего Кодекса, и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» (курсив наш. – В. Л.). Решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, то есть по существу ходатайства следователя, дознавателя, суд, как следует из буквального прочтения правовой нормы, не принимает!

Увы, законодатель в рассматриваемом вопросе последователен, ибо в ч. 6 ст. 446.2 УПК, говорящей о содержании постановления, которое суд принимает в результате рассмотрения ходатайства следователя, дознавателя, оно, то есть это постановление, называется постановлением «о назначении лицу, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено... меры уголовно-правового характера в виде судеб-

ного штрафа» (курсив наш. – В. Л.). С одной стороны, этим подтверждается сформулированный выше вывод о том, что судебный штраф следует за прекращением уголовного дела, с другой – вопрос о том, кто же все-таки принимает решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, остается открытым.

Рассуждая далее, мы должны поставить вопрос и о том, какую роль в такой процедуре играет постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении судебного штрафа? При кажущейся очевидности ответ на него в действительности неоднозначен. Бесспорно одно – ходатайство следователя, дознавателя выступает единственным процессуальным поводом, инициирующим рассмотрение судом вопроса о применении ст. 76.2 УК РФ, что довольно странно, так как у следователя, с учетом осуществляемой им функции, отсутствует процессуальная заинтересованность в таком решении. В то же время лицо, которое действительно может иметь соответствующий интерес, лишено возможности его реализовать путем обращения к суду с ходатайством о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа [8, с. 125; 9, с. 117], хотя при рассмотрении уголовного дела в общем порядке подсудимый такой возможности не только не лишен, но, пожалуй, может быть назван даже единственным лицом, заинтересованным в таком решении суда. Все остальное лишено логики. Конечно, лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, всегда может воспользоваться своим статусом подозреваемого или обвиняемого, содержание которого предполагает право заявлять любые ходатайства при производстве расследования, однако в ходе досудебного производства подозреваемый или обвиняемый может обратиться с таким ходатайством только к лицу, производящему расследование. К суду в этой стадии уголовного процесса подозреваемый или обвиняемый может обратиться лишь с жалобой на отказ в возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела, но с учетом того, что ходатайство о прекращении дела может быть заявлено непосредственно в суд по окон-

чании расследования, высказанное выше предположение не имеет практического смысла. При рассмотрении уголовного дела судом все участники судебного разбирательства вправе заявить любое ходатайство, которое суд обязан рассмотреть.

Отметим в связи с этим еще одну неудачную, на наш взгляд, законодательную формулировку. Согласно ч. 5 ст. 446.2 Уголовно-процессуального кодекса, в результате рассмотрения ходатайства органа расследования о прекращении уголовного или уголовного преследования и назначении судебного штрафа суд может принять два решения: 1) об удовлетворении ходатайства; 2) об отказе в его удовлетворении. В первом случае, как гласит текст закона, решение сопровождается назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Возникает вопрос: разве в случае удовлетворения ходатайства суд не обязан вначале прекратить уголовное дело или уголовное преследование и лишь потом, как следствие, назначить судебный штраф? Умолчание об этом существенном обстоятельстве вызывает предположение о том, что обращенное к суду ходатайство следователя, дознавателя законодатель подсознательно рассматривает как состоявшееся прекращение уголовного дела, что, очевидно, не соответствует действительности, но демонстрирует отсутствие, как будет показано далее, законодательной логики.

Статус ходатайства органа предварительного расследования имеет юридическую неопределенность по отношению не только к судебному разбирательству, но и к самому предварительному расследованию. Фактически мы имеем ситуацию, при которой предварительное расследование этим ходатайством и заканчивается, никакого другого документа, фиксирующего окончание следствия или дознания, законом не предусмотрено. Таким образом, мы получили новую форму окончания расследования, которая отличается от его окончания путем прекращения уголовного дела, поскольку оно при этом не прекращается, и от направления дела в суды для рассмотрения по существу, занимая между ними какое-то промежуточное положение. При этом участники уголовного процесса, заинтересованные в его результатах, лишены возможно-

сти реализации тех прав, которыми они наделены законом при окончании расследования в иных формах, – ознакомиться с материалами дела, заявить ходатайство об их дополнении, высказать в той или иной форме свое несогласие с принимаемым решением, например обжаловать его. Неясен и вопрос об обязанностях следователя, дознавателя на этапе окончания расследования ввиду фактического отсутствия этого этапа, а в случае инициирования следователем процедуры прекращения уголовного преследования лишь в отношении конкретного лица, возникает вопрос о необходимости выделения части материалов уголовного дела в отдельное производство, который законодателем тоже оставлен без внимания.

Принимая как факт неизбежность и целесообразность упрощения процессуальной формы по уголовному делу, имеющему перспективу прекращения, заметим, что отсутствие в законе определенных пределов этого упрощения не есть хорошо, особенно если упрощение распространяется на обе части уголовного процесса – досудебную и судебную. Окончание расследования ходатайством о прекращении уголовного дела законом не урегулировано никак, ходатайство следователя направляется в суд, минуя этап контроля за расследованием не только со стороны обвиняемого и потерпевшего, но и прокурора, который, судя по всему, об этом даже не уведомляется. Прокурорский надзор за законностью расследования в этом случае как бы переносится в стадию судебного разбирательства, где прокурор может высказать несогласие с прекращением уголовного дела с назначением судебного штрафа (практике такие случаи известны). Однако, учитывая, что участие прокурора в судебном заседании необязательно, поскольку его неявка не препятствует рассмотрению судом ходатайства и принятию решения, следует констатировать непродуманность текста закона и в этом отношении.

Есть неопределенность и в статусе лица, уголовное преследование которого прекращается в судебном заседании по ходатайству следователя или дознавателя. Ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ говорит о том, что в судебном заседании участвует подозреваемый, хотя, по об-

шему правилу, подозреваемый, в отношении которого расследование закончено, а дело передано на рассмотрение суда, становится обвиняемым. Значит ли это, что направлением в суд ходатайства о прекращении уголовного дела расследование не заканчивается или следует считать подозреваемого участником судебного разбирательства? Для полноты картины зададим вопрос и о защитнике подозреваемого или обвиняемого, участие которого в процедуре рассмотрения вопроса о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа предусмотрено только для тех случаев, когда защитник участвовал при производстве расследования на момент принятия решения. Значит ли это, что суд вправе применить меру уголовно-правового характера к лицу, не обеспеченному конституционным правом на защиту, не получившим юридической консультации? И не противоречит ли в этом отношении часть 5 ст. 446.2 УПК РФ части 2 ст. 446.1, указывающей на то, что «производство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа осуществляется по общим правилам, установленным настоящим Кодексом»? Вопрос риторический и, к сожалению, не последний.

Анализ проблем уголовно-процессуального права, вызванных введением в УПК РФ гл. 51.1, не будет полным, если забыть об отсутствии в законе самой процедуры рассмотрения судом ходатайства следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела и применении судебного штрафа. Некоторые элементы этой процедуры обнаруживаются в ч. 4 ст. 446.2 Уголовно-процессуального кодекса: ходатайство рассматривается (1) единолично судьей с соблюдением правил о подсудности соответствующей категории дел (2) в 10-дневный срок со дня поступления ходатайства (3) с участием подозреваемого, обвиняемого, защитника, если он участвует в деле, потерпевшего и его представителя, законного представителя, прокурора. Однако о какой стадии уголовного процесса идет речь? Этот вопрос неслучаен, если иметь в виду рекомендации Верховного Суда РФ, данные им в Постановлении Пленума от 29 ноября 2016 г. № 56 «О вне-

сении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (п. 25.4), о рассмотрении ходатайства органа расследования в порядке ч. 6 ст. 108 УПК РФ. Порядок принятия промежуточного судебного решения на стадии предварительного расследования распространяется также на решение вопроса о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Следовательно, данное решение не может быть принято в судебных стадиях уголовного процесса. Возможно, в статье отмечены не все огрехи, допущенные законодателем при конструировании гл. 51.1 УПК РФ, но, учитывая многочисленные претензии к этой процедуре со стороны других исследователей [2; 4; 10], мы имеем достаточные основания для подведения итогов.

Выводы

В процессе проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. Идея освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, возместивших ущерб или иным образом загладивших вред, причиненный преступлением, и согласных на уплату судебного штрафа в качестве альтернативы уголовному наказанию, по своей гуманистической природе и способности стимулировать оступившееся лицо к исправлению без применения уголовной репрессии благотворна и имеет хорошие перспективы.

2. Реализация вышеуказанной идеи в тексте уголовно-процессуального закона крайне неудачна, нелогична и противоречива; процедура освобождения от уголовной ответственности противоречит общим условиям как предварительного расследования, так и судебного разбирательства; формулировки составляющих новый институт правовых норм юридически безупречны. Создавая новый процессуальный институт, законодатель не использовал возможности, уже заложенные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

3. Эффективный механизм воплощения идеи освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а в перспективе, возможно, и иных мер альтернативного воздействия, включает в себя (1) судебную процедуру, (2) применяемую по ходатайству обвиняемого, заявленному (3) по окончании предварительного расследования, в какой бы форме оно ни проводилось. Такая процедура (а) легко сочетается с правилами как общего, так и особого (то есть сокращенного) порядка судебного разбирательства, (б) полностью гарантирует соблюдение прав обвиняемого и принципов уголовного процесса и (в) не нуждается в дополнительном правовом регулировании в виде гл. 51.1 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апостолова, Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Н. Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 34–37.
2. Аристархов, А. Л. Проблемы прекращения судом уголовного преследования при применении института судебного штрафа / А. Л. Аристархов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 3. – С. 305–309.
3. Бурмагин, С. В. Уголовное производство по назначению судебного штрафа нуждается в модернизации / С. В. Бурмагин // Законодательство и практика. – 2022. – № 1. – С. 54–57.
4. Голенко, Д. В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера / Д. В. Голенко // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 1. – С. 78–82.
5. Каматесов, П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма : дис. ... канд. юрид. наук / Каматесов Павел Александрович. – СПб., 2022. – 261 с.
6. Лазарева, В. А. О презумпции невиновности, освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела: вопросы согласования / В. А. Лазарева, Ю. В. Кувалдина, Е. В. Марьяна // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 136–153.
7. Луценко, Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук / Луценко Надежда Сергеевна. – Хабаровск, 2019. – 237 с.

8. Панько, Н. К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты / Н. К. Панько // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 120–127.

9. Смыр, А. Д. Нормативные и правоприменительные аспекты прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / А. Д. Смыр // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 3. – С. 115–119.

10. Соловьев, А. Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве / А. Г. Соловьев // Правда и закон. – 2019. – № 2 (8). – С. 53–56.

11. Стельмах, В. Ю. Процессуальные аспекты прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа / В. Ю. Стельмах // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6. – С. 117–129.

REFERENCES

1. Apostolova N.N. Prekrashchenie ugovolnogo dela ili ugovolnogo presledovaniya s naznacheniem mery ugovolno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa [Termination of a Criminal Case or Criminal Prosecution with the Appointment of a Measure of Criminal-Legal Nature in the Form of a Judicial Fine]. *Rossiyskaya yusticiya* [Russian Justice], 2016, no. 10, pp. 34-37.
2. Aristarkhov A.L. Problemy prekrashcheniya sudom ugovolnogo presledovaniya pri primenenii instituta sudebnogo shtrafa [Problems of Termination by the Court of Criminal Prosecution in the Application of the Institute of Judicial Fine]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2019, no. 3, pp. 305-309.
3. Burmagin S.V. Ugolovnoe proizvodstvo po naznacheniyu sudebnogo shtrafa nuzhdaetsya v modernizatsii [Criminal Proceedings on the Appointment of a Judicial Fine Needs Modernisation]. *Zakonodatelstvo i praktika* [Legislation and Practice], 2022, no. 1, pp. 54-57.
4. Golenko D.V. Sudebnyj shtraf kak inaya mera ugovolno-pravovogo haraktera [Judicial Fine as Another Measure of Criminal-Legal Nature]. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University], 2018, no. 1, pp. 78-82.
5. Kamatesov P.A. *Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa kak ugovolno-processualnaya forma: dis. ... kand. yurid. nauk* [Exemption from Criminal Liability with the Appointment of a Judicial Fine as a Criminal Procedural Form. Cand. jurid. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2022. 261 p.

6. Lazareva V.A., Kuvaldina Yu.V., Maryina E.V. O prezumpcii nevinovnosti, osvobozhdenii ot ugolovnoy otvetstvennosti i prekrashchenii ugolovnogo dela: voprosy soglasovaniya [On the Presumption of Innocence, Exemption from Criminal Liability and Termination of Criminal Proceedings: Issues of Coordination]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2023, vol. 18, no. 1, pp. 136-153.

7. Lutsenko N.S. *Sudebnyj shtraf: problemy teorii i pravoprimereniya: dis. ... kand. jurid. nauk* [Judicial Fine: Problems of Theory and Law Enforcement. Cand. jurid. sci. diss.]. Khabarovsk, 2019. 237 p.

8. Panko N.K. Prekrashchenie ugolovnogo dela ili ugolovnogo presledovaniya v svyazi s naznacheniem mery ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa: usloviya primeneniya i spornye momenty [Termination of Criminal Proceedings or Criminal Prosecution in Connection with the Appointment of a Measure of Criminal-Legal Nature in the Form of a Judicial Fine: Conditions of Application and Controversial points]. *Sudebnaya*

vlast i ugolovnyj process [Judicial Power and Criminal Procedure], 2017, no. 3, pp. 120-127.

9. Smyr A.D. Normativnye i pravoprimeritelnye aspekty prekrashcheniya ugolovnogo dela v svyazi s naznacheniem mery ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa [Normative and Law Enforcement Aspects of the Termination of a Criminal Case in Connection with the Appointment of a Measure of Criminal-Legal Nature in the Form of a Judicial Fine]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 3, pp. 115-119.

10. Soloviev A.G. Sudebnyj shtraf v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve [Judicial Fine in Russian Criminal Proceedings]. *Pravda i zakon* [Truth and Law], 2019, no. 2 (8), pp. 53-56.

11. Stelmakh V.Yu. Processualnye aspekty prekrashcheniya ugolovnogo presledovaniya s naznacheniem sudebnogo shtrafa [Procedural Aspects of the Termination of Criminal Prosecution with the Appointment of a Judicial Fine]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal], 2018, no. 6, pp. 117-129.

Information About the Author

Valentina A. Lazareva, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, Moskovskoe Shosse, 34, 443086 Samara, Russian Federation, v.a.lazareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Информация об авторе

Валентина Александровна Лазарева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Российская Федерация, v.a.lazareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.8>

UDC 343.85
LBC 67.409.18

Submitted: 27.05.2024
Accepted: 27.06.2024

LEGALIZATION OF CRIMINALLY OBTAINED PROPERTY: A HACKNEYED PHRASE AND THE IMPROVEMENT OF THE LEGISLATION

Tatyana G. Zhukova

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Kirill A. Dolgoplov

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Alexey P. Zhukov

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Introduction: the paper examines the current situation in the field of countering the shadow economy and the legalization of material assets. The authors argue that, to date, the fight against this type of crime, despite all the measures taken, aimed at creating conditions that complicate the process of legitimizing criminal assets and at identifying and bringing to justice the perpetrators, is not effective enough. In the process of identifying and qualifying socially dangerous acts related to money legalization, many problems arise, including the ambiguity of interpretations of the legal elements of the type of crime in question. The paper reveals the general characteristics of the legalization of property obtained by criminal means and formulates proposals concerning the clarification of their content. The **purpose** of the study is to consider the specifics of the legalization of property obtained by criminal means and formulate qualification rules that allow distinguishing legalization from other offenses. **Methods:** by applying the formal logical method of researching the legislation and materials of judicial practice and the synthesis and analysis of doctrinal positions, the authors have formulated the conclusions that are reflected in the paper. **Results:** the officially published statistical data analyzed in the paper indicate the prevalence of legalization of crime items today, on the one hand, and the latent nature of this criminal activity, on the other. In order to increase the effectiveness of countering the legalization of property obtained by criminal means, the authors' definition of the concept of this criminal act is proposed. **Conclusions:** countering the shadow economy will be more effective if we consider the legalization of criminally obtained property as a type of organized crime, which should be distinguished from making a transaction with criminally obtained property for personal purposes and not for the purpose of legalization it and implementing criminal business.

Key words: shadow economy, organized crime, legalization of property, fight against crime, criminal liability, concealment of the origin of property.

Citation. Zhukova T.G., Dolgoplov K.A., Zhukov A.P. Legalization of Criminally Obtained Property: A Hackneyed Phrase and the Improvement of the Legislation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 58-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.8>

УДК 343.85
ББК 67.409.18

Дата поступления статьи: 27.05.2024
Дата принятия статьи: 27.06.2024

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ИМУЩЕСТВА: РЕЧЕВОЙ СТЕРЕОТИП И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Татьяна Геннадьевна Жукова

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Кирилл Андреевич Долгополов

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Алексей Петрович Жуков

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается сложившаяся ситуация в сфере противодействия теневой экономике и легализации материальных средств. Авторами аргументируется, что на сегодняшний день борьба с рассматриваемым видом преступлений, несмотря на все предпринимаемые меры, направленные как на создание условий, затрудняющих процесс придания законности криминальным активам, так и на выявление и привлечение к ответственности виновных лиц, недостаточно эффективны. В процессе выявления и квалификации общественно опасных деяний, относящихся к легализации денежных средств, возникает много проблем, связанных в том числе и с неоднозначностью трактовки правовых признаков рассматриваемого вида преступлений. В статье раскрываются общие характеристики легализации имущества, добытого преступным путем, и формулируются предложения, касающиеся уточнения их содержания. **Цель** исследования – рассмотреть особенности легализации имущества, добытого преступным путем и сформулировать правила квалификации, позволяющие отграничить легализацию от иных правонарушений. **Методы:** путем применения формально-логического метода исследования законодательства и материалов судебной практики, синтеза и анализа доктринальных позиций авторы сформулировали выводы, которые нашли отражение в статье. **Результаты:** проанализированные в статье официально опубликованные статистические данные свидетельствуют о распространенности сегодня легализации предметов преступления, с одной стороны, и о латентном характере этой преступной деятельности – с другой. В целях повышения эффективности противодействия легализации имущества, добытого преступным путем, предлагается авторское определение понятия этого преступного деяния. **Выводы:** противодействие теневой экономике будет более эффективным, если рассматривать легализацию имущества, добытого преступным путем как вид организованной преступности, который следует отграничивать от совершения сделки с имуществом, добытым преступным путем, в личных целях, а не в целях его легализации и реализации криминального бизнеса.

Ключевые слова: теневая экономика, организованная преступность, легализация имущества, борьба с преступностью, уголовная ответственность, утаивание происхождения имущества.

Цитирование. Жукова Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П. Легализация имущества: речевой стереотип и совершенствование законодательства // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 58–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.8>

Введение

Ежегодно в мире легализуется огромное количество денежных средств, что оказывает непосредственное отрицательное влияние на внутригосударственную и мировую экономику. Увеличение доходов, полученных преступным путем, ввод их в гражданский оборот на территории страны, а также за ее пределами открывают преступникам возможности в извлечении существенных имущественных и неимущественных благ [2, с. 4]. Это позволяет расширить криминальное влияние во всех общественных сферах, приводит к существенным материальным потерям в сфере легальных экономических отношений, создает неблагоприятный инвестиционный климат в стране.

Следует отметить, что в России по опубликованным Банком России данным в 2023 г. объемы подозрительных финансовых операций сократились на 12 %, а операций с признаками вывода денежных средств за ру-

беж снизились к 2022 г. на 15 %, в то же время это еще очень большой объем средств (31 млрд руб.) [13].

Анализ сложившейся ситуации в сфере противодействия теневой экономики позволяет утверждать, что на сегодняшний день борьба с рассматриваемым видом преступлений, несмотря на все предпринимаемые меры, направленные как на создание условий, затрудняющих процесс придания законности криминальным активам, так и на выявление и привлечение к ответственности виновных лиц, недостаточно эффективна.

Преступления, выразившиеся в легализации денежных средств, составляют в общей структуре преступности менее 0,5 %. За последние пять лет в России за легализацию имущества, добытого преступным путем, было осуждено: по ст. 174 УК РФ в 2019 г. – 2 чел., в 2020 г. – 2 чел., в 2021 г. – 5 чел.; в 2022 г. – 2 чел., в 2023 – 2 чел.; по ст. 174.1 в 2019 г. – 9 чел., в 2020 г. – 15 чел., в 2021 г. – 20 чел., в 2022 г. – 15 чел., в 2023 г. – 23 чел. [3].

По данным Генпрокуратуры, ущерб от совершенных преступлений в 2023 г. в РФ составил 397 млрд руб., из них 231,3 млрд приходится на экономические преступления. Эти показатели свидетельствуют о распространённости легализации предметов преступления, с одной стороны, и о латентном характере этой преступной деятельности – с другой [5]. Например, в последние годы существенно ужесточился контроль за осуществлением финансовых операций банками. Однако «мошенники в 2023 г. похитили в России у клиентов банков 15,8 млрд руб., что на 11,5 % больше, чем годом ранее (14,2 млрд руб. за 2022 г.). Вернуть клиентам банки смогли 1,4 млрд руб. (или 8,7 % от общего объема украденных средств)» [4]. Таким образом, огромное количество имущественных активов вернуть государству законным владельцам не удалось, они уже стали работать на благо криминальных организаций, а не законопослушных субъектов экономической деятельности.

Предложения по совершенствованию уголовно-правовых мер противодействия легализации имущества

Причинами этого могут быть постоянное совершенствование преступными группами способов и форм легализации доходов от преступной деятельности, приспособление к новым информационным технологиям, сращивание с госаппаратом, управленцами крупного бизнеса.

Основной акцент в развитии антилегализационного законодательства в последние годы делается на разработку законов, которые уточняют схемы работы банков с клиентами. Хотелось бы обратить особое внимание на то, что такие правовые нормы следует принимать с учетом недопустимости перекоса в одну сторону, то есть увеличение контрольных полномочий одной организации (например, банка) должно сопровождаться созданием механизмов недопущения ее злоупотребления властью, в первую очередь путем установления за такое злоупотребление уголовной ответственности. Сегодня же распространены судебные решения по вопросам необоснованного приостановления финансовых операций, в результате чего кли-

енты банка несут большие убытки, которые принимаются в пользу банка, что может отрицательно повлиять на экономическую ситуацию в стране [7].

Уголовно-правовые методы противодействия преступности тоже должны корректироваться с учетом потребностей современного общества и динамично развивающихся гражданской, финансовой и других отраслей права. Этому может способствовать и проведение научного анализа проблем, возникающих при квалификации общественно-опасных деяний как легализация, и осуществление криминологических исследований указанного вида преступлений, в целях разработки более эффективного механизма противодействия «легализации» финансовых средств.

Включение терминов «легализация» и «отмывание» в УК РФ порождает на практике у ученых-юристов бесконечное число споров вплоть до предложений их исключения из уголовного законодательства.

В.А. Тагилова отметила, что использование термина «легализация» для обозначения данного преступления не только некорректно, но и вредно, так как порождает иллюзии о возможности узаконения преступно приобретенного имущества в результате совершения соответствующих финансовых операций или иных сделок и невозможности истребовать это имущество у лица, его легализующего [14, с. 16].

При этом формулировка легализация денежных средств и иного имущества, добытого преступным путем, уже давно вошла в юридический лексикон, поэтому акцент следует сделать не на правильности используемого термина, а на его содержании.

Как указывают А.В. Макаров, А.С. Жукова, Т.Д. Макаренко, «система национально-противодействия легализации преступных доходов в России сведена к имплементации в отечественное законодательство международных норм». Проведенное авторами исследование иллюстрирует обоснованный вывод, что в первую очередь международная борьба с легализацией заключается в воспрепятствовании выводу преступных доходов за рубеж [6, с. 399].

Джон Андерсон – партнер лондонского отдела по борьбе с белыми воротничками

компании White&Case, подчеркивает: «Общепризнанно, что первоначальные преступления, связанные с легализацией денег, имеют экстерриториальный характер» [15].

М.М. Прошунин, раскрывая содержание рассматриваемого термина, определяет его с учетом обязательных стадий такой деятельности и указывает, что это любые действия (бездействие), направленные на придание правомерного характера получения имущества, добытого преступным путем, то есть на его «размещение, расслоение и интеграцию» [11, с. 50]. Мнение авторов, которые рассматривают легализацию денежных средств как сложное составное деяние, представляется весьма обоснованным.

Легализовать преступный актив – значит совершить как минимум три деяния.

1. Лицо, получившее преступным путем имущество, совершает с ним финансовые операции или иные сделки, которые формально считаются незаконными, в результате чего это имущество переходит к иному, не совершавшему изначально преступление лицу. Обычно имущество переходит на безвозмездной основе или за незначительное вознаграждение, так как лица действуют в целях «легализации» такого имущества, а не в целях получения денежных средств.

2. Имущество, добытое преступным путем, уже перестает быть таковым, и его якобы «законный» владелец совершает с ним формально законные сделки, направленные на получение материальной выгоды, возможно, в рамках законно оформленной предпринимательской деятельности. При этом обязательным условием криминальной легализации является то, что полученные средства не остаются полностью у лица, осуществляющего финансовые операции или иные сделки с ним на этой стадии.

3. Возврат средств виновному в совершении изначально преступления, но уже на законных основаниях, в результате чего можно констатировать факт, что имущество, приобретенное преступным путем, легализовано.

При таком подходе к понятию легализации денежных средств можно сделать вывод, что легализация имущества – проявление организованной преступности и осуществляться единолично лицом не может.

Проанализировав проблемы борьбы с легализацией преступных доходов на монографическом комплексном уровне, Г.А. Русанов относит легализацию преступных доходов к преступлениям международного характера, составляющим транснациональную преступность [12, с. 6]. Именно в рамках организованной преступной деятельности возможны легализация огромных финансовых средств, развитие теневой экономики, сращивание криминальных активов с законными. Это в итоге ведет и к проникновению криминальных структур в социальные сферы, в том числе в органы публичной власти, и, как следствие, к росту коррупции и социальной напряженности. Общественная опасность легализации заключается и в «устойчивом», систематическом характере такой деятельности, и в так называемом профессионализме лиц, ее осуществляющих.

Многие международные организации по борьбе с преступностью так же считают легализацию денег одним из видов организованной транснациональной преступности, которая является следствием общественного спроса на незаконные товары и услуги. Мотивы преступников часто заключаются в быстром получении огромной прибыли. А цель легализации денег выражается в обеспечении того, чтобы преступная прибыль выглядела так, как будто она поступает из законного источника, что позволяет реинвестирование криминального капитала в дальнейшую преступную деятельность [16, р. 35].

Российское уголовное законодательство разделяет указанную преступную деятельность, объединенную общей целью легализовать имущество, добытое преступным путем, на два отдельных вида преступлений. По ст. 174 УК РФ ответственность несут те, кто изначально совершил преступление, в результате которого незаконно было получено имущество, а по ст. 174.1 УК РФ те, кто участвовал только в совершении сделок, направленных на легализацию криминального капитала.

Следует обратить внимание, что действия лица, получившего преступным путем имущество, направленные на обращение этого имущества в свою пользу или пользу других лиц, даже если оно совершает с ним фи-

нансовые операции или иные сделки, в результате чего это имущество переходит к иному, не совершавшему изначально преступление лицу, не могут рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. 174 УК РФ, если не будет установлена цель легализации такого имущества, то есть возврата виновному после проведения сделок денежных средств или иного имущества, но уже на законных основаниях.

Общественная опасность легализации имущества, добытого преступным путем, заключается как раз в создании механизма сращивания преступного капитала с законной экономической деятельностью. В связи с вышесказанным представляется совершенно обоснованным указание в законе при определении признаков рассматриваемого преступления на совершение не одной, а обязательно нескольких сделок, в целях придания правомерности владению денежными средствами или иным имуществом. Так, если лицо совершило кражу кольца, а после его продажи деньги положило себе на банковский счет, то это не легализация, а сбыт краденого, что самостоятельного состава преступления не образует.

Действия же лица, приобретающего и сбывающего имущество, добытое другим лицом преступным путем и не обещавшее этого заранее, влекут ответственность по ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем». В случае если виновный заранее обещал сбыть предмет преступления, то он признается соучастником совершения этого преступления. Совершение финансовых операций с денежными средствами, полученными преступным путем, в целях личного потребления не образует состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ.

Например, лицу было предъявлено обвинение в легализации денежных средств при следующих обстоятельствах. ФИО в составе преступного сообщества (преступной организации) совершил особо тяжкие преступления, а именно незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере (2 преступления) и покушение на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, за что был приговорен по ч. 2 ст. 210, ч. 5 ст. 228.1, ч. 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, ч. 5

ст. 228.1 УК РФ к 14 годам лишения свободы со штрафом в размере 150 000 руб. и с ограничением свободы сроком на 6 месяцев.

Обвиняемый для получения денежных средств за совершение преступлений, по требованию неустановленного лица входящего в преступное сообщество, сообщил номер счета «Visa QIWI Wallet» («QIWI-кошелек»), на который в качестве вознаграждения за совершаемые преступления, связанные с незаконным сбытом наркотических средств, в течение двух лет посредством сети Интернет с использованием сервиса электронной платежной системы «Visa QIWI Wallet» неустановленным участником преступного сообщества были переведены 940 715 рублей.

В указанный период времени, ФИО, находясь в местах, где находится IP-адрес, перевел полученные за совершение преступлений на «QIWI-кошелек» денежные средства в сумме 926 460,24 руб., посредством сети Интернет: на расчетный счет ПАО «Сбербанк», открытый 31.08.2011 на имя ФИО в сумме 921 025 руб.; на электронный платежный сервис «RoboKassa», расположенный на сайте www.robokassa.ru в сумме 1 121,24 руб.; в интернет-магазин, являющийся сервисом цифрового распространения компьютерных игр и программ в сумме 3 494 руб.; в «КИВИ Банк» (АО) в сумме 300 руб.; на электронный платежный сервис «WebMoney», расположенный на сайте www.webmoney.ru, в сумме 520 рублей.

Тем самым, по мнению следствия, ФИО с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, полученными в результате сбыта наркотических средств, в составе преступного сообщества, совершил финансовые операции на общую сумму 926 460,24 руб. и легализованными денежными средствами распорядился по своему усмотрению.

Однако суд обоснованно пришел к выводу, что обвинение ФИО в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 174.1 УК РФ, не нашло своего подтверждения. Так как легализация денежных средств относится к преступлениям в сфере экономической деятельности, соответственно, его обязательным признаком является цель вовлечения денежных средств, полученных в результате совершения преступ-

ления, в легальный экономический оборот. Совершение преступлений с использованием финансовых институтов, с целью конспирации способа получения дохода от участия в преступном сообществе и незаконного сбыта наркотических средств, охватывается соответствующими преступлениями. При этом совершение финансовых операций с денежными средствами, полученными преступным путем, в целях личного потребления, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ» [9].

В рассмотренной ситуации за легализацию денежных средств должно было бы привлекаться «неустановленное» по делу лицо, обнаружение которого бы и позволило прервать механизм легализации указанным преступным сообществом денежных средств, добытых в результате незаконного оборота наркотиков.

Еще одним часто встречающимся основанием принятия оправдательного решения в отношении лица, подозреваемого в легализации, является невозможность определить, что легализуемое имущество добыто преступным путем, например, когда денежные средства, находящиеся на его расчетном счете, были смешаны с законно полученными [8]. В обвинении должна прослеживаться взаимосвязь в части указания на получение конкретного преступного дохода от «первичного» преступления с его легализацией [10].

Однако трудности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в процессе установления описанных уголовно-правовых признаков легализации (предмет и цель легализации) не могут быть основанием для исключения этих признаков из состава легализации денежных средств, добытых преступным путем. Именно цель придания правомерности криминальным доходам, создание и участие в организациях легализующих имущество, добытое преступным путем, отражает ту общественную опасность, которая послужила основанием криминализации указанных действий. Л.А. Букалерева и А.И. Малыгин подчеркивают, что «востребованность этого инструмента “обеления” доходов для криминального бизнеса очевидна, поскольку в современных условиях государственного контроля за оборотом денежных средств и

иного имущества свободное распоряжение доходами, полученными в результате совершения преступления, становится крайне затруднительным, а порой почти невозможным» [1, с. 44].

Лицо, которое совершило преступление с целью обогащения (кражу, убийство по найму, бандитизм, незаконный оборот наркотических средств и т. д.), должно нести уголовную ответственность за эти преступления, а не за то, что оно потратило полученные преступным путем деньги. Сущность легализации денежных средств как преступления видится в первую очередь в создании лицом организации, которая под видом законной предпринимательской деятельности легализирует криминальные денежные средства. Привлечение же к ответственности за легализацию имущества того, кто просто сбывает предметы, добытые преступным путем, никак не связано с борьбой с легализацией.

Все вышесказанное позволяет отнести к признакам легализации денежных средств то, что такая деятельность может осуществляться только в рамках организованной группы, состоящей как минимум из двух человек.

При таком подходе положения уголовного закона, предусматривающего ответственность за легализацию, можно сформулировать следующим образом:

«1. Создание и (или) руководство группой лиц, совершающей финансовые операций и (или) другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами (и) или иным имуществом.

2. Участие в группе лиц совершающей финансовые операции и (или) другие сделки с денежными средствами и (или) иным имуществом, заведомо приобретенным преступным путем, в целях придания правомерного вида его владению, пользованию и распоряжению».

Выводы

В случае принятия предложенного авторами подхода к определению содержания «легализация имущества, добытого преступным путем», будет возможно четко сформулиро-

вать правила отграничения смежных составов преступлений, предусматривающих признаки противоправности различных деяний, сопряженных с совершением финансовых операций и иных сделок с имуществом, добытым преступным путем. Предлагаются следующие типичные ситуации и правила их квалификации.

1. Лицо в результате совершения преступления незаконно получило имущество (либо это приобретенный предмет преступления, либо вознаграждение за совершение преступления от лица, его нанявшего) и распорядилось полученной материальной выгодой по своему усмотрению. Содеянное квалифицируется только по статье Уголовного закона, предусматривающей ответственность за совершенное преступление.

2. Лицо вступило в сговор с другими лицами по поводу совершения преступления и заранее обещало сбыть предметы, добытые в результате совершения этого преступления, при этом само не является исполнителем преступления. Квалифицируется, в соответствии с выполняемой им ролью в совершение преступления в соучастии, по соответствующей части ст. 33 УК РФ со ссылкой на статью Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за задуманное преступление.

3. Лицо заранее не обещало сбыть имущество, добытое другими лицами преступным путем, но, зная о его криминальном происхождении, приобрело или сбыло такое имущество. Содеянное квалифицируется по ст. 175 УК РФ.

4. Лицо создало, руководит или является участником организованной группы, осуществляющей финансовые операции или иные сделки с имуществом, добытым преступным путем, в целях придания ему вида правомерности. Содеянное квалифицируется как легализация имущества, добытого преступным путем.

5. Если лицо умышленно или по неосторожности утаивает или предоставляет ложную информацию о появлении у него имущества, когда закон обязывает такое лицо предоставлять об этом сведения соответствующим государственным органам, и в его деянии нет всех признаков состава преступления, содеянное рассматривается как проступок и влечет административную ответственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букалерева, Л. А. Особенности квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате организованной преступной деятельности / Л. А. Букалерева, А. И. Малыгин // Российский юридический журнал. – 2021. – № 3. – С. 44–49.

2. Зарубин, А. В. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» / А. В. Зарубин, А. А. Сапожков. – СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 64 с.

3. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. – URL: www.crimestat.ru

4. Кибермошенники в 2023 году похитили 15,8 млрд рублей со счетов россиян // Ведомости. – 2024. – 13 февр. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2024/02/13/1020078-kibermoshenniki-pohitili-rossiyan>

5. Кокунин, М. Генпрокуратура России: более половины ущерба стране приходится на экономические преступления / М. Кокунин. – URL: <https://m.realnoevremya.ru/news/295733-bolee-poloviny-uscherba-rossii-prihoditsya-na-ekonomicheskie-prestupleniya>

6. Макаров, А. В. Проблемы уголовно-правового противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем / А. В. Макаров, А. С. Жукова, Т. Д. Макаренко // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 396–406.

7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.09.2021 по делу № А60-54649/2020. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=231050#YB0NdEUq6x8xPCPM1>

8. Постановление Президиума Московского городского суда от 21.05.2019 по делу № 44у-195/2019. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1154518#CmXNdEUbnDHSJ2yG>

9. Приговор № 2-5/2017 от 28 марта 2017 г. по делу № 2-5/2017 Верховный Суд Республики Коми. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h1hG3qRNQ8xV>

10. Приговор Саткинского городского суда Челябинской области от 19.10.2021 по делу № 1-170/2021. – URL: <https://actofact.ru/case-74RS0037-1-170-2021-2021-03-31-2-0/>

11. Прошунин, М. М. К вопросу о понятии отмывания преступных доходов / М. М. Прошунин // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2008. – № 3. – С. 47–52.

12. Русанов, Г. А. Противодействие легализации преступных доходов: теоретико-практический анализ : монография / Г. А. Русанов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 158 с.

13. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги на сайте Банка России. – URL: http://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2023/

14. Тагирова, В. А. Уголовная ответственность за отмывание доходов от преступной деятельности и его предупреждение в США и России : дис. ... канд. юрид. наук / Тагирова Вероника Анатольевна. – Казань, 2005. – 280 с.

15. Anderson, J. Anti-Money Laundering Laws and Regulations UK 2023–2024 / J. Anderson. – URL: <https://iclg.com/practice-areas/anti-money-laundering-laws-and-regulations/united-kingdom>

16. Gilmour, P. M. Reexamining the Anti-Money-Laundering Framework: A Legal Critique and New Approach to Combating Money Laundering / P. M. Gilmour // Journal of Financial Crime. – 2022. – Vol. 30, № 1. – P. 35–47.

REFERENCES

1. Bukalerova L.A., Malygin A.I. Osobennosti kvalifikacii legalizacii (otmyvaniya) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennogo v rezultate organizovannoj prestupnoj deyatel'nosti [Peculiarities of Qualification of Legalisation (Laundering) of Money or Other Property Acquired as a Result of Organised Criminal Activity]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal], 2021, no. 3, pp. 44–49.

2. Zarubin A.V., Sapozhkov A.A. *Nauchno-prakticheskij kommentarij k postanovleniyu Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 7 iyulya 2015 goda № 32 “O sudebnoj praktike po delam o legalizacii (otmyvanii) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennyh prestupnym putem, i o priobrenenii ili sbyte imushchestva, zavedomo dobytogo prestupnym putem”* [Scientific and Practical Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation of 7 July 2015 No. 32 ‘On Judicial Practice in Cases of Legalisation (Laundering) of Money or Other Property Acquired by Criminal Means, and on the Acquisition or Sale of Property Knowingly Obtained by Criminal Means’]. Saint Petersburg, S.-Peterb. jurid. in-t (filial) Un-ta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2020. 64 p.

3. *Informacionno-analiticheskij portal pravovoj statistiki Generalnoj prokuratury RF* [Information and Analytical Portal of Legal Statistics of the General Prosecutor’s Office of Russian Federation]. URL: www.crimestat.ru

4. Kibermoshenniki v 2023 godu pohitili 15,8 mlrd rublej so schetov rossiyan [Cyber Fraudsters in 2023 Stole 15.8 Billion Rubles from the Accounts of Russians]. *Vedomosti* [Vedomosti], 2024, Febr. 13. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2024/02/13/1020078-kibermoshenniki-pohitili-rossiyan>

5. Kokunin M. *Genprokuratura Rossii: bolee poloviny ushcherba strane prihoditsya na ekonomicheskie prestupleniya* [General Prosecutor’s Office of Russia: Economic Crimes Account for More Than Half of the Damage to the Country]. URL: <https://m.realnoevremya.ru/news/295733-bolee-poloviny-uscherba-rossii-prihoditsya-na-ekonomicheskie-prestupleniya>

6. Makarov A.V., Zhukova A.S., Makarenko T.D. Problemy ugovolno-pravovogo protivodejstviya legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem [Problems of Criminal-Legal Counteraction to Legalisation (Laundering) of Proceeds of Crime]. *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology], 2018, no. 3, pp. 396–404.

7. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Uralskogo okruga ot 24.09.2021 po delu № A60-54649/2020* [Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 24.09.2021 in case No. A60-54649/2020]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=231050#YBONdEUq6x8xPCPM1>

8. *Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda ot 21.05.2019 po delu № 44u-195/2019* [Resolution of the Presidium of the Moscow City Court of 21.05.2019 in case No. 44u-195/2019]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1154518#CmXNdEUbnDHSJ2yG>

9. *Prigovor ot 28 marta 2017 g. № 2-5/2017 po delu № 2-5/2017 Verhovnyj Sud Respubliki Komi* [Judgement of 28 March 2017 No. 2-5/2017 in Case No. 2-5/2017 Supreme Court of the Komi Republic]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h1hG3qRNQ8xV>

10. *Prigovor Satkinskogo gorodskogo suda Chelyabinskoy oblasti ot 19.10.2021 po delu № 1-170/2021* [Judgement of the Satka City Court of the Chelyabinsk Region of 19.10.2021 in Case No. 1-170/2021]. URL: <https://actofact.ru/case-74RS0037-1-170-2021-2021-03-31-2-0/>

11. Proshunin M.M. K voprosu o ponyatii otmyvaniya prestupnyh dohodov [To the Question of the Concept of Laundering of Criminal Proceeds]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie*

nauki [Vestnik RUDN. Series of Legal Sciences], 2008, no. 3, pp. 47-52.

12. Rusanov G.A. Protivodejstvie legalizacii prestupnyh dohodov: teoretiko-prakticheskij analiz: monografiya [Anti-Money Laundering: Theoretical and Practical Analysis. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 158 p.

13. *Struktura podozritelnyh operacij i otrasli ekonomiki, formirovavshie spros na tenevye finansovye uslugi na sajte Banka Rossii* [Structure of Suspicious Transactions and Sectors of the Economy That Formed the Demand for Shadow Financial Services on the Website of the Bank of Russia]. URL: http://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2023/

14. Tagirova V.A. *Ugolovnaya otvetstvennost za otmyvanie dohodov ot prestupnoj deyatel'nosti i ego preduprezhdenie v SShA i Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Liability for Laundering the Proceeds of Crime and Its Prevention in USA and Russia. Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2005. 280 p.

15. Anderson J. *Anti-Money Laundering Laws and Regulations UK 2023–2024*. URL: <https://iclg.com/practice-areas/anti-money-laundering-laws-and-regulations/united-kingdom>

16. Gilmour P.M. Reexamining the Anti-Money-Laundering Framework: A Legal Critique and New Approach to Combating Money Laundering. *Journal of Financial Crime*, 2022, vol. 30, no. 1, pp. 35-47.

Information About the Authors

Tatyana G. Zhukova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, tany_zhukova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1011-8905>

Kirill A. Dolgoplov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Head of the Department of Criminal Law and Procedure, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, nadal06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

Alexey P. Zhukov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Head of the Department of Civil Law and Procedure, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, zhykov_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2956-905X>

Информация об авторах

Татьяна Геннадьевна Жукова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, tany_zhukova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1011-8905>

Кирилл Андреевич Долгополов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, nadal06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

Алексей Петрович Жуков, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, zhykov_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2956-905X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.9>

UDC 343.14:343.9
LBC 67.410.204.1

Submitted: 03.06.2024
Accepted: 26.06.2024

DIGITAL FOOTPRINTS AND EVIDENCE: THE NEED FOR A THEORETICAL AND NORMATIVE DEFINITION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Alexey V. Kutuzov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the scientific positions of understanding footprints and evidence processed exclusively in digital form, their nature, and their relationship with generally accepted categories. The current discussion allows for developing a unified approach to understanding the nature of digital footprints and their interpretation in the science of criminalistics, criminal procedure, and other branches of legal science. The study **aims** to examine the most influential scientific perspectives on comprehending the fundamental nature of digital footprints and evidence, with the goal of subsequently incorporating these understandings into the criminal law sciences and legislation. The author analyzes the controversial issues of the nature of digital footprints and evidence, clarifies some judgments, and identifies potential solutions. **Methods:** the dialectical, systemic, and logical methods (general scientific) were used in the course of the study. Among the specific scientific research methods, the formal legal and generalization methods prevailed. **Results:** based on the results of the conducted research, the most general theoretical positions on understanding the essence of trace and evidentiary information in the digital (electronic) environment are highlighted. The information on the main approaches to understanding this category is summarized, and some additions to the domestic legislation are proposed in order to eliminate existing contradictions. **Conclusions:** the use of data created and processed in electronic form as orienting and evidentiary information is an objective necessity. The available scientific views on the problem under consideration have studied its essence quite comprehensively, operate in various terms, and, in the author's opinion, require the development of a conceptual construct, including those enshrined in the legislation to optimize criminal proceedings.

Key words: discussion, digitalization, digital footprints, digital evidence, crime investigation, information and telecommunication technologies.

Citation. Kutuzov A. V. Digital Footprints and Evidence: The Need for a Theoretical and Normative Definition in the Context of Digitalization. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 67-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.9>

УДК 343.14:343.9
ББК 67.410.204.1

Дата поступления статьи: 03.06.2024
Дата принятия статьи: 26.06.2024

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Алексей Владимирович Кутузов

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Введение: в статье проводится анализ научных позиций понимания следов и доказательств, обрабатываемых исключительно в цифровой форме, их природе и соотношении с общепринятыми категориями. Существующая дискуссия позволяет выработать единый подход к пониманию природы цифровых следов и их интерпретации в криминалистике, уголовном процессе и иных отраслях юридической науки. **Цель** исследования состоит в рассмотрении наиболее значимых научных взглядов на понимание сущности цифровых

следов и доказательств для их последующего внедрения в науки уголовно-правового цикла и законодательство. Автор анализирует дискуссионные вопросы природы цифровых следов и доказательств, уточняет некоторые суждения и обозначает потенциальные пути решения. **Методы:** в ходе исследования использовались диалектические, системные и логические методы (общенаучные). Среди частнонаучных методов исследования преобладали формально-юридический и методы обобщения. **Результаты:** по итогам проведенного исследования выделены наиболее общие теоретические позиции к пониманию сущности следовой и доказательственной информации в цифровой (электронной) среде. Обобщены сведения об основных подходах к пониманию данной категории и предложены дополнения в отечественное законодательство с целью устранения имеющихся противоречий. **Выводы:** использование в качестве ориентирующей и доказательственной информации данных, создаваемых и обрабатываемых в электронной форме, является объективной необходимостью. Имеющиеся научные взгляды на рассматриваемую проблему способствовали достаточно всестороннему изучению ее сущности, оперированию различными терминами и, по мнению автора, требуется выработка понятийного аппарата, в том числе закрепленного в законодательстве в целях оптимизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: дискуссия, цифровизация, цифровые следы, цифровые доказательства, расследование преступлений, информационно-телекоммуникационные технологии.

Цитирование. Кутузов А. В. Цифровые следы и доказательства: необходимость теоретического и нормативного определения в условиях цифровизации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 67–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.9>

Введение

В современном мире информация предопределила вектор развития общества, науки и техники, изменила порядок взаимодействия между людьми. XXI в. по праву можно считать цифровым, когда значительная часть общественных отношений возникает и развивается исключительно в виртуальной среде. В свою очередь, пересмотр паттернов поведения индивидуумов в социуме, в том числе в сети Интернет, повлекли за собой появление новых видов уголовно-наказуемых деяний, совершаемых исключительно с использованием информационно-коммуникационных технологий. Безусловно, от первично сформулированной в 1983 г. дефиниции компьютерного преступления, науки уголовного цикла ввели в оборот значительное количество терминов и категорий, сопровождавшихся активными дискуссиями. Одной из таких является наличие цифровых следов в криминалистике и электронных доказательств в уголовном процессе соответственно.

Окружающая действительность свидетельствует о том, что в системе государственно-правовых и общественных отношений наметилась устойчивая тенденция на цифровую трансформацию уголовного процесса и уголовно-процессуальной деятельности. Согласимся с мнением Л.Н. Масленниковой о том, что научные дискуссии возникают в те-

ории уголовного процесса и в правоприменительной практике в части, касающейся благ и рисков применения результатов научного и технического прогресса в уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 138]. Безусловно, такой является использование цифровых доказательств.

Цифровые следы: генезис развития категории и современное понимание сущности

Рассматривая данные категории, считаем целесообразным обратить внимание на теоретический и законодательный базис понятий «цифровизация», «информатизация», «информация», «данные», «цифровые технологии». Информация представляет собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [11]. Ряд исследователей (Д.Г. Румянцев, М.И. Сетров, А.С. Овчинский и др.) высказывают мнение о различии понятий «информация» и «данные», однако детально рассматривать их отдельные особенности в рамках проводимого исследования считаем излишним.

Информатизация – вид инновационной деятельности, заключающегося в повышении ее эффективности в результате применения информационных технологий [5, с. 139]. Цифровизацию же можно рассматривать как процесс трансформации определенных отношений

с помощью цифровых (компьютерных, электронных и др.) технологий [2, с. 138]. На наш взгляд, процессы автоматизации различных действий с применением цифровых технологий продолжают свое развитие и в своей совокупности образуют категорию «цифровизация», используемую большинством теоретиков и практиков, а также представителями власти различных уровней.

Как минимум с 2013 г. государственные органы обращают внимание на потребность оперативной имплементации в судебную систему, систему принудительного исполнения судебных актов и судебно-экспертную деятельность современных информационно-коммуникационных технологий [9]. По мнению А.Ю. Чуриковой, внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство происходит значительно медленнее, чем в любом другом виде государственной деятельности [13, с. 210]. К причинам, как правило, относят вопросы целесообразности использования новейших технологий и проблемы нормативно-правового регулирования. Невзирая на это, внушает осторожный оптимизм высказывание председателя Верховного суда Российской Федерации о цифровизации судебной деятельности, дистанционном участии в судебной процессе, внедрении возможностей цифрового интеллекта и концепции цифрового суда [10].

В криминалистике и уголовном процессе продолжительное время ведется дискуссия о существовании цифровых (электронных) следов и об электронных (цифровых) доказательствах, возникших в следствие цифровизации общества и государства. Особое внимание обращают на себя труды С.В. Зуева, П.Г. Марфицина, Р.И. Оконенко, П.С. Пастухова и др.

Проанализировав наиболее значимые точки зрения на понимание сути, порядка функционирования и сбора цифровых следов, можно констатировать тот факт, что в научный оборот введено достаточное количество терминов, описывающих рассматриваемое явление: цифровые, виртуальные, информационные, электронные и другие следы. Нисколько не преуменьшая важность и значимость научных разработок исследователей, выскажем мнение о том, что большинство дефиниций сформулированы исходя из необ-

ходимости «придания новизны и обогащения науки» новыми терминами. В целях исключения двоякого толкования авторской позиции в рамках проводимого исследования будут использоваться наиболее часто употребляемые обозначения – «цифровые следы» и «цифровые доказательства».

Первое упоминание термина «виртуальные следы» применительно к криминалистике было в трудах В.А. Мещерякова, понимающий под ними «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанную с событием преступления и зафиксированную в виде компьютерной информации» [4, с. 269]. Акцентируется внимание на их особом месте в типологизации следов. Данной позиции придерживаются и другие ученые, выделяя цифровые следы в самостоятельную категорию.

Представляется интересным мнение о том, что цифровые следы есть информация, оставленная человеком в результате использования сети Интернет [12, с. 243]. В данном случае авторы рассматривают цифровые следы исключительно с точки зрения создания и существования в сети Интернет, в полной мере не отражают их суть и, скорее, должны называться интернет-следами, нежели цифровыми.

Среди большого количества точек зрения выделим 2 основные для представления о цифровых следах:

– цифровые следы следует относить к материальным следам, так как они зафиксированы на определенном носителе информации и не требуется их отнесение к отдельному виду. Особый же порядок функционирования не вступает в противоречие с устоявшейся классификацией, однако лишь требует определенного уточнения, а отличительной чертой выступает создание, функционирование и обработка исключительно в электронной форме с использованием компьютерных технологий;

– цифровые следы необходимо рассматривать как новую, третью категорию следов, ввиду иной «электронной» природы следообразования и анализа исключительно новыми методиками, как правило, с помощью специализированного программного обеспечения.

Принимая во внимание тот факт, что при условии соблюдения требований УПК, следо-

вая (криминалистическая) информация впоследствии может быть преобразована в доказательственную, необходимо обратить внимание и на дискурс о существовании цифровых доказательств. В данном случае также возможно констатировать несколько подходов к их наименованию и целесообразности их определения как самостоятельного вида доказательств в уголовном процессе [6, с. 134]. Заслуживает внимания позиция Верховного суда, который под электронными доказательствами понимает носители информации, содержащие «цифровую» информацию [8], которая впоследствии будет передана суду.

Достаточно оживленная дискуссия наблюдается в отношении понимания природы цифровых доказательств. Р.И. Оконенко в своем диссертационном исследовании высказал мысль о том, что данная категория представляет собой разновидность устоявшихся в науке видов доказательств и не требует уточнения как новой категории [7]. Трудно не согласиться с мнением П.С. Пастухова и П.Г. Марфицина, скептически настроенных к отнесению цифровых доказательств к самостоятельному виду.

В то же время упомянутые авторы не отрицают наличие специфических особенностей электронных доказательств и соглашаются с необходимостью нормативного регулирования и теоретической проработки данного вопроса. Ряд ученых последовательно отстаивает позицию о целесообразности дополнения УПК новым видом доказательств и отнесения их к иным документам, не в полной мере учитывающим их специфику [1].

Не можем согласиться с этой точкой зрения и считаем, что на данном этапе это преждевременно и только породит дополнительные споры и противоречия, так как их возможно рассматривать как вещественные доказательства или иные документы (зафиксированные на цифровых носителях информации).

Сложившаяся судебная практика свидетельствует об «адаптации» действующих правовых норм к использованию цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве. В то же время такой подход, на наш взгляд, является поверхностным и не в полной мере соответствует особенностям цифровой информации. Так, остаются неурегулированными

вопросы изъятия электронных доказательств, порядок привлечения специалиста в проведении следственного действия, выбор конкретного следственного действия или необходимость введения нового, в каком порядке оценивать подлинность изъятых сведений, их соответствие оригиналу, находящемуся на сервере (например, расположенному в другом государстве) и др.

Как известно, в ходе спора рождается истина. Представляется, что существующее законодательство позволяет внести точечные изменения, не касающиеся логики и сути, заложенных законодателем. Введение дополнительного, специализированного вида доказательств, новых следственных действий только усложнит нормативную базу. С учетом динамического развития цифровых технологий, изменения способов создания и модификации данных считаем целесообразным ввести в соответствующие статьи УПК характеристики «цифровая, электронная» применительно к информации и доказательствам.

Заключение

В ходе проведенного исследования были рассмотрены различные мнения на потенциальные пути развития категорий «цифровые следы» и «цифровые доказательства», что свидетельствует об активной дискуссии. Научное сообщество сходится во мнении о необходимости имплементации данной доказательственной информации в криминалистику и уголовный процесс в целях противодействия преступности.

При выработке термина «цифровое, электронное доказательство» целесообразно опираться на порядок возникновения, функционирования и обработки таких сведений, учитывать достижения научного прогресса.

На наш взгляд, следует уделить внимание разработке и совершенствованию методики поиска, сбора, использования, обработки и хранения таких следов. Практические работники следственных органов и судьи должны обладать специальными навыками работы и оценки данных, обрабатываемых в электронной форме. Сказанное порождает значимость ведения дальнейшей дискуссии, что в конечном счете позитивно отразится на оперативности, качестве и полноте доказывания.

В целях устранения возникающих противоречий считаем целесообразным нормативно определить роль и место цифровых доказательств в УПК РФ путем уточнения уже имеющихся норм. В заключении согласимся с тем, что именно научная дискуссия позволяет адаптировать теорию и практику к новым преступным вызовам, оптимизировать нормативно-правовую базу, что прямо влияет на достижение целей правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин, М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? / М. И. Воронин // *Lex Russica*. – 2019. – № 7 (152). – С. 74–84.
2. Кондратьева, М. Н. Цифровизация: исследование основных терминов / М. Н. Кондратьева, А. В. Комахина // *Экономика и управление : науч.-практ. журн.* – 2022. – № 3 (165). – С. 134–139.
3. Масленникова, Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 / Л. Н. Масленникова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 6 (103). – С. 137–146.
4. Мещеряков, В. А. Следы преступлений в сфере высоких технологий / В. А. Мещеряков. – Библиотека криминалиста. – 2013. – № 5 (10). – С. 265–269.
5. Некрасов, В. Н. Инновация, информатизация, цифровизация: соотношение и особенности правовой регламентации / В. Н. Некрасов // *Вопросы российского и международного права*. – 2018. – Т. 8, № 11А. – С. 137–143.
6. Никурадзе, Н. О. «Электронные доказательства» в уголовном процессе: о целесообразности правового регулирования / Н. О. Никурадзе // *Журнал российского права*. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 132–144.
7. Оконенко, Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Оконенко Роман Иванович. – М., 2016. – 158 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.1997 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». – URL: <https://www.vsrfl.ru/files/26294/>
9. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 14.10.2023) «О федераль-

ной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/

10. «Суд онлайн»: на совете Верховного Суда были озвучены революционные предложения. – URL: https://www.vsrfl.ru/press_center/mass_media/33591/

11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c

12. Худяков, В. В. Цифровые следы / В. В. Худяков, А. А. Ананьев // *Криминологический журнал*. – 2023. – № 4. – С. 243–246.

13. Чурикова, А. Ю. Проблемы цифровизации российского уголовного процесса / А. Ю. Чурикова // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2021. – № 6 (143). – С. 209–216.

REFERENCES

1. Voronin M.I. Elektronnyye dokazatelstva v UPK: byt ili ne byt? [Electronic Evidence in the CPC: To Be or Not to Be?]. *Lex Russica*, 2019, no. 7 (152), pp. 74-84.
2. Kondratieva M.N., Komakhina A.V. Tsifrovizatsiya: issledovaniye osnovnykh terminov [Digitalization: A Study of Basic Terms]. *Ekonomika i upravleniye: nauch.-prakt. zhur.* [Economics and Management: A Scientific and Practical Journal], 2022, no. 3 (165), pp. 134-139.
3. Maslennikova L.N. Transformatsiya dosudebnogo proizvodstva v nachalnyy etap ugovolnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchiy dostup k pravosudiyu v eru Industry 4.0 [Transformation of Pre-Trial Proceedings into the Initial Stage of Criminal Proceedings, Providing Access to Justice in the Era of Industry 4.0]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 2019, no. 6 (103), pp. 137-146.
4. Meshcheryakov V.A. Sledy prestupleniy v sfere vysokikh tekhnologiy [Traces of Crimes in the Field of High Technologies]. *Biblioteka kriminalista* [The Criminologist's Library], 2013, no. 5 (10), pp. 265-269.
5. Nekrasov V.N. Innovatsiya, informatizatsiya, tsifrovizatsiya: sootnosheniye i osobennosti pravovoy reglamentatsii [Innovation, Informatization, Digitalization: Correlation and Features of Legal Regulation]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], 2018, vol. 8, no. 11A, pp. 137-143.

6. Nikuradze N.O. «Elektronnyye dokazatelstva» v ugovnom protsesse: o tselesoobraznosti pravovogo regulirovaniya [“Electronic Evidence” in Criminal Proceedings: On the Expediency of Legal Regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2024, vol. 28, no. 4, pp. 132-144.

7. Okonenko R.I. «Elektronnyye dokazatelstva» i problemy obespecheniya prav grazhdan na zashchitu tayny lichnoy zhizni v ugovnom protsesse: sravnitelnyy analiz zakonodatelstva Soyedinennykh Shtatov Ameriki i Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [“Electronic Evidence” and the Problems of Ensuring the Rights of Citizens to Protect Privacy in Criminal Proceedings: Comparative Analysis of the Legislation of the United States of America and the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 158 p.

8. *Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.12.1997 № 57 «O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatelstva, reguliruyushchego ispolzovaniye dokumentov v elektronnom vide v deyatelnosti sudov obshchey yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudov»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated December 26, 1997 No. 57 “On Some Issues of the Application of Legislation Regulating the Use of Documents in Electronic Form in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts”]. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26294/>

9. *Postanovleniye Pravitelstva RF ot 27.12.2012 № 1406 (red. ot 14.10.2023)*

«O federalnoy tselevoy programme “Razvitiye sudebnoy sistemy Rossii na 2013–2024 gody”» [Decree of the Government of the Russian Federation Dated December 27, 2012 No. 1406 (Ed. from October 14, 2023) “On the Federal Target Program “Development of the Judicial System of Russia for 2013–2024”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/

10. «Sud onlayn»: na sovete Verkhovnogo Suda byli ozvucheny revolyutsionnyye predlozheniya [“Court Online”: Revolutionary Proposals Were Announced at the Council of the Supreme Court]. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/33591/

11. *Federalnyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 12.12.2023) «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii»* [Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (As Amended on 12.12.2023) “On Information, Information Technologies and Information Protection”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c

12. Khudyakov V.V., Ananyev A.A. Tsifrovyye sledy [Digital Traces]. *Kriminologicheskiy zhurnal* [Criminological Journal], 2023, no. 4, pp. 243-246.

13. Churikova A.Yu. Problemy tsifrovizatsii rossiyskogo ugovnogo protsessa [Problems of Digitalization of the Russian Criminal Process]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2021, no. 6 (143), pp. 209-216.

Information About the Author

Alexey V. Kutuzov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Digital and Traditional Criminalistics, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, kutuzovlist@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3274-1148>

Информация об авторе

Алексей Владимирович Кутузов, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Цифровая и традиционная криминалистика», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, kutuzovlist@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3274-1148>

www.volsu.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.10>

UDC 342.7
LBC 67.400.3

Submitted: 08.05.2024
Accepted: 08.06.2024

HUMAN CYBER RIGHTS IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL SINGULARITY

Dmitry A. Kolesnikov

ООО Siberian Bar Association (Limited Liability Company), Novosibirsk, Russian Federation

Introduction: the physical and technological transformations of the modern world are accelerating due to the theory of technological singularity. This phenomenon indicates that the time between fundamental technological discoveries is shortening. In the context of such a dynamic development of technology, the existing law does not always have time to adapt to new challenges, which pushes for the need to revise legal norms and introduce new concepts. The **purpose** of the work is to explore fundamental issues related to the impact of technological singularity on human rights as well as to propose a new concept – human cyber rights. **Methods:** the methods of theoretical analysis and comparative jurisprudence were used in the course of the study. The analysis of literary sources on the research topic was carried out, including the works of scientists and jurists dealing with philosophy of law, technology, and human rights. The methods of logical analysis and synthesis were also used to identify the connections between fundamental concepts and develop a new concept. As a **result** of the study, the main problems associated with the lag of law from technological progress have been identified. The concept of human cyber rights has been proposed, which includes the rights of an individual in the digital space. The need to adapt legal norms to new challenges, such as the rights of scanned persons and ensuring data security in the digital space, has been discussed. The study has confirmed the need to revise the legal norms in the light of technological singularity and proposed a new concept of human cyber rights as a way to adapt law to the challenges of digital transformation. Further research in this area can contribute to the development of more flexible and effective legal mechanisms to ensure the protection of human rights and freedoms in the era of the digital revolution.

Key words: technological singularity, human rights, person, transhumanism, brain modeling, cyber rights, digital transformation.

Citation. Kolesnikov D.A. Human Cyber Rights in the Context of Technological Singularity. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 73-76. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.10>

УДК 342.7
ББК 67.400.3

Дата поступления статьи: 08.05.2024
Дата принятия статьи: 08.06.2024

КИБЕРПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СИНГУЛЯРНОСТИ

Дмитрий Андреевич Колесников

ООО «Коллегия юристов Сибири», г. Новосибирск, Российская Федерация

Введение: физические и технологические преобразования современного мира происходят с ускорением, вызванным теорией технологической сингулярности. Этот феномен свидетельствует о том, что время

между фундаментальными технологическими открытиями сокращается. В условиях такого динамичного развития технологий существующее право не всегда успевает адаптироваться к новым вызовам, что подталкивает к необходимости пересмотра правовых норм и введения новых концепций. **Целью** данной работы является исследование фундаментальных вопросов, связанных с влиянием технологической сингулярности на права человека, а также предложение новой концепции – киберправ человека. В ходе исследования применялись **методы** теоретического анализа и сравнительного правоведения. Был проведен анализ литературных источников по теме исследования, включая работы ученых и правоведов, занимающихся философией права, технологиями и правами человека. Также использовались методы логического анализа и синтеза для выявления связей между фундаментальными понятиями и разработки новой концепции. В **результате** исследования были выделены основные проблемы, связанные с отставанием права от технологического прогресса. Предложена концепция киберправ человека, включающая в себя права индивида в цифровом пространстве. Обсуждалась необходимость адаптации правовых норм к новым вызовам, таким как права отсканированных личностей и обеспечение безопасности данных в цифровом пространстве. Подтверждена необходимость пересмотра правовых норм в свете технологической сингулярности, и предложена новая концепция киберправ человека как способ адаптации права к вызовам цифровой трансформации. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать разработке более гибких и эффективных правовых механизмов, обеспечивающих защиту прав и свобод человека в эпоху цифровой революции.

Ключевые слова: технологическая сингулярность, права человека, личность, трансгуманизм, моделирование мозга, киберправа, цифровая трансформация.

Цитирование. Колесников Д. А. Киберправа человека в условиях технологической сингулярности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 73–76. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.10>

Введение

Физические и технологические изменения современного мира происходят в геометрической прогрессии. Теория технологической сингулярности утверждает, что срок между фундаментальными технологическими открытиями постоянно сокращается. Так, например, моментом открытия электричества считается создания закона Кулона, который был открыт в 1795 г., создание первой лампочки – 1879 г., первой электронно-вычислительной машины – 1945 г., а глобальной сети Интернет – 1969 год. Таким образом, сроки глобальных технологических изменений постоянно сокращаются, начиная от столетий и заканчивая десятилетиями [6, р. 4–10].

В данных условиях право как совокупность правил, регулирующих поведения человека в обществе, начинает перманентно отставать. На текущий момент во многих странах мира законодательно регулируются отношения только *post factum* их возникновения, но прогнозирование развития права остается лишь на доктринальном уровне, что не позволяет законодателям, в частности в России, адекватно реагировать на появление новых технологий или фундаментальных открытий. В текущей общественно-правовой конъюнктуре встает вопрос о полноценной реализации прав человека.

Вопросы о статусе личности в условиях трансцендентности

Многие исследователи уже сейчас выдвигают предположение о сущности человека, его правах и достоинстве. Так, И.А. Кравец в работе «*Dignitatis Humanae* и права человека в философской и правовой экзистенции и в современном конституционализме: разделение и воссоединение» изучает фундаментальные вопросы о сущности человеческого достоинства, в том числе с позиции трансгуманизма. В статье утверждается, что «достоинство может рассматриваться как основание, но не синоним прав человека; в этом случае права человека являются гуманитарными и юридическими императивами, вытекающими из достоинства личности» [4, с. 445–448]. Таким образом, достоинство личности представляет собой фундамент прав человека.

В связи с этим возникает вопрос о сущности личности. В современном обществе личностью признается сознательный индивид, занимающий определенное положение в обществе и выполняющий определенную общественную роль, где под ролью понимается выполнение определенных функций (роль матери или отца и пр.) [1, с. 82–84].

Соответственно, из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что правами че-

ловека обладает личность, которая имеет определенные социальные статусы и роли в самом обществе.

Возвращаясь к вопросу о технологической сингулярности, необходимо задуматься о теории трансцендентности понятия личности, когда правами человека можно наделять личности, по биологии своей человеком не являющиеся.

Особенно остро встает эта проблема с точки зрения технологии Mind-Uploading, подразумевающей перенос сознания человека с биологического носителя на небиологический. Так, например, проект Human Brain Project ставил своей целью смоделировать деятельность мозга человека [4], но к 2020 г. результаты оказались менее успешными, чем планировалось. Основной проблемой исследователей, как они указывали, стали недостаточные вычислительные мощности.

На текущий момент считается, что для полноценного моделирования мозга необходим компьютер с мощностью 10^{43} CPU и памятью 10^{14} терабайт.

К этим же выводам пришли исследователи Стэнфордского университета, которые посчитали, что для реализации когнитивной функции человека в компьютере потребуется около 20 000 терабайт и 1016 операций с плавающей запятой в секунду (flops) вычислительной мощности для функционирования [5].

Таким образом, реальная способность компьютера вместить в себя человеческое сознание остается возможной.

Некоторые ученые-физики тоже с недавнего времени начали рассматривать когнитивную деятельность человека как работу компьютера. М.И. Данилова отмечает, что «мозг – это “самопрограммируемый компьютер”, в пределах которого самоподдерживающиеся когерентные нейронные возбуждения представляют собой носителей иерархически упорядоченных кодов, подчиняющихся законам квантовой теории. Каждый код есть суперпозиция остальных, а мышление, подобно процессу волновой функции, является выбором одного кода из генеральной совокупности» [3, с. 11].

Распространяются ли права человека на отсканированные личности?

На наш взгляд, необходимо уже сейчас создавать достаточную юридическую теорию, позволяющую в будущем менее болезненно внедрить развивающиеся технологии в общество.

Так, уже в 2019 г. Р.А. Будник писал, что «юридическая проблема наделяния право- и дееспособностью различных киберфизических систем (человекоподобных роботов, роботов-агентов, носителей искусственного интеллекта, киборгов), как связанных, так и не связанных с биологическими оригиналами, не может быть разрешена вне концептуального видения будущего цивилизации» [2, с. 102]. Однако он остановился на создании специальных лицензий операционной системы цифровой личности (ОСЦЛ), которая бы физически подтверждала гражданскую правоспособность оцифрованной личности, тем не менее автор обходит стороной более фундаментальные вопросы, касающиеся основных прав человека (право на жизнь и имя).

Выводы

В этом контексте предлагается ввести термин «киберправа человека» как комплексное понятие, охватывающее совокупность прав индивида, которые сопровождают его с момента рождения и распространяются как на материальные, так и на виртуальные миры в любых их формах. Киберправа человека включают в себя права на приватность в Сети, права человека в виртуальных средах (например, право на достоинство виртуальной личности), а также права на безопасность данных в цифровом пространстве. Этот термин отражает новую реальность человеческого существования в эпоху цифровой трансформации и предоставляет основание для дальнейших исследований и разработок в области права и технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антошкина, Е. А. Личность современного человека и тенденции ее развития / Е. А. Антошкина, М. В. Самошонкова // Лучшая научная работа 2023 : сб. ст. X Междунар. науч.-исслед. конкурса, Пенза, 30 июня 2023 г. – Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 82–84.

2. Будник, Р. А. Правовые аспекты оцифровки личности / Р. А. Будник // Информационное общество. – 2019. – № 1. – С. 101–107.

3. Данилова, М. И. Проблема сознания в свете современной науки / М. И. Данилова // Эпомен. – 2019. – № 30. – С. 11–19.

4. Кравец, И. А. Dignitatis Humanae и права человека в философской и правовой экзистенции и в современном конституционализме: разделение и воссоединение / И. А. Кравец // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2023. – № 3. – С. 445–450.

5. Inafuku, J. Downloading Consciousness / J. Inafuku. – URL: <https://cs.stanford.edu/people/eroberts/cs201/projects/2010-11/DownloadingConsciousness/tandr.html>

6. Kurzweil, R. The Singularity Is Near / R. Kurzweil. – N. Y. : Viking Books, 2005. – 652 p.

REFERENCES

1. Antoshkina E.A., Samoshonkova M.V. Lichnost sovremennogo cheloveka i tendencii eyo razvitiya [Personality of Modern Man and Trends in Its Development]. *Luchshaya nauchnaya rabota 2023: sb. st. X Mezhdunar. nauch.-issled. konkursa, Penza, 30 iyunya 2023 g.* [The Best Scientific Work

2023. Collection of Articles of the 10th International Scientific Research Competition, Penza, June 30, 2023]. Penza, Nauka i prosveshhenie (IP Gulyaev G. Yu.) Publ., 2023, pp. 82-84.

2. Budnik R.A. Pravovye aspekty ocifrovki lichnosti [Legal Aspects of Digitization of Personality]. *Informacionnoe obshhestvo* [Information Society], 2019, no. 1, pp. 101-107.

3. Danilova M.I. Problema soznaniya v svete sovremennoj nauki [The Problem of Consciousness in the Light of Modern Science]. *Epomen*, 2019, no. 30, pp. 11-19.

4. Kravetz I.A. Dignitatis Humanae i prava cheloveka v filosofskoj i pravovoj ekzistencii i v sovremennom konstitucionalizme: razdelenie i vossoedinenie [Dignitatis Humanae and Human Rights in Philosophical and Legal Existence and in Modern Constitutionalism: Separation and Reunification]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and Conflictology], 2023, no. 3, pp. 445-450.

5. Inafuku J. *Downloading Consciousness*. URL: <https://cs.stanford.edu/people/eroberts/cs201/projects/2010-11/DownloadingConsciousness/tandr.html>

6. Kurzweil R. *The Singularity Is Near*. New York, Viking Books, 2005. 652 p.

Information About the Author

Dmitry A. Kolesnikov, Lawyer, Co-Founder, OOO Siberian Bar Association (Limited Liability Company), Demakova St, 30, Office 504, 630117 Novosibirsk, Russian Federation, d.kolesnikov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8323-9943>

Информация об авторе

Дмитрий Андреевич Колесников, юрист, соучредитель, ООО «Коллегия юристов Сибири», ул. Демакова, 30, офис 504, 630117 г. Новосибирск, Российская Федерация, d.kolesnikov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8323-9943>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.11>

UDC 347.1

LBC 67.402

Submitted: 06.06.2024

Accepted: 26.06.2024

CONTRACTUAL FORMS OF INVESTMENT IN THE LEGISLATION AND PRACTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the analysis of contractual forms of investment activity. The research attention is paid to various theories related to the legal nature of an investment agreement, the issues of divergence of existing definitions of an investment agreement as a legal category. Special attention is paid to the structure of the investment agreement, as well as its place in the system of civil contracts. It is argued that the correct qualification of the investment agreement plays a key role in ensuring high quality and rational legal regulation of the relevant relations. In the process of researching the investment agreement, the author differentiates by types and parties. The details of contractual obligations are given, taking into account investment schemes and depending on the types of investment projects. The **purpose** of the paper is to study the agreement regulating the relations of subjects of investment activity, the legal nature of the investment agreement, its qualifying features, types and parties. **Methods:** to achieve this goal, a systematic approach was used, as well as the general scientific (analysis, synthesis, formal logical, comparative, and temporal) and specific scientific (formal legal, comparative law) research methods. **Results:** the international practice of concluding and applying investment contracts (agreements) widely used to attract investments is studied. The interpretations of the investment agreement presented in the domestic and foreign specialized literature are compared. The place of the investment agreement in the system of civil contracts is determined. The approaches to the legal qualification of the investment agreement are studied. It is established that differentiation by types and parties of the investment agreement plays an important role in the development of the economy and business. Understanding the specifics of each type of agreement and the role of parties allows you to effectively organize the investment process and achieve your goals. The author analyzes various forms of investment, including the purchase of a business, participation in investment partnerships, investments in securities, as well as collective investments through joint-stock and mutual funds, concession agreements, and production sharing agreements. **Conclusions:** the conclusion is substantiated that it is advisable to establish the legal nature of each investment agreement in the process of its execution. The legal relations created by such an agreement are subject to the general principles of civil law and specialized standards of investment law. It is established that for the correct qualification of a specific contractual structure used in the investment sphere, it is advisable to rely on the positions formed in law enforcement practice on such an issue. It is proved that the investment agreement implies any agreements in which the investor participates. These agreements may include various types of civil contracts regulated by the Civil Code of the Russian Federation. Highlighting the main features that distinguish investing from other economic and business processes, the author argues that the best position would be the transfer of personal capital and the transfer of values (investments) to another party in order to make a profit in a certain period without a guarantee of success.

Key words: investments, investment activity, investment contracts, production sharing agreements, quasi-agreements, equity participation agreement, long-term investment agreement, venture capital agreement.

Citation. Inshakova A.O. Contractual Forms of Investment in the Legislation and Practice of the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 77-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.11>

ДОГОВОРНЫЕ ФОРМЫ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена анализу договорных форм инвестиционной деятельности. Рассмотрены различные теории, посвященные правовой природе инвестиционного договора, вопросы расхождения существующих определений инвестиционного договора как правовой категории. Особое внимание уделяется конструкции инвестиционного договора, а также его месту в системе гражданско-правовых договоров. Утверждается, что верная квалификация договора об инвестировании играет ключевую роль в обеспечении качественного и рационального правового регулирования соответствующих отношений. В процессе исследования договора об инвестировании автором проводится дифференциация по видам и участникам. Дается детализация договорных обязательств с учетом схем инвестирования и в зависимости от видов инвестиционных проектов. **Целью** настоящей статьи является исследование договора, регулирующего отношения субъектов инвестиционной деятельности, юридической природы инвестиционного договора, его квалифицирующих признаков, видов и участников. **Методы:** для достижения поставленной цели был использован системный подход, а также общенаучные (анализ, синтез, формально-логический, сравнительный, компаративный, темпоральный) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы исследования. **Результаты:** изучена мировая практика заключения и применения инвестиционных договоров (соглашений), широко используемых для привлечения инвестиций. Сопоставлены трактовки договора об инвестировании, представленные в отечественной и зарубежной специальной литературе. Определено место инвестиционного договора в системе гражданско-правовых договоров. Изучены подходы к правовой квалификации договора об инвестировании. Установлено, что дифференциация по видам и участникам договора об инвестировании играет важную роль в развитии экономики и бизнеса. Понимание особенностей каждого вида договора и роли участников позволяет эффективно организовать инвестиционный процесс и достичь поставленных целей. Автором проанализированы различные формы инвестирования, включая покупку бизнеса, участие в инвестиционных товариществах, инвестиции в ценные бумаги, а также коллективные инвестиции через акционерные и паевые инвестиционные фонды, концессионные соглашения и соглашения о разделе продукции. **Выводы:** обоснован вывод о том, что юридическую природу каждого инвестиционного договора целесообразно устанавливать в процессе его исполнения. Правовые связи, создаваемые таким договором, подчиняются общим принципам гражданского законодательства и специализированным стандартам инвестиционного права. Установлено, что для правильной квалификации конкретной договорной конструкции, используемой в инвестиционной сфере, целесообразно опираться на сформировавшиеся в правоприменительной практике позиции по такому вопросу. Обосновано, что инвестиционный договор подразумевает любые соглашения, в которых принимает участие инвестор. Эти соглашения могут включать в себя разнообразные типы гражданско-правовых договоров, регламентируемых Гражданским кодексом Российской Федерации. Выделяя основные признаки, которыми отличается инвестирование от других экономических и бизнес-процессов, автор утверждает, что наилучшей позицией будет: перемещение личного капитала и передача ценностей (инвестиций) другой стороне с целью получения прибыли в определенные сроки без гарантии успеха.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестиционные договоры, соглашения о разделе продукции, квазидоговоры, договор долевого участия, долгосрочное инвестиционное соглашение, договор венчурного капитала.

Цитирование. Иншакова А. О. Договорные формы инвестирования в законодательстве и практике Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 77–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.11>

Введение

В мировой практике инвестиционные договоры (соглашения) широко используются для привлечения инвестиций. Исторически первыми разновидностями инвестиционных соглашений выступали концессионные договоры, которые в их современном значении стали заключаться в континентальной Европе еще в начале XIX в. и применялись во Франции, затем в Германии, Италии и других западноевропейских странах преимущественно в сфере городского и коммунального хозяйства [17, с. 80].

Существуют различные наименования для инвестиционных договоров в зарубежной литературе, используемые авторами. Они включают в себя термины «транснациональные инвестиционные договоры» (international investment agreements, transnational investment agreements), «инвестиционные контракты», «соглашения об экономическом развитии» (economic development agreements), «транснациональные контракты об экономическом развитии» (transnational economic development contracts), «концессионные договоры», «инвестиционные соглашения», «договоры о совместном предприятии» (joint-ventures contracts), «договоры об оказании услуг» (service contracts), «соглашения о разделе продукции» и «квази-договоры» [23, с. 188]. Существование различных теорий, посвященных правовой природе инвестиционного договора, вызывает расхождение относительно определения его как правовой категории.

Договор об инвестировании: трактовка в отечественной и зарубежной литературе

В зарубежной юридической науке достаточно распространена позиция ученых, которая заключается в приравнивании инвестиционных соглашений к международным договорам. Этого подхода придерживается целый ряд зарубежных авторов (Л. Сон, Р. Бакстер, Б. Уортли) [10, с. 25; 24, р. 271; 25]. В результате такого подхода за иностранными инвесторами признается статус субъекта международного публичного права. Данная позиция была подвергнута развернутой критике в отечественной литературе.

Так, Л.А. Лунц указывал: «Доктрина, по которой соглашение между частным лицом, иностранной компанией и государством выводится из сферы гражданского права и переносится в область международного публичного права, имеет своей предпосылкой тезис о возможности для частноправовой организации и для отдельного физического лица быть субъектом международно-правовых отношений – тезис, стоящий в прямом противоречии с принципом государственного суверенитета» [10, с. 59].

В настоящее время в отечественной науке исследователи и практикующие юристы активно обсуждают юридическую природу инвестиционного договора.

Определение места инвестиционного договора в системе гражданско-правовых договоров имеет важное значение, так как от этого зависит регулирование инвестиционных правоотношений и разрешение связанных с ним гражданско-правовых споров.

В связи с тем, что инвестиционные договоры активно заключаются, но не всегда исполняются в полном объеме, необходимо разрешить проблему определения юридической природы инвестиционного договора.

Исследователи отмечают:

– инвестиционный договор обладает значительной юридической сложностью. Этот документ регламентирует взаимодействие между теми, кто вкладывает ресурсы в бизнес, будь то собственники или владельцы, и определяет процесс реализации инвестиционного плана [7, с. 170];

– инвестиционный договор не является простой формой документа, а скорее комплексом различных соглашений, закрепляющих юридические отношения между участниками инвестиционного процесса [9, с. 114].

Данный договор включает в себя множество разнообразных форм договоров, такие как инвестиционные соглашения, строительные контракты, аренда и простые партнерские.

В свою очередь Л.Г. Сайфулова отмечает, что инвестиционный договор имеет не только юридический характер, но и экономическую основу. Все соглашения, связанные с финансовыми вложениями, могут быть классифицированы как инвестиционные [18, с. 45].

Согласно аналогичному мнению Е.В. Лаптевой, инвестиционные соглашения не являются отдельной категорией, а, скорее, объединяют различные типы гражданско-правовых контрактов, которые управляют инвестиционной активностью [8].

С.П. Мороз обозначила инвестиционный договор как «специфический вид гражданско-правового договора, который имеет свои характерные особенности не только в контексте разнообразных видов деятельности, но и в отношении экономических сфер» [12, с. 125].

Для решения вопроса о правовой природе инвестиционного договора было принято Постановление Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» (далее – постановление). В данном постановлении раскрываются ключевые вопросы, связанные с разрешением споров, вытекающих из инвестиционных отношений в сфере строительства [15].

При разрешении споров, вытекающих из договоров, связанных с финансированием строительства и реконструкции объектов недвижимости, необходимо учитывать тот факт, что право собственности на здание или сооружение, созданное по договору, возникает у стороны, предоставившей земельный участок (застройщика), с момента государственной регистрации данного права в ЕГРН. Сторона, осуществившая строительство, имеет право на оплату выполненных работ в соответствии с договором, а при неисполнении стороной, предоставившей земельный участок, обязанности по их оплате может требовать от нее возмещения причиненных убытков, уплаты предусмотренной договором неустойки, а также воспользоваться правом, предоставленным ей.

Согласно первому абзацу пункта 4 данного постановления, при рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, судам следует устанавливать правовую природу соответствующих договоров и разрешать спор по правилам Гражданского кодекса Российской Федерации и других нормативных документов.

Ключевым моментом является то, что законодательство в области инвестиций не должно трактоваться таким образом, чтобы инвесторы, финансирующие строительство недвижимости, автоматически приобретали права собственности (в том числе долевые) на недвижимость в процессе строительства.

Текущая юридическая практика и российское гражданское законодательство подтверждают обдуманность и целесообразность решения Пленума ВАС РФ. Более того, инвестиционный договор, а не договор купли-продажи получает преимущество при определении прав инвестора на инвестиционный объект. Это объясняется тем, что если намерение инвестирования связано с последующим приобретением прав на недвижимость (например, права владения, пользования и распоряжения), а не с намерением получения дохода, то такое соглашение не может считаться инвестиционным.

Юридическую природу каждого инвестиционного договора целесообразно устанавливать в процессе его исполнения. Правовые связи, создаваемые таким договором, подчиняются общим принципам гражданского законодательства и специализированным стандартам инвестиционного права.

Договор об инвестировании: правовая квалификация

Основой управления инвестиционными процессами в рамках гражданского права является инвестиционный договор, который накладывает на инвестора обязанность выполнения инвестиционных действий.

Под понятием «инвестиционный договор» подразумеваются любые соглашения, в которых принимает участие инвестор. Эти соглашения могут включать в себя разнообразные типы гражданско-правовых договоров, регламентируемых Гражданским кодексом РФ [4]:

1) договоры купли-продажи (валютных ценностей, ценных бумаг, долей в уставных (складочных) капиталах хозяйственных обществ и товариществ, паев в производственных кооперативах, оборудования и других основных средств, относящихся к движимому имуществу, предприятия, иного недвижимого имущества и т. д.) (пункт 1 статьи 454 ГК РФ);

2) договоры мены (пункт 1 статьи 567 ГК РФ);

3) договоры ренты (пункт 1 статьи 583 ГК РФ);

4) договоры финансовой аренды (лизинга) (статья 665 ГК РФ);

5) договоры строительного подряда (пункт 1 статьи 740 ГК РФ);

6) договоры займа, предусматривающие уплату процентов (пункт 1 статьи 807 ГК РФ), кредитные договоры (пункт 1 статьи 819 ГК РФ), договоры товарного кредита (статья 822 ГК РФ);

7) договоры финансирования под уступку денежного требования (пункт 1 статьи 824 ГК РФ);

8) договоры банковского вклада (пункт 1 статьи 834 ГК РФ);

9) договоры страхования (пункт 1 статьи 929 и пункт 1 статьи 934 ГК РФ);

10) договоры коммерческой концессии (пункт 1 статьи 1027 ГК РФ);

11) договоры простого товарищества (пункт 1 статьи 1041 ГК РФ), включая договоры инвестиционного товарищества (пункт 3 статьи 1041 ГК РФ);

12) учредительные договоры о создании хозяйственных товариществ и обществ (статьи 52, 70, 83, 89, 98 ГК РФ);

13) договоры об отчуждении исключительного права (пункт 1 статьи 1234 ГК РФ);

14) лицензионные договоры (пункт 1 статьи 1235 ГК РФ).

Как показывает практика заключения договоров, связанных с реализацией инвестиционных проектов, возникают споры об их правовой квалификации.

Так, в одном из дел строительный кооператив «Стрелка-2001» подал иск в Арбитражный суд Саратовской области против ОАО «Конструкторское бюро промышленной автоматики». Суть исковых требований заключалась в обязанности внести изменения в пункт 3.1 инвестиционного соглашения, который регулировал строительство комплекса жилых зданий и был подписан обеими сторонами. Судом первой инстанции иск был удовлетворен, однако суд апелляционной инстанции решение отменил, указав, что заключенный инвестиционный контракт является смешанным, сочетающим элементы договора

простого товарищества и договора подряда. Суд кассационной инстанции отметил, что, хотя договор и имеет инвестиционный характер, это не дает основания для его отнесения к отдельной категории договоров, которая не поименована в Гражданском кодексе РФ. Суть договора не определяется его инвестиционным характером.

Так, договоры подряда могут быть инвестиционными, если заказчик инвестирует финансы в строительство. Договоры купли-продажи также могут быть инвестиционными, например, при покупке недвижимости. Кроме того, существуют и другие виды договоров, которые могут быть либо упомянуты, либо не упомянуты в гражданском законодательстве, и у них также может быть инвестиционный характер. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, понятие «договор инвестирования» не отнесен к специфическим типам договоров. Так, любые договоры, подписанные участниками инвестиционного процесса, в соответствии с пунктом 2 статьи 421 ГК РФ, могут быть классифицированы как договоры *suigeneris*, то есть не регулируемые гражданским законодательством, если их условия не позволяют отнести их к конкретным типам договоров [6].

Для правильной квалификации конкретной договорной конструкции, используемой в инвестиционной сфере, целесообразно опираться на сформировавшиеся в правоприменительной практике позиции по такому вопросу.

Как отмечалось ранее, важное значение для правильной квалификации договора (вне зависимости от того, как он поименован) имеет позиция, изложенная в Постановлении Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем», по смыслу которой инвестиционный договор может представлять собой:

– гражданско-правовой договор определенного вида (например, договор купли-продажи будущей вещи);

– смешанный договор (например, если одна из сторон договора приняла на себя обязательство построить объект недвижимости и получить в качестве встречного предостав-

ления от другой стороны договора помещения в построенном объекте);

– непоименованный договор. Для уяснения его сущности обратимся к следующему примеру [16]. Так, в одном из дел орган местного самоуправления в лице Администрации заключил с ООО инвестиционный контракт, предметом которого выступает реализация инвестиционного проекта по строительству базы по сервисному обслуживанию и ремонту автомобилей с торговыми площадями. По условиям договора ООО за счет собственных, заемных или привлеченных средств приняло на себя обязательство построить объект, являющийся предметом договора, в установленные сроки. Содержание и сроки реализации конкретного этапа работ также были закреплены в договоре. Первый этап работ включал в себя оформление договора аренды земельного участка, находящегося в муниципальной собственности. Орган местного самоуправления в лице Администрации принял на себя по договору обязанности по обеспечению подготовки и принятия распорядительных документов, необходимых для реализации инвестиционного проекта. Кроме того, ООО по этому же договору обязано было перечислить Администрации денежные средства на развитие инженерной инфраструктуры города. Указанное условие ООО исполнило. В процессе строительства объекта потребовалось продлить срок действия заключенного договора аренды земельного участка, на котором производилось строительство, однако Администрации отказала в этом ООО, сославшись на то, что застраиваемый земельный участок попадает на территорию защитных лесов.

В связи с возникновением таких обстоятельств дальнейшее исполнение договора стало невозможным, поэтому ООО обратилось в Администрацию за перерасчетом (возвратом) внесенной ими ранее платы на развитие инженерной инфраструктуры города. В ответ на это Администрация выставила ООО претензию с требованием внести оставшуюся часть платы, и, поскольку ООО перечисление не произвело, обратилась в суд за взысканием. Суд первой и апелляционной инстанции в иске отказали, а кассационная инстанция иск удовлетворила, квалифицировав внесенную ООО плату как пожертвование. Верховный суд

РФ, отменяя судебный акт кассационной инстанции, установил, что между сторонами был заключен непоименованный договор и отметил, что «соглашения, предметом которых является констатация наличия у публично-правового образования определенной компетенции в сфере градостроительства, предоставления земельных участков и т. п., а также выражение публичным образованием готовности исполнять обязанности, установленные градостроительным и земельным законодательством, не являются гражданско-правовыми сделками. В данные соглашения могут включаться условия, устанавливающие обязанность частного лица по внесению взноса на развитие социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры» [16].

Таким образом, от правовой квалификации договора в сфере инвестирования зависит то, какие нормы будут применяться для регулирования правоотношения его сторон.

Договор об инвестировании: дифференциация по видам и участникам

Верная квалификация договора об инвестировании играет ключевую роль в обеспечении качественного и рационального правового регулирования соответствующих отношений. Так, известный юрист М.И. Брагинский отмечал: «Как это свойственно классификации в области права вообще и гражданского в частности, отнесение той или иной конструкции к конкретному классу важно постольку, поскольку речь идет о пределах действия определенного режима» [1, с. 80].

Договоры об инвестировании являются неотъемлемой частью современной экономики, играя ключевую роль в развитии бизнеса и привлечении капитала. Виды договоров об инвестировании и разнообразие участников процесса позволяют устанавливать инвестиционные отношения и обеспечивать их эффективное функционирование.

Соглашение об инвестициях основано на договоре между инвестором и реципиентом. В рамках этого соглашения инвестор передает реципиенту определенные ресурсы, а реципиент обязуется использовать их для получения выгоды. В связи с инвестиционным контрактом инвестор трансформирует право соб-

ственности от себя другому лицу, обычно в виде имущества.

В той или иной степени в роли инвестора участвуют физические и юридические лица. Заключение инвестиционного контракта позволяет инвестору получить доход от вложения средств благодаря усилиям учредителя предприятия или других сторон.

Основной целью инвестирования является ожидаемый экономический доход. В связи с этим пожертвования, благотворительные взносы и другие вложения, не связанные с ожидаемой прибылью, не могут рассматриваться как инвестиции.

Таким образом, инвестирование можно рассматривать как уникальную конструкцию, нуждающуюся в правовой защите для достижения максимального эффекта при планировании бизнеса.

Инвестирование является многогранным экономическим процессом, продвигающимся в геометрической прогрессии. Следовательно, однозначное определение представляет сложности, ибо новые возможности проявляются в момент, когда исследователи приближаются к установлению законченного списка видов инвестиций.

Выделяя основные признаки, которыми отличается инвестирование от других экономических и бизнес-процессов, считаем, что наилучшей позицией будет: перемещение личного капитала и передача ценностей (инвестиций) другой стороне с целью получения прибыли в определенные сроки без гарантии успеха.

На первый взгляд, инвестиции – это совокупность материальных и нематериальных ресурсов, используемых для инвестирования в определенные коммерческие процессы или финансовые инструменты для увеличения прибыли.

Инвестиционные соглашения представляют собой разновидность договоров, правовое регулирование которых определяется характером сделки. Каждый отдельный договор квалифицируется в соответствии с его условиями. В одном случае применяются общие правила договорных отношений, а в другом случае уже конкретные правила и ограничения зависят от сферы деятельности, в которой заключается договор. Например, в стро-

ительной отрасли действует Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности» [19].

Практика Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации не установила четких норм определения гражданско-правовых договоров как инвестиционных. Судебная практика показывает, что инвестиционными договорами признаются споры, возникающие из договоров аренды земельных участков, договоров строительного подряда, договоров займа и вкладов в уставный капитал хозяйственных обществ [5]. Суды также относят к инвестиционным договорам соглашения о долевом участии в строительстве и купле-продаже предмета лизинга [13; 14].

Первым видом договора об инвестировании, на который следует обратить внимание, является договор долевого участия. В рамках этого договора инвестор приобретает определенную долю в капитале компании и участвует в распределении прибыли и убытков, самым распространенным видом является долевое участие в строительстве многоквартирных домов. Такой подход позволяет инвесторам не только получать доход от участия, но и активно участвовать в управлении бизнесом.

Еще один распространенный вид инвестиционного договора – договор займа (инвестиционный заем или заемное финансирование). По сути это соглашение о предоставлении финансовых средств на определенных условиях с целью получения процентов или другой формы вознаграждения. Такие договоры часто используются в качестве временного финансирования проекта или компании.

Следующим важным видом договора об инвестировании является долгосрочное инвестиционное соглашение. В этом случае инвесторы вкладывают свои средства на долгосрочную перспективу в надежде получить стабильную прибыль в будущем. Такие инвестиции могут быть использованы как для развития производства, так и для инфраструктурных проектов.

Среди различных видов договоров об инвестировании договор венчурного капитала занимает особое положение. Такие договоры предполагают финансирование новых стартапов и инновационных проектов с высоким потенциалом роста. Инвесторы, предпри-

нимающие подобные сделки, рискуют своим капиталом, но в случае успешного развития проекта у них есть возможность получить существенную прибыль [11, с. 109].

Участники договора об инвестировании также играют важную роль в инвестиционном процессе. К инвесторам относятся физические и юридические лица, предоставляющие финансовые ресурсы для развития бизнеса. Проектная компания в свою очередь принимает на себя обязательства использовать инвестиции в соответствии с договором и достичь поставленных целей.

Финансовые посредники также занимают значимое положение в инвестиционном процессе, обеспечивая связи между инвесторами и проектными компаниями, проводя анализ рисков и оценивая эффективность инвестиций. Государственные органы также могут быть участниками договора об инвестировании, предоставляя налоговые льготы или другие формы поддержки для стимулирования инвестиционной деятельности.

Таким образом, дифференциация по видам и участникам договора об инвестировании имеет важное значение в развитии экономики и бизнеса. Понимание особенностей каждого вида договора и роли участников позволяет эффективно организовать инвестиционный процесс и достичь поставленных целей.

Детализация договорных обязательств в схемах инвестирования: инвестиционные проекты, планы

В России инвестирование принимает различные формы, включая покупку бизнеса, участие в инвестиционных товариществах, инвестиции в ценные бумаги, а также коллективные инвестиции через акционерные и паевые инвестиционные фонды. К этому также относятся концессионные соглашения и соглашения о разделе продукции.

Можно классифицировать инвестиционные действия в зависимости от того, кто является участником инвестирования: это могут быть государственные органы, частные лица или совместные предприятия. При государственном инвестировании ключевую роль играют бюджетные вложения, обеспечиваемые через государственное финансирование.

Эти вложения направлены на создание или увеличение стоимости государственного имущества, как это указано в статье 6 Бюджетного кодекса РФ [2]. В частности, такие инвестиции обычно используются для строительства зданий, принадлежащих государству, или для приобретения недвижимости в государственную собственность. Это делается с помощью средств федерального бюджета в рамках специальной федеральной программы инвестиций.

Государство имеет полномочия для выполнения прямых инвестиций в контексте государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), например используя собственные ресурсы Инвестиционного фонда РФ [20].

Из различных форм ГЧП можно выделить следующие: концессионные договоры, договоры о разделе продукции, соглашения о государственно-частном и муниципально-частном партнерствах, специализированные инвестиционные контракты и т. д.

Основным краеугольным камнем бизнеса являются личные вклады. Инвестор, вкладывая свои средства в собственный бизнес, предполагает, что его инвестиции в долгосрочной перспективе принесут доход. Непрерывное наличие финансовых вкладов является неотъемлемой частью предпринимательской активности. Впрочем, стоит учесть, что инвестором может быть не только предприниматель. На фондовом рынке, например, любой человек, даже не прошедший официальную регистрацию, может стать инвестором.

Обратим внимание на самые популярные формы инвестиций и их правовые аспекты. Инвестиционная активность, которая наиболее широко представлена, осуществляется через капитальные вложения и регулируется Законом о капитальных инвестициях в рамках инвестиционной деятельности. Капитальные инвестиции в основной капитал (основные средства) включают в себя затраты на множество аспектов: новое строительство, расширение, реконструкцию и техническую модернизацию существующих предприятий, приобретение машин, оборудования, инструментов, инвентаря, а также проектно-изыскательские работы и т. д. Главным критерием, который отличает капитальные вложения от других видов инвестиций, является то, что они направлены на основные средства или основной капитал.

Различные типы вновь созданного или обновленного имущества выступают для целей крупных инвестиций. Это имущество может быть как личным, так и государственным или же представлять смешанный тип собственности. Активы, в которые вкладывается капитал, могут быть как движимыми, так и недвижимыми, включая объекты, строительство которых еще не завершено. Важно отметить, что некоторые формы имущества, такие как ценные бумаги и имущественные права, не могут быть классифицированы как цели капитальных вложений из-за их юридического статуса.

Список субъектов, вовлеченных в инвестиционную деятельность, никак не ограничен. Инвесторов, заказчиков, подрядчиков и пользователей объектов капитальных вложений следует отнести к числу таких субъектов. Важно отметить, что субъекты, осуществляющие инвестиционную деятельность, имеют возможность комбинировать функции двух и более субъектов, если это соответствует договору или государственному контракту. Возможность иметь инвестиции в виде капитальных вложений может быть закреплена различными договорами, включая, например, договор строительного подряда.

Популярная практика последнего времени заключается в том, что для выполнения работ, требующих крупных инвестиций, финансируемых из государственного или регионального бюджета, привлекаются управляющие (девелоперские) компании в качестве инвесторов. Это означает, что они организуют и полностью сопровождают процесс реконструкции или строительства недвижимости в соответствии с государственным контрактом, чтобы удовлетворить государственные потребности. Девелопмент как форма инвестиционной деятельности имеет свои особенности, которые отличают ее от других видов.

Предприниматель в рамках девелоперских отношений уделяет большое внимание обеспечению наилучшего развития недвижимости. Здесь важны такие аспекты, как проектирование, реконструкция и строительство. В то же время девелопер берет на себя ответственность за организацию финансирования инвестиционного проекта. В противополо-

жность застройщику понятие девелопера включает в себя еще и другие функции, позволяющие осуществить комплексную реализацию инвестиционного проекта.

Согласно Закону «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», инвестиционный проект представляет собой экономически обоснованное предложение о необходимости и целесообразности осуществления инвестиций. Он включает в себя объемы и сроки капитальных вложений, а также соответствующую проектную документацию, разработанную в соответствии с законодательством РФ. Бизнес-план описывает практические действия, необходимые для реализации инвестиций в форме капитальных вложений.

Инвестиционный проект, начиная с момента своего возникновения и заканчивая окончанием или ликвидацией, проходит ряд этапов, которые суть жизненный цикл проекта. В практике существуют контракты, охватывающие все детали проекта на протяжении его реализации.

В ГК РФ предусмотрены различные договоры, связанные с инвестиционной деятельностью в форме капитальных вложений. Это договоры о развитии застроенных территорий, о комплексном освоении территории, о строительстве жилья экономического класса и о строительстве и эксплуатации наемных домов. Все эти договоры также относятся к инвестиционным и регулируют отношения ГЧП.

Существует самостоятельный вид договора в сфере строительства – договор участия в долевом строительстве. В соответствии с Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», этот договор предусматривает, что застройщик обязуется самостоятельно или с привлечением других лиц построить многоквартирный дом или другой объект недвижимости в срок, указанный в договоре, и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию передать объект долевого строительства участнику долевого строительства [21]. Участник долевого строительства в свою очередь обязан оплатить указанную в договоре

цену и принять объект долевого строительства, если имеется разрешение на ввод в эксплуатацию данного объекта недвижимости.

Многokвартирные дома и другие недвижимые объекты по характеру ближе к отношениям продавца и потребителя и не являются инвестиционными. Законодатель, используя методы императивного регулирования, пытался обезопасить участников долевого строительства от потери инвестиций, что привело застройщиков к уклонению от заключения договора долевого участия в строительстве и оформления отношений.

В сфере капитального строительства широко распространены инвестиционные договоры. Однако в правовой литературе и предпринимательской практике нет единого понимания сущности таких договоров.

Многоаспектность понятия «лизинг» была замечена В.В. Витрянским [3], эта нечеткость создает проблемы в правовом регулировании соответствующих отношений. Лизинг может быть понимаем как форма предпринимательской деятельности или как специальный вид инвестирования или кредитования. Он также описывает все отношения, связанные с лизинговыми операциями, в частности отношения, которые возникают при предоставлении займов лизингодателю и обеспечении исполнения его заемных обязательств. Лизинг также включает в себя все операции, которые лизингодатель совершает для приобретения лизингового имущества. И наконец, лизинг можно определить как сделку между лизингодателем и лизингополучателем.

Согласно статье 2 «О лизинге», лизинг представляет собой комплекс экономических и правовых отношений, связанных с исполнением договора лизинга, включая вопросы приобретения предмета лизинга [22]. Договор финансовой аренды (лизинга) используется для оформления лизинговых отношений, в соответствии с которым арендодатель (лизингодатель) обязан приобрести указанное арендатором (лизингополучателем) имущество у определенного продавца и предоставить его лизингополучателю за плату, позволяя тому временно владеть и использовать его для предпринимательских целей. В договоре лизинга может быть предусмотрено, что лизингодатель выбирает продавца и имущество.

Физические и юридические лица могут владеть и управлять имуществом комплексом, который является инвестиционным фондом согласно Федеральному закону «Об инвестиционных фондах». Этот комплекс преследует интересы акционеров или учредителей доверительного управления и подчиняется руководству управляющей компании. Закон выделяет две категории инвестиционных фондов: акционерные и паевые.

Специальная правоспособность акционерного инвестиционного фонда, представляющего собой акционерное общество, заключается в инвестициях в ценные бумаги и другие предметы, предусмотренные Законом. Фирменное наименование фонда должно содержать словосочетание «акционерный инвестиционный фонд» или «инвестиционный фонд», которые другие юридические лица не могут использовать в своих наименованиях. Он имеет право на осуществление только таких действий, которые предусмотрены Законом, и для этого требуется наличие лицензии.

Паевой инвестиционный фонд не представляет собой юридическое лицо, вместо этого он является автономным собранием активов.

В его структуру включено имущество, которое передается управляющей компанией от основателя или основателей доверительного управления, что делается с целью объединения этого имущества с активами других учредителей. Кроме того, включено и имущество, приобретенное в процессе такого управления. Инвестиционный пай, который является ценной бумагой, выданной управляющей компанией, подтверждает долю основателя в собственности имущества.

Выводы

Таким образом, форма коллективных инвестиций, такая как инвестиционные товарищества, включает в себя управление общими вопросами посредством инвестиционной декларации. Этот документ является важной частью договора инвестиционного товарищества, но, интересно отметить, что условия данного договора не предусматривают обязательного раскрытия информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский, М. И. Гражданское право и объекты права собственности / М. И. Брагинский // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 76–85.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
3. Витрянский, В. В. Договор аренды и его виды: прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг / В. В. Витрянский. – М.: Статут, 1999. – 299 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18 января 2001 г. № 58 «Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов» // Хозяйство и право. – 2001. – № 4.
6. Картоoteca арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/>
7. Кондрашкова, О. Н. Хозяйственное право : учебник. В 2 т. Т. 2 / О. Н. Кондрашкова ; отв. ред. В. С. Мартемьянов. – М.: БЕК, 1994. – 387 с.
8. Лапутева, Е. В. Совершенствование договорных отношений в области жилищного строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лапутева Елена Владимировна. – М., 2003. – 22 с.
9. Лисица, В. Н. Инвестиционный договор / В. Н. Лисица // Закон. – 2003. – № 6. – С. 113–117.
10. Лунц, Л. А. Курс международного частного права. В 3 т. Т. 2. Международное частное право : Особенная часть / Л. А. Лунц. – М., 1975. – 503 с.
11. Матыцин, Д. Е. Развитие правового регулирования ключевых технологий Индустрии 4.0: цифровые токены как особые инвестиционные инструменты / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 109–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ls.jvolsu.2023.2.14>
12. Мороз, С. П. Антикоррупционный анализ инвестиционного законодательства Республики Казахстан / С. П. Мороз // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2008. – № 3 (11). – С. 120–128.
13. Письмо ВАС РФ от 3 декабря 1998 г. № С5-7/УЗ-908 «О Федеральном законе “О лизинге”» // Налоговый вестник. – 1999. – № 3.
14. Постановление Пленума ВАС РФ от 27 сентября 1994 г. № 29 «О проверке в порядке надзора законности и обоснованности решений арбитражных судов, вступивших в законную силу, от 17.03.1994 г. по делу № 15-190» // Вестник ВАС РФ. – 1995. – № 1.
15. Постановление Пленума ВАС от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
16. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.09.2013 № 4606/13 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 2.
17. Сафронова, С. Возникновение концессионного соглашения, его использование, основные проблемы и трудности / С. Сафронова, С. Чеховская // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2016. – № 2. – С. 80–84.
18. Сайфулова, Л. Г. Договор долевого участия в жилищном строительстве : дис. ... канд. юрид. наук / Сайфулова Лилия Габдельяхатовна. – Самара, 2001. – 183 с.
19. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
21. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
22. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
23. Цегельник, О. В. Правовая природа инвестиционного договора / О. В. Цегельник // Правовые и институциональные проблемы социально-экономических преобразований в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 16 мая 2003 г. – Минск : [б. и.], 2003. – С. 188–189.
24. Baxter, R. R. Legal Aspects of Geneva Protocol of 1925 / R. R. Baxter, Th. Buergethal // The American Journal of International Law. – 1970. – Vol. 64, № 1. – P. 271–279.
25. Wortley, B. A. Jurisprudence / B. A. Wortley. – Manchester : Manchester University Press ; N. Y. : Oceana Publications Inc., 1967. – xxi, 456 p.

REFERENCES

1. Braginsky M.I. Grazhdanskoe pravo i obyektu prava sobstvennosti [Civil Law and Property Rights].

Zhurnal Rossijskogo prava [Journal of Russian Law], 1997, no. 11, pp. 76-85.

2. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ [Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ]. *Access from Information Legal Portal "Garant"*.

3. Vitryansky V.V. *Dogovor arendy i ego vidy: prokat, frahtovanie na vremya, arenda zdaniy, sooruzhenij i predpriyatij, lizing* [Lease Agreement and Its Types: Rental, Chartering for a While, Lease of Buildings, Structures and Enterprises, Leasing]. Moscow, Statut Publ., 1999. 299 p.

4. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation Dated November 30, 1994 No. 51-FZ]. *Access from Information Legal Portal "Garant"*.

5. Informacionnoe pismo Prezidiuma VAS RF ot 18 yanvarya 2001 g. № 58 «Obzor praktiki razresheniya sudami sporov, svyazannyh s zashchitoy inostrannyh investorov» [Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 18, 2001 № 58 "Review of the Practice of Resolving Disputes Related to the Protection of Foreign Investors by Courts"]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2001, no. 4.

6. *Kartoteka arbitrazhnyh del* [File of Arbitration Cases]. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

7. Kondrashkova O.N. *Hozyajstvennoe pravo: uchebnik. V 2 t. T. 2* [Economic Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, BEK, 1994. 387 p.

8. Laputeva E.V. *Sovershenstvovanie dogovornyh otnoshenij v oblasti zhilishchnogo stroitelstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Improving Contractual Relations in the Field of Housing Construction. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2003. 22 p.

9. Lisitsa V.N. *Investicionnyj dogovor* [Investment Agreement]. *Zakon* [Law], 2003, no. 6, pp. 113-117.

10. Luntz L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. V 3 t. T. 2. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Osobennaya chast* [Private International Law Course. In 3 Vols. Vol. 2. Private International Law. Special Part]. Moscow, 1975. 503 p.

11. Matytsin D.E. *Razvitie pravovogo regulirovaniya klyuchevyh tekhnologij Industrii 4.0: cifrovye tokeny kak osobye investicionnye instrumenty* [The Legal Regulation Development of Key Technologies of Industry 4.0: Digital Tokens as Special Investment Instruments]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 109-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

12. Moroz S.P. *Antikorrupcionnyj analiz investicionnogo zakonodatelstva Respubliki Kazahstan* [Anti-Corruption Analysis of Investment Legislation of the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik*

Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan [Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan], 2008, no. 3 (11), pp. 120-128.

13. Pismo VAS RF ot 3 dekabrya 1998 g. № S5-7/UZ-908 «O federalnom zakone "O lizinge"» [Letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 3, 1998, No. S5-7/UZ-908 "On the Federal Law 'On Leasing'"]. *Nalogovyj vestnik* [Tax Bulletin], 1999, no. 3.

14. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 27 sentyabrya 1994 g. № 29 «O proverke v poryadke nadzora zakonnosti i obosnovannosti reshenij arbitrazhnyh sudov, vstupivshih v zakonnyu silu, ot 17.03.1994 g. po delu № 15-190» [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of September 27, 1994, No. 29 "On Verification of the Legality and Validity of Decisions of Arbitration Courts That Have Entered into Legal Force in Case No. 15-190 of March 17, 1994"]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 1995, no. 1.

15. Postanovleniye Plenuma VAS ot 11.07.2011 № 54 «O nekotorykh voprosakh razresheniya sporov, vznikayushchikh iz dogovorov po povodu nedvizhimosti, kotoraya budet sozdana ili priobretena v budushchem» [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of July 11, 2011, No. 54 "On Certain Issues of Resolving Disputes Arising from Contracts Regarding Real Estate That Will Be Created or Acquired in the Future"]. *Access from Information Legal Portal "Garant"*.

16. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 24.09.2013 № 4606/13 [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of September 24, 2013, No. 4606/13]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2014, no. 2.

17. Safronova S., Chekhovskaya S. *Vozniknovenie koncessionnogo soglasheniya, ego ispolzovanie, osnovnye problemy i trudnosti* [Emergence of a Concession Agreement, Its Use, Main Problems and Difficulties]. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy* [Business Education in the Knowledge Economy], 2016, no. 2, pp. 80-84.

18. Sayfulova L.G. *Dogovor dolevogo uchastiya v zhilishchnom stroitelstve: dis. ... kand. jurid. nauk* [Agreement of Equity Participation in Housing Construction. Cand. jurid. sci. diss.]. Samara, 2001. 183 p.

19. Federalnyj zakon ot 25.02.1999 № 39-FZ «Ob investicionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushchestvlyaej v forme kapitalnyh vlozhenij» [Federal Law Dated February 25, 1999, No. 39-FZ "On Investment Activities in the Russian Federation in the Form of Capital Investments"]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

20. Federalnyj zakon ot 13.07.2015 № 224-FZ «O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, municipalno-chastnom partnerstve v Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdelnye zakonodatelnye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 13, 2015, No. 224-FZ “On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Access from Information Legal Portal “Garant”*.

21. Federalnyj zakon ot 30.12.2004 № 214-FZ «Ob uchastii v dolevom stroitelstve mnogokvartirnyh domov i inyh obyektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatelnye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law of December 30, 2004, No. 214-FZ “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Access from Information Legal Portal “Garant”*.

22. Federalnyj zakon ot 29.10.1998 No. 164-FZ «O finansovoj arende (lizinge)» [Federal Law of October 29, 1998 No. 164-FZ “On Financial Leasing”]. *Access from Information Legal Portal “Garant”*.

23. Tsegelnik O.V. Pravovaya priroda investicionnogo dogovora [Legal Nature of the Investment Agreement]. *Pravovye i institutsionalnye problemy sotsialno-ekonomicheskikh preobrazovaniy v Respublike Belarus: materialy resp. nauch.-prakt. konf., Minsk, 16 maya 2003 g.* [Legal and Institutional Issues of Social and Economic Changes in the Republic of Belarus. Proceedings of the Republican Scientific and Practical Conference, Minsk, May 16, 2003]. Minsk, s.n., 2003, pp. 188-189.

24. Baxter R.R., Buergethal Th. Legal Aspects of Geneva Protocol of 1925. *The American Journal of International Law*, 1970, vol. 64, no. 1, pp. 271-279.

25. Wortley B.A. *Jurisprudence*. Manchester, Manchester University Press; New York, Oceana Publications Inc., 1967. xxi, 456 p.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.12>

UDC 347.1
LBC 67.402

Submitted: 03.06.2024
Accepted: 26.06.2024

INVESTING: THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF SCHEMES WITH LEGAL SIGNIFICANCE

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the theme of investment and investing invisibly but tangibly accompanies a person in modern life. The desire to increase their funds is becoming an urgent need of the population. It is carried out through doing business as well as increasing the personal income of citizens. Investment opportunities in the economy as a whole, in relevant markets, and in people's behavior are expanding. There is an interest in training in this field, and in this regard, the importance of knowledge of the theoretical foundations of investment activity at the level of the main groups of investors and the mechanism of investment in various forms of its implementation increases. The **purpose** of the paper is to study issues related to the concept of "investment," the relationship between the concepts of "investment" and "investing," the legal structures of investment, features of legal forms of investment and their differences from other similar forms of capital investment, investment as a transaction and a type of entrepreneurship, as well as investment schemes and their classification. **Methods:** the paper uses both the general scientific and specific scientific methods of scientific cognition, among which there are: systematic, dialectical, structural and functional, etc. The methods of formal legal, comparative law and legal forecasting allow taking into account the specifics of the legal nature of the concepts under study, comparing homogeneous legal phenomena, and identifying prospects for the development of legal relations in dynamics. **Results:** the author considers the main economic and legislative concepts related to investment and investment activity. The features of investing in various market assets are identified and analyzed. The approaches to the analysis and management of the investment portfolio of stocks and bonds are being investigated. Two legal forms of investment have been studied: contractual investment and corporate investment. The author explores new and alternative forms of investment, the main economic and financial categories, factors determining the investment climate, ways to form a portfolio of stocks, bonds, and their management, derivative financial instruments, and explores classifications and investment schemes. **Conclusions:** it is concluded that an investment represents a certain amount of capital, and the process of their implementation is defined as investment activity (investing). It is proved that the legal structure of investment includes a wide range of rights, duties, and responsibilities of business entities, which includes, in addition to the norms of the civil legislation, the norms of various branches of law. It is revealed that the legal status of an investor is intermediate between a "business entity" and an ordinary "individual." It is argued that in both legal forms of investment (contractual and corporate), the investor transfers the investment to the other party. In the case of a contractual investment, the investor transfers them to another party (the organizer), who uses them for the purpose specified in the contract (intended purpose). As for the corporate form, the investment is carried out, for example, in the authorized capital of a company, and the investor acquires the rights of a participant in this company. If contractual investment is based on the "classical norms" governing civil law contracts, then corporate investment has a number of features related to the regulation of corporate relations. Investment is classified into main groups, as well as long-term real investment, taking into account planning and accounting practices. From a practical standpoint and based on the current legislation, investment schemes are outlined.

Key words: investment, investing, investment activity, legal structure of investment, forms of investment, contractual investment, investment transaction, portfolio investment.

Citation. Matytsin D.E. Investing: The Concept and Classification of Schemes with Legal Significance. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 90-97. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.12>

ИНВЕСТИРОВАНИЕ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СХЕМ, ИМЕЮЩАЯ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волжский институт экономики, педагогики и права, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: с темой инвестиций и инвестирования человек часто имеет дело в современном мире. Желание приумножить свои средства остается актуальной потребностью населения. Осуществляется оно через ведение бизнеса, а также увеличение личных доходов граждан. Расширяются возможности инвестирования в экономике в целом, на соответствующих рынках, в поведении людей. Наблюдается интерес к обучению в этой сфере, и в этой связи возрастает важность знаний теоретических основ инвестиционной деятельности на уровне основных групп инвесторов и механизма инвестирования в различных формах его осуществления. **Целью** настоящей статьи является исследование вопросов, связанных с понятием «инвестиции», соотношением понятий «инвестиции» и «инвестирование», правовыми конструкциями инвестирования, особенностями правовых форм инвестирования и их отличием от иных, схожих форм вложения капитала, инвестированием как сделкой и разновидностью предпринимательства, а также схемами инвестирования и их классификацией. **Методы:** в статье используются как общенаучные, так и частнонаучные методы научного познания, среди которых выделяются: системный, диалектический, структурно-функциональный и т. д. Методы формально-юридического, сравнительно-правового и правового прогнозирования позволяют учитывать специфику правовой природы исследуемых понятий, сравнивать однородные юридические явления, выявлять перспективы развития правоотношений в динамике. **Результаты:** автором рассмотрены основные экономические и законодательные понятия, связанные с инвестициями и инвестиционной деятельностью. Выявляются и изучаются особенности инвестирования в различные активы рынка. Исследуются подходы к анализу и управлению инвестиционного портфеля акций, облигаций. Изучены две правовые формы инвестирования – договорное инвестирование и корпоративное инвестирование. Автор исследует новые и альтернативные формы инвестирования, основные экономические и финансовые категории; факторы, определяющие инвестиционный климат; способы формирования портфеля акций, облигаций и управление ими; производные финансовые инструменты. Исследует классификации и схемы инвестирования. **Выводы:** делается вывод о том, что инвестиция представляет собой конкретный капитал, а процесс их реализации определяется как инвестиционная деятельность (инвестирование). Обосновано, что правовая конструкция инвестирования включает широкий спектр прав, обязанностей и ответственности субъектов предпринимательской деятельности, которая включает, помимо норм гражданского законодательства, нормы различных отраслей права. Выявлено, что правовое положение инвестора является промежуточным между субъектом, который осуществляет предпринимательскую деятельность и обычным физическим лицом. Утверждается, что в обеих правовых формах инвестирования (договорном и корпоративном) инвестор передает инвестиции другой стороне. В случае договорного инвестирования инвестор передает их другой стороне (организатору), который их использует по назначению, указанному в договоре (целевое назначение). Что касается корпоративной формы, то инвестиция осуществляется, например, в уставной капитал какого-либо общества, а инвестор приобретает права участника этого общества. Если договорное инвестирование основано на «классических нормах», регулирующих гражданско-правовые договоры, то при корпоративном инвестировании имеется ряд особенностей, касающихся регулирования корпоративных отношений. Инвестиции классифицированы на основные группы, а также долгосрочные реальные инвестиции с опорой на практику планирования и учета. С точки зрения практики и на основании действующего законодательства обозначены схемы инвестирования.

Ключевые слова: инвестиции, инвестирование, инвестиционная деятельность, правовая конструкция инвестирования, формы инвестирования, договорное инвестирование, инвестиционная сделка, портфельные инвестиции.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Инвестирование: понятие и классификация схем, имеющая юридическое значение // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 90–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.12>

Введение

Инвестиции и инвестирование являются в настоящее время одним из довольно популярных способов, с помощью которого граждане и юридические лица могут получить доход. Рассмотрим различные точки зрения относительно указанных понятий в науке.

В целом инвестиции можно определить как средства, которые вкладываются в различные экономические проекты для того, чтобы обеспечить те или иные производства экономическими ресурсами на дальнейшее будущее [4, с. 6].

Большинство ученых советского периода считали инвестиции долгосрочным вложением капитала в различные сферы: промышленность, транспорт, иные отрасли хозяйства. При этом вложения могли быть в отрасли внутри и за пределами нашего государства [10]. При этом доход инвестор получает не сразу, а через значительный промежуток времени после совершения этой операции [1].

Современные научные исследования позволяют выделить два подхода к определению понятия инвестиций [3, с. 53].

Согласно первому подходу, инвестиции представляют собой различные ценности, а именно финансовые, интеллектуальные, а также имущественные, которые вкладывает инвестор для того, чтобы в результате получить какой-либо социальный эффект или доход. Одновременно нужно учитывать, что, говоря о реальных инвестициях, подразумеваем вложение инвестором своего капитала на долгий срок в различные предприятия.

По смыслу второго подхода инвестициями можно считать абсолютно любые средства, с помощью которых то или иное лицо сможет удовлетворить имеющиеся у него потребности, которые изымаются из текущего использования и вкладываются в наиболее выгодную сферу, в результате чего инвестор получит выгоду.

Законодатель дает свое определение понятия «инвестиция», закрепляя его в ст. 1 Закона № 39-ФЗ: «Денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельно-

сти в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта» [15].

С понятием «инвестиция» тесно связано понятие «инвестирование».

Соотношение понятий «инвестиции» и «инвестирование»

В науке не сложился однозначный подход к определению данного понятия. Так, например, О.Н. Лагоша определяет инвестирование как вложение всего возможного в определенный объект, который через установленный период даст ожидаемый результат [6]. По нашему мнению, с такой трактовкой сложно согласиться, так как сама по себе инвестиционная деятельность не гарантирует ожидаемого результата.

По мнению Д.М. Шор, «инвестирование – это определенный процесс, который представляет собой вложение имеющегося у инвестора капитала в различные финансовые инструменты для того, чтобы получить в будущем доход, при этом такая деятельность всегда с риском, который обусловлен выпуском, обращением и погашением инвестиционных продуктов» [16].

В ст. 1 Закона № 39-ФЗ законодатель закрепляет понятие «инвестиционная деятельность». Под указанной деятельностью понимается деятельность, которая заключается, во-первых, во вложении различного рода инвестиций, во-вторых, в выполнение тех или иных практических действий, целью которых могут выступать как получение прибыли, так и достижение другого полезного для инвестора результата.

Таким образом, инвестиция представляет собой определенный капитал, а процесс их реализации определяется как инвестиционная деятельность (инвестирование).

Правовые конструкции инвестирования

Правовая конструкция инвестирования представляет собой определенный набор признаков инвестирования, прав, обязанностей и юридической ответственности сторон при вступлении в эти отношения.

Для начала оценим признаки, которые присущи любому инвестированию. Среди них следующие:

– инвестиции всегда вкладываются инвесторами, которые нацелены на достижение выгодных для них целей;

– возможность приносить доход и удовлетворять потребности лица, осуществившего вложение;

– наличие риска, так как инвестирование не гарантирует обязательное достижение цели, то есть возможно получить и обратный эффект, такой как снижение капитала либо утрата дохода;

– целенаправленный характер вложений в ту или иную сферу деятельности;

– определенный срок, на который делается инвестиция.

Как и в любой сфере, стороны наделены определенными правомочиями. Согласно ст. 6 Закона № 39-ФЗ инвестор имеет право на то, чтобы [14]:

– осуществлять инвестиционную деятельность в форме капитальных вложений с учетом императивных норм законодательства, установленных запретов и ограничений;

– самостоятельно определять, в каком объеме произвести инвестиции и в какую сферу, а также с кем заключить тот или иной инвестиционный договор. Данное право инвесторов полностью соотносится с принципами отечественного гражданского законодательства;

– получать доход от использования тех инвестиций, которые он вложил, и осуществлять контроль за их целевым использованием;

– передавать свои права третьим лицам, как физическим, так и юридическим на основании заключенных договоров;

– объединить свои инвестиции с инвестициями других инвесторов, при наличии их согласия, для осуществления совместных капитальных вложений и т. д.

Статья 7 Закона № 39-ФЗ определяет обязанности сторон инвестиционной деятельности, а именно:

– выполнять все законные требования органов власти и должностных лиц;

– использовать инвестиции исключительно в рамках тех целей, для которых они были вложены;

– вести инвестиционную деятельность с соблюдением норм права, как внутренних, так и определенных ратифицированными Российской Федерацией международными договорами.

Законом № 39-ФЗ прямо установлено, что основаниями возникновения отношений субъектов инвестиционной деятельности выступают или договор, или государственный контракт. Процедура в обоих случаях, по общему правилу, регулируется ГК РФ.

В случае, когда стороны нарушают взятые на себя обязательства, они могут нести ответственность, которая определяется законом и/или договором. Сторона может быть привлечена к следующим видам ответственности:

– уголовная ответственность. Например, один из составов преступлений, который связан с рассматриваемой сферой, предусмотрен статьей 185.1 УК РФ (злостное уклонение от раскрытия / предоставления информации или предоставление неполной / ложной информации о ценных бумагах, если это повлекло крупный ущерб) [12];

– административная ответственность. Например, санкция ст. 15.20 КоАП РФ предусматривает наложение административного штрафа на виновных лиц за воспрепятствование осуществлению прав, удостоверенных ценными бумагами [5];

– гражданско-правовая ответственность. Например, возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ) [2];

– налоговая ответственность (глава 16 НК РФ) [8].

Обобщая изложенное, возможно утверждать, что правовая конструкция инвестирования включает широкий спектр прав, обязанностей и ответственности субъектов предпринимательской деятельности, которая включает помимо норм гражданского законодательства, нормы различных отраслей права. Следует отметить и то, что правовое положение инвестора, по сути, промежуточное, между «субъектом, который осуществляет предпринимательскую деятельность» и обычным «физическим лицом».

Особенности правовых форм инвестирования: отличие от иных, схожих форм вложения капитала

Анализ законодательства позволяет обозначить следующие основные формы инвестирования:

– договорное инвестирование. Сущность данной формы заключается в том, что меж-

ду инвестором и лицом, организующим инвестирование (реципиент), заключается договор, по условиям которого инвестор передает определенные ресурсы другой стороне, а последняя берет на себя обязанности по их принятию и использованию по назначению для достижения тех или иных выгод.

В данном случае из самого названия следует, что отношения вытекают из гражданско-правового договора, основанного на равенстве его сторон. Однако следует отметить, что в таком договоре одной из сторон может выступать и публично-правовое образование. В этом случае правовая природа такого договора приобретает сложный характер.

– корпоративная форма инвестирования. В этом случае отношения основаны на корпоративном договоре, иначе еще обозначаемым как учредительный.

При использовании такой формы инвестирования, инвестор получает особые права относительно того или иного юридического лица, в которое было осуществлено инвестиционное вложение. Как указал Верховный суд РФ в одном из своих Обзоров, инвестиции в данной ситуации не должны рассматриваться исключительно с точки зрения увеличения уставного капитала, а также внесения вклада в имущество, так как это понятие включает в себя, в том числе, и дополнительный способ инвестирования в капитал того или иного общества лицами, которые уже являются его участниками [9].

У лица, осуществившего вложение, появляются не только имущественные права, например, на получение дохода от инвестиции, либо иной выгоды, но и корпоративные, которые дают возможность ему оказывать влияние на управление юридическим лицом. К тому же на инвестора возлагаются обязанности, которые возникают в рамках корпоративных отношений.

Следует обратить внимание на то, что такая форма инвестирования предполагает размещение инвестиций с применением различных финансовых инструментов, например ценных бумаг и т. д.

Необходимо отметить, что имеется существенное отличие инвестирования от схожих форм вложений, например вкладов. Инвестиции представляют собой долгосрочные

вложения в различные сферы экономики, тогда как вклады вносятся в финансовые организации с целью их сохранения [13]. Общее между ними есть цель получения прибыли. Однако, если в случае со вкладами вкладчик точно получит в строго оговоренный срок свою выгоду в виде процентов, то в случае инвестиций все иначе: во-первых, нет точного срока получения выгоды, во-вторых, в случае вложения в убыточный проект инвестор не получит вовсе ни дохода, ни вложенных ресурсов.

Рассмотрев две правовые формы инвестирования, отметим, что в обеих формах инвестор передает инвестиции другой стороне. В случае договорного инвестирования инвестор передает их другой стороне (организатору), который их использует по назначению, указанному в договоре (целевое назначение). Что касается корпоративной формы, то инвестиция осуществляется, например, в уставной капитал какого-либо общества, а инвестор приобретает права участника этого общества. Если договорное инвестирование основано на «классических нормах», регулирующих гражданско-правовые договоры, то при корпоративном инвестировании имеется ряд особенностей, касающихся регулирования корпоративных отношений.

Инвестирование как сделка и разновидность предпринимательства. Схемы инвестирования и их классификация

В случае, когда субъекты инвестирования желают оформить сделку, им необходимо заключить ее путем подписания инвестиционного договора, под которым, как правило, понимается соглашение двух или более субъектов инвестиционной деятельности, которое направлено на возникновение, изменение и прекращение инвестиционных отношений. Инвестиционный договор должен обязательно быть заключен именно в письменной форме. Он может быть заключен в простой письменной форме, при которой стороны просто ставят свои подписи на договоре, а также проставляют печать (при ее наличии) или же в нотариальной форме. Инвестиционный договор также может быть заключен в упрощен-

ном порядке, то есть путем обмена письмами, с использованием факса.

Несмотря на то что в законодательстве нет обязательного требования о том, что инвестиционный договор должен быть заключен в письменной форме, такое положение вытекает из его содержания. Это обуславливается тем, что инвестиции – это вложение, которое требует достаточно длительного времени, их цель не может быть достигнута сразу. К тому же в случае заключения договора в устной форме инвестор лишается гарантий, которые устанавливаются в сфере инвестиционной деятельности. Следует обратить внимание на то, что с активным развитием технологий инвестиционные договоры заключаются в электронной форме (приравнивается к письменной).

Говоря о способах заключения указанной сделки, ученые выделяют два способа. Первый – посредством переговоров, на которых обсуждаются все условия, второй – проведение торгов (конкурс или аукцион), на которых уже выбирается инвестор [11, с. 122].

Инвестиционная деятельность – один из видов предпринимательской деятельности, которой присущи признаки предпринимательства, такие как: самостоятельность, систематичность, легитимность, имущественная ответственность, регистрация субъекта, ведущего деятельность, инициативность, риск. Несмотря на то что предпринимательская и инвестиционная деятельность обладают общими признаками, у инвестиционной деятельности есть своя специфика, которая состоит в том, что средства инвестора вкладываются в объекты предпринимательской деятельности с целью извлечения прибыли от использования и эксплуатации этих объектов в будущем.

Что касается классификации, то в науке инвестиции подразделяют на две основные группы: реальные (капиталообразующие) и финансовые. Реальные инвестиции – это в основном долгосрочные вложения средств (капитала) непосредственно в средства производства. Они представляют собой финансовые вложения в конкретный, как правило, долгосрочный проект и обычно связаны с приобретением реальных активов. При этом может быть использован как собственный, так и за-

емный капитал, в том числе и банковский кредит. В таком случае банк также становится инвестором, осуществляющим реальное инвестирование.

Финансовые или портфельные инвестиции – это вложение капитала в проекты, связанные с формированием портфеля ценных бумаг и других активов. В этом случае основной задачей инвестора является формирование и управление оптимальным инвестиционным портфелем, осуществляемое, как правило, посредством операции покупки и продажи ценных бумаг на фондовом рынке. Инвестиционный портфель – это совокупность собранных воедино различных инвестиционных ценностей.

В практике планирования и учета долгосрочные реальные инвестиции могут группироваться по следующим признакам: 1) по уровню централизации источников финансирования: централизованные (средства государственного бюджета), нецентрализованные (собственные средства предприятия, заемные и привлеченные финансовые ресурсы и др.); 2) по технологической структуре (составу работ и затрат): на строительные и монтажные работы, приобретение всех видов оборудования, инструмента и инвентаря, прочие капитальные работы и затраты; 3) по характеру воспроизводства основных фондов: новое строительство, расширение, реконструкция, техническое перевооружение; 4) по способу выполнения работ: подрядным и хозяйственным способом; 5) по назначению: производственного и непроизводственного назначения [7, с. 7].

С точки зрения практики и на основе действующего законодательства возможно обозначить следующие схемы инвестирования:

– купля-продажа доли в уставном капитале юридического лица;

– заем. В этом случае инвестор предоставляет деньги в долг, но при этом возврат инвестиций и получение доходности осуществляется в форме перечисления инвестору определенной части доходов или прибыли бизнеса;

– комбинированная схема финансирования. Инвестор вносит одну часть средств в счет покупки доли, а другую выдает в форме займа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – М. : Кн. мир, 2006. – 543 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 8 дек. (№ 238–239).
3. Иваницкая, И. И. Инвестиции и инвестиционная политика / И. И. Иваницкая // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 53–54.
4. Иншакова, А. О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-правовая реальность / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 дек. (№ 256).
6. Лагоша, О. Н. Инвестирование, инвестиции, доступные физическим лицам / О. Н. Лагоша. – URL: <https://provtech.ru/about/finansovaya-gramotnost/Tema-3.2.pdf>
7. Лукасевич, И. Я. Инвестиции : учебник / И. Я. Лукасевич. – М. : Вуз. учеб. : ИНФРА-М, 2017. – С. 7–8.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. – 1998. – 6 авг. (№ 148–149).
9. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – Июль (№ 7).
10. Полный текст Третьего издания «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) // Рубрикон. – URL: http://www.rubricon.com/bse_1.asp
11. Тимофеев, С. В. Сравнительно-правовой анализ инвестиционного договора и существующих форм гражданско-правовых договоров, оформляемых отношением между субъектами инвестиционной деятельности / С. В. Тимофеев // Вестник РГГУ. Серия «Экономика, управление, право». – 2021. – № 1. – С. 122–123.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17 июня (№ 25). – Ст. 2954.
13. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Российская газета. – 1996. – 10 февр. (№ 27).
14. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской

Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Российская газета. – 1999. – 4 марта (№ 41–42).

15. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – 1 марта (№ 9). – Ст. 1096.

16. Шор, Д. М. Понятие и разновидности инвестирования / Д. М. Шор. – URL: https://volsu.ru/DopObraz/financial/inmedia/Shor_D_Ponjtie_investirovania.pdf

REFERENCES

1. Borisov A.B. *Bolshoj ekonomicheskij slovar* [Great Economic Dictionary]. Moscow, Kn. mir Publ., 2006. 543 p.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1994, Dec. 8 (no. 238-239).
3. Ivanitskaya I.I. Investicii i investicionnaya politika [Investments and Investment Policy]. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2006, no. 2, pp. 53-54.
4. Inshakova A.O. Teoreticheskaya model subyektivnyh prav i yuridicheskikh obyazannostej: gosudarstvenno-pravovaya realnost [A Theoretical Model of Equitable Rights and Legal Obligations: The State-Legal Reality]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>
5. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2001, Dec. 31 (no. 256).
6. Lagosha O.N. *Investirovanie, investicii, dostupnye fizicheskim licam* [Investing, Investments Available to Individuals]. URL: <https://provtech.ru/about/finansovaya-gramotnost/Tema-3.2.pdf>
7. Lukasevich I.Ya. *Investicii: uchebnik* [Investments. Textbook]. Moscow, Vuz. ucheb. Publ., INFRA-M Publ., 2017, pp. 7-8.

8. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ [Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998, No. 146-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1998, Aug. 6 (no. 148-149).

9. Obzor praktiki razresheniya sudami sporov, svyazannyh s zashchitoy inostrannyh investorov (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 12.07.2017) [Review of the Practice of Court Resolution of Disputes Related to the Protection of Foreign Investors (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation July 12, 2017)]. *Byulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2018, July (no. 7).

10. Polnyj tekst Tretyego izdaniya «Bolshoj sovetskoj enciklopedii» (BSE) [Full Text of the Third Edition of the “Bolshaya Sovetskaya Encyclopedia” (BSE)]. *Rubrikon*. URL: http://www.rubrikon.com/bse_1.asp

11. Timofeev S.V. Sravnitelno-pravovoj analiz investicionnogo dogovora i sushchestvuyushchih form grazhdansko-pravovyh dogovorov, oformlyаемых otношением mezhdru subyektami investicionnoj deyatel'nosti [Comparative-Legal Analysis of the Investment Agreement and Existing Forms of Civil-Law Contracts, Formalized by the Relationship Between the Subjects of Investment Activity]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika, upravlenie, pravo»* [Vestnik RSUHU. Series “Economics, Management, Law”], 2021, no. 1, pp. 122-123.

12. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation from June 13, 1996, No. 63-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, June 17 (no. 25), art. 2954.

13. Federalnyj zakon ot 02.12.1990 № 395-1 «O bankah i bankovskoj deyatel'nosti» [Federal Law No. 395-1 Dated December 2, 1990 “On Banks and Banking Activity”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1996, Febr. 10 (no. 27).

14. Federalnyj zakon ot 25.02.1999 № 39-FZ «Ob investicionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushchestvlyаемой v forme kapitalnyh vlozhenij» [Federal Law of February 25, 1999, No. 39-FZ “On Investment Activity in the Russian Federation, Carried Out in the Form of Capital Investments”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1999, Mar. 4, (no. 41-42).

15. Federalnyj zakon ot 25.02.1999 № 39-FZ «Ob investicionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushchestvlyаемой v forme kapitalnyh vlozhenij» [Federal Law of February 25, 1999, No. 39-FZ “On Investment Activity in the Russian Federation, Carried Out in the Form of Capital Investments”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, Mar. 1 (no. 9), art. 1096.

16. Shor D.M. *Ponyatie i raznovidnosti investirovaniya* [The Concept and Varieties of Investment]. URL: https://volsu.ru/DopObraz/financial/inmedia/Shor_D_Ponjtie_investirovaniya.pdf

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Candidate of Sciences (Economics), Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Senior Researcher, Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Sovetskaya St, 6, 404111 Volzhsky, Russian Federation, dmatytsin@yandex.ru, matytsin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Волжский институт экономики, педагогики и права, ул. Советская, 6, 404111 г. Волжский, Российская Федерация, dmatytsin@yandex.ru, matytsin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.13>

UDC 347.1

LBC 67.402

Submitted: 20.05.2024

Accepted: 22.06.2024

THE LEGAL REGIME OF THE INVESTMENT PROTECTION AND PROMOTION AGREEMENT

Ekaterina A. Zemlyacheva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with a new contractual structure – the investment protection and promotion agreement, which is one of the investment instruments aimed at stimulating interaction between a public legal entity and a private legal entity. According to the author, Investment Protection and Promotion Agreements are part of a group of investment agreements mediating the mechanisms of a public-private partnership. **The purpose** of the paper is to study the problems related to the concept, legal nature, and content of the investment protection and promotion agreement. The author also examines the place of the agreement under study in the system of investment contracts and the relationship with related concepts and categories, including the issue of applying the provisions of civil legislation to it. **Methods:** both the general scientific and specific scientific methods of scientific cognition are used, among which one can distinguish systematic, dialectical, structural and functional, etc. The methods of formal legal, comparative law, and legal forecasting allow taking into account the specifics of the legal nature of the concepts under study, comparing homogeneous legal phenomena, and identifying prospects for the development of legal relations in dynamics. **Results:** an analysis of the new contractual structure on attracting investments – the investment protection and promotion agreement led to the conclusion of the legislative confusion and difficulty in determining its content and legal nature. **Conclusions:** the author concludes that it is difficult to determine the legal nature of the investment protection and promotion agreement (IPPA) today due to the imperfection of the Federal Law “On the Investment Protection and Promotion in the Russian Federation,” which does not allow to unequivocally answer the question of whether an investment project should be implemented within the framework of the IPPA itself, or whether it is also necessary to conclude an additional agreement. It is claimed that the IPPA is an unnamed agreement that has no analogues in the Russian legislation. It is concluded that the structure of the IPPA includes the implementation of an investment project. According to the author, until clarification is made to the Federal Law “On the Investment Protection and Promotion in the Russian Federation,” the IPPA will not be implemented in practice.

Key words: investments, investment activity, investment protection and promotion agreement, public-private partnership, civil law contract, legal nature of the agreement.

Citation. Zemlyacheva E.A. The Legal Regime of the Investment Protection and Promotion Agreement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 98-106. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.13>

УДК 347.1

ББК 67.402

Дата поступления статьи: 20.05.2024

Дата принятия статьи: 22.06.2024

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СОГЛАШЕНИЯ О ЗАЩИТЕ И ПООЩРЕНИИ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ

Екатерина Анатольевна Землячева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена новой договорной конструкции – соглашению о защите и поощрении капиталовложений, которое является одним из инвестиционных инструментов, направленных на стимулирование взаимодействия между публично-правовым субъектом и субъектом частного права. Соглашения о защите и поощрении капиталовложений, по мнению автора, входят в группу инвестиционных договоров,

опосредующих механизмы государственно-частного партнерства. **Целью** настоящей статьи является исследование проблем, связанных с понятием, правовой природой и содержанием соглашения о защите и поощрении капиталовложений. Автором рассматривается также место изучаемого соглашения в системе инвестиционных договоров, соотношение со смежными понятиями и категориями, в том числе вопрос о применении к нему положений гражданского законодательства. **Методы:** используются как общенаучные, так и частнонаучные методы, среди которых можно выделить системный, диалектический, структурно-функциональный и т. д. Методы формально-юридического, сравнительно-правового и правового прогнозирования позволяют учитывать специфику правовой природы исследуемых понятий, сравнивать однородные юридические явления, выявлять перспективы развития правоотношений в динамике. **Результаты:** анализ новой договорной конструкции о привлечении инвестиций – соглашения о защите и поощрении капиталовложений – привел к выводу о законодательной путанице и сложности при определении его содержания и правовой природы. **Выводы:** автор приходит к выводу о сложности определения правовой природы соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), обусловленной несовершенством Федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации», не позволяющего однозначно ответить на вопрос, должен ли реализоваться инвестиционный проект в рамках самого СЗПК или необходимо заключить еще и дополнительный договор. Утверждается, что СЗПК – непоименованный договор, аналогов которого в российском законодательстве нет, и что его конструкция включает в себя и реализацию инвестиционного проекта. По мнению автора, до внесения ясности в Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» на практике СЗПК реализованы не будут.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, соглашение о защите и поощрении капиталовложений, публично-частное партнерство, гражданско-правовой договор, правовая природа соглашения.

Цитирование. Землячева Е. А. Правовой режим соглашения о защите и поощрении капиталовложений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 98–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.13>

Введение

В связи с существенным изменением экономических отношений в современных условиях существует объективная потребность во внедрении различного рода мер государственной поддержки частных инвесторов, заинтересованных в реализации инвестиционных проектов. Так, Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» был введен принципиально новый, ранее неизвестный отечественному праву механизм поддержки – соглашение о защите и поощрении капиталовложений (далее – СЗПК, Соглашение) [11]. Также указанным Законом были заложены основы для формирования единого реестра всех ныне существующих мер государственной поддержки с целью их систематизации и последующей унификации норм, регулирующих инвестиционную деятельность [2, с. 109].

Невзирая на то что Федеральный закон был принят в апреле 2020 г., долгое время содержащиеся в нем положения оставались теоретическими и не нашедшими своего отражения в действительности. Первые Соглаше-

ния были заключены лишь в декабре 2020 г., что обусловлено необходимостью формирования надлежащего массива нормативной базы, регулирующей соответствующий механизм. В Москве практически сразу были заключены три СЗПК с совокупным объемом инвестиций 24 млрд руб. [3].

Во исполнение вышеуказанного Закона Правительством РФ было принято Постановление от 1 октября 2020 г. № 1577, устанавливающее правила заключения, изменения и прекращения действия соглашений о защите и поощрении капиталовложений, что существенно повысило точность в реализации данного механизма [7]. Указанные правила действовали вплоть до 1 апреля 2021 года. После истечения их срока для утверждения новых Правил потребовалось еще полтора года.

Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2022 г. № 1602 было возобновлено заключение СЗПК [8]. Поправки в ранее утвержденные Правила были разработаны с учетом правоприменительной практики, в том числе ранее заключенных СЗПК совокупной стоимостью 1,28 трлн руб. [9]. Возобновление возможности заключения Соглашений оказалось востребованным, и уже в декабре

2022 г. было заключено первое Соглашение по обновленному механизму с компанией «Промышленные технологии», планирующей построить на территории Волгоградской области завод по производству метанола [4].

Помимо указанных актов, ключевыми в регулировании данного механизма в настоящее время являются Постановление Правительства РФ от 3 октября 2020 г. № 1599 и Приказ Министерства экономического развития РФ от 14 декабря 2020 г. № 825, закрепляющие правила возмещения затрат на инфраструктуру при реализации предусмотренных Законом инвестиционных проектов.

Результаты и обсуждение

Опыт заключения подобных соглашений достаточно распространен в развивающихся странах, что обусловлено неустойчивостью экономики и, как следствие, высокими рисками для предпринимательской деятельности. Так, аналогичная гарантия стабильности в сфере налогового законодательства и законодательства о занятости населения в области привлечения иностранной силы предусмотрена в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан (гл. 25).

Следует также отметить, что в Российской Федерации в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ, помимо вышеуказанного, предусмотрена правовая защита иностранных инвесторов, которая предполагает невозможность применения норм, ухудшающих положение иностранных инвесторов. Согласно официальным данным Министерства экономического развития РФ, в настоящее время между РФ и иностранными государствами заключено 82 Соглашения, действующими из них на сегодня являются 65 [5].

В соответствии со ст. 10 Федерального закона № 69-ФЗ по соглашению о защите и поощрении капиталовложений, публично-правовое образование обязуется гарантировать организации, занимающейся реализацией инвестиционного проекта, неприменение в отношении нее определенного рода правовых норм, ухудшающих ее положение. Из указанного пункта статьи следует, что объектом данного соглашения является инвестиционный про-

ект, под которым следует понимать проект, нацеленный на создание / модернизацию и последующую эксплуатацию объектов недвижимого имущества, и (или) комплекса объектов движимого и недвижимого имущества, и (или) результатов интеллектуальной деятельности.

Любой инвестиционный проект характеризуется ограниченностью во времени и ресурсах, направленностью на создание или модернизацию объектов, новизной и соответствием направлениям экономики, указанным в Законе. Кроме того, объем финансирования определенного проекта должен быть произведен за счет собственных средств, без привлечения займодавцев.

Как уже было отмечено ранее, предметом инвестиционного проекта является один или несколько последовательных элементов, в частности это создание и последующая эксплуатация, модернизация и последующая эксплуатация и др. Соответственно, по своему содержанию инвестиционный проект является сложным механизмом и включает в себя одновременно и инвестиционную, и эксплуатационную стадии.

Объектом проекта может признаваться недвижимое имущество, комплекс объектов движимого и недвижимого имущества, результаты интеллектуальной деятельности и (или) средства индивидуализации.

К целевой направленности инвестиционного проекта каких-либо специальных требований законодательством установлено не было. Целевое назначение определяется исключительно заявителем без каких-либо ограничений [1, с. 6]. В качестве цели проекта может быть установлено и извлечение прибыли, и достижение иного полезного эффекта.

Для заключения Соглашения инвестиционный проект должен отвечать критерию новизны, что предполагает четкое соблюдение временных границ, установленных в ст. 2 Федерального закона № 69-ФЗ.

При нарушении временных рамок в заключении Соглашения должно быть отказано.

Еще одним важным показателем, характеризующим любой инвестиционный проект, является наличие определенного минимального размера капиталовложений, который зависит от сферы экономики. Так, для заключения СЗПК с Российской Федерацией в области

здравоохранения требуется не менее 250 млн руб., а для сферы обрабатывающего производства – уже не менее 1,5 млрд рублей.

Соответственно, для заключения соглашения о защите и поощрении капиталовложений в рамках реализации инвестиционного проекта к последнему предъявляется ряд обязательных требований, несоответствие которым влечет за собой невозможность такого заключения.

Обязательные стороны СЗПК – организация, занимающаяся разработкой и реализацией инвестиционного проекта, и субъект (субъекты) Российской Федерации. В некоторых случаях в качестве сторон выступают Российская Федерация и ее муниципальные образования.

Организацией, реализующей проект, может стать любое российское юридическое лицо (кроме государственных и муниципальных унитарных предприятий, учреждений) либо проектная компания, цели создания которой обусловлены необходимостью реализации соответствующего проекта. К последней предъявляются два дополнительных требования: во-первых, более 90 % выручки должно поступать от реализации данного проекта; во-вторых, в учредительных документах организации в качестве предмета деятельности должна быть указана реализация проекта.

Второй обязательной стороной соглашения о защите и поощрении капиталовложений выступает субъект (субъекты) Российской Федерации, на территории которого(-ых) данный проект планируется реализовать. В случае реализации инвестиционного проекта на территории нескольких субъектов, каждый из них должен выступать самостоятельной стороной Соглашения.

Волю субъекта РФ выражает уполномоченный на то орган государственной власти субъекта. Так, Постановлением Администрации Волгоградской области от 12 августа 2020 г. № 479-п в качестве такого органа был определен комитет экономической политики и развития Волгоградской области [6].

В качестве одной из сторон при соблюдении соответствующего требования к надлежащему объему капиталовложений может привлекаться Российская Федерация, от имени которой уполномоченным органом в обла-

сти заключения Соглашений является Министерство экономического развития РФ.

Участником Соглашения может быть муниципальное образование, необходимость участия которого определяется наличием мер муниципальной поддержки.

Важно отметить, что каждое публично-правовое образование отвечает за неприменение к контрагенту по данному Соглашению только собственных актов, то есть, к примеру, Российская Федерация не будет нести ответственность за применение или неприменение правовых актов Волгоградской области по вопросу налогообложения на имущество организаций.

Для поддержки частных инвесторов и развития инвестиционной сферы государство предусмотрело возможность заключения соглашения о защите и поощрении капиталовложений, которое по определению выгодно для каждой из сторон (принцип «win-win»). Для инвестора СЗПК уменьшает риск-премию проекта, гарантируя неизменность законодательства, снимает инфраструктурные ограничения за счет дополнительного финансового вычета. Для государства преимущества состоят в стимулировании капитальных инвестиций в экономику, улучшении инвестиционного климата за счет регулярной стабилизации, отсутствии оттока дополнительных средств бюджета, для финансового партнера – заключение соглашения о защите и поощрении капиталовложений снижает оценки рисков.

Правовая природа Соглашения выражается в закреплении юридически значимых обстоятельств между публично-правовыми образованиями и частными организациями по вопросу реализации долгосрочных инвестиционных проектов. Содержание Соглашения сводится к тому, что публично-правовое образование обязуется не применять в отношении организации определенные акты соответствующих органов власти, ухудшающих осуществление указанной в Соглашении деятельности и вступивших в силу после заключения такого Соглашения (стабилизационная оговорка), а организация приобретает право требовать такого неприменения. Важно отметить, что публично-правовое образование не обязуется при этом заниматься реализацией инвестиционных проектов или чем-то иным, связан-

ным с непосредственным ведением инвестиционной деятельности.

Стабилизационная оговорка может применяться исключительно в отношении организации, заключившей такое Соглашение, и только в той части, которая имеет прямое отношение к инвестиционному проекту. Предмет стабилизационной оговорки (правовые акты) и срок ее действия определяются объемом капиталовложений и уровнем публично-правового образования, являющегося участником соглашения о защите и поощрении капиталовложений.

Помимо неприменения актов органов власти, организации, занимающейся инвестиционной деятельностью, может быть предоставлена мера поддержки в виде возмещения затрат на обеспечивающую и сопутствующую инфраструктуру. Перечень таких объектов регламентируется Приказом Минэкономразвития России от 14 декабря 2020 г. № 825 [10]. В частности, к ним относятся объекты транспортной, энергетической, коммунальной, социальной и цифровой инфраструктуры.

Подача заявления о заключении Соглашения, его рассмотрение и заключение осуществляются с использованием Государственной информационной системы «Капиталовложения», введенной в действие 1 июня 2022 года. СЗПК заключается в заявительном порядке без конкурсных процедур, то есть государство обязано заключить Соглашение с каждой обратившейся организацией, отвечающей требованиям действующего законодательства РФ.

Заключение соглашения о защите и поощрении капиталовложений представляет собой достаточно сложную последовательность действий. Рассмотрим более детально процесс заключения такого Соглашения с Российской Федерацией. Организация, занимающаяся реализацией инвестиционного проекта, направляет заполненное по форме заявление о заключении Соглашения и материалы к нему в Минэкономразвития. В течение 1 рабочего дня Минэкономразвития передает полученные документы на рассмотрение в ВЭБ РФ, которое должно быть осуществлено в срок до 30 рабочих дней. После рассмотрения соответствующей заявки ВЭБ РФ дает заключение о соответствии проекта и направляет его в

субъект РФ в течение 5 рабочих дней, одновременно уведомляя Минэкономразвития РФ и передавая ему комплект поступивших документов и заключение по нему. В течение 4 рабочих дней Министерство подписывает СЗПК, после чего 5 рабочих дней занимает регистрация Соглашения Федеральным казначейством. Минэкономразвития направляет зарегистрированное СЗПК в ВЭБ РФ, который в последующем передает его организации-заявителю.

Важно отметить, что СЗПК, в соответствии с ныне действующим законодательством, должно быть заключено не позднее 1 января 2030 года.

После заключения Соглашения соответствующая организация и публично-правовое образование признаются сторонами Соглашения и обязаны исполнять возложенные на них обязательства в соответствии с условиями Соглашения.

Изменение условий СЗПК возможно в исключительных случаях. Так, законодательно закреплена такая возможность в связи с появлением информации о связанных с Соглашением договорах, увеличением срока стабилизационной оговорки, необходимостью расширения перечня актов, не подлежащих применению, изменением реквизитов сторон и в иных случаях, предусмотренных ч. 6 ст. 11 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ.

По общему правилу, Соглашение действует до полного исполнения сторонами своих обязательств. Досрочное прекращение возможно в любое время по соглашению сторон, если это не нарушает условий связанных договоров. В случае выявления публично-правовым образованием нарушений Соглашения со стороны организации, первое вправе требовать расторжения, также это возможно в связи с ликвидацией организации, введением в отношении нее конкурсного производства и пр. Организация же вправе требовать расторжения Соглашения в случае существенного нарушения условий публично-правовым образованием.

Связанными договорами признаются договоры, содержание которых состоит в действии реализации инвестиционного проекта при условии, что соответствующая информация о них занесена в реестр соглашений о

защите и поощрении капиталовложений. К связанным договорам относят договоры о предоставлении субсидий, бюджетных инвестиций, кредитные договоры по льготной ставке за счет средств бюджета, договоры между регулируемой организацией и организацией, реализующей проект (в определенных законодательством случаях).

Для признания договора связанным он должен соответствовать требованиям к виду, предмету и стороне договора, критерию направленности на содействие реализации инвестиционного проекта и дате заключения договора.

Законодательством предусмотрена ответственность публично-правового образования в случае нарушения условий связанных договоров. Объем и общие условия такой ответственности регламентируются ст. 12 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ.

Несмотря на связанный характер указанных договоров и соглашения о защите и поощрении капиталовложений, утрата силы последним не влечет за собой автоматического прекращения прав и обязанностей сторон по связанным договорам.

За нарушение условий СЗПК организация обязана возместить убытки государству, если для реализации проекта были использованы средства Фонда национального благосостояния, бюджетные инвестиции или же бюджетные гарантии. К примеру, такое возмещение должно произойти в случае, если при заключении Соглашения были предоставлены сведения, не соответствующие действительности. Каких-либо ограничений или правил определения размера возмещения в законодательстве не предусмотрено.

Меры ответственности могут применяться не только по отношению к частным организациям, но и к государству. По общему правилу, ответственность государства ограничена. В ст. 12 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ содержится закрытый перечень оснований для привлечения публично-правового образования к ответственности. Так, ответственность в виде возмещения реального ущерба организации предусмотрена в случае, если государством будут нарушены условия связанных договоров или стабилизационная оговорка (за исключе-

нием налогового законодательства). Для привлечения публично-правового образования к ответственности существует достаточно сложный механизм и масса условий. К примеру, организация не должна иметь долг по обязательным платежам, связанным с реализацией проекта.

Исключительным для практической деятельности случаем является возмещение убытков частной стороне, которое возможно лишь в том случае, когда государство взяло на себя обязательства по обеспечению защиты от ухудшения финансовых показателей и в последующем невыполнении его или выполнении ненадлежащим образом.

Порядок рассмотрения споров, возникающих по вопросам действия соглашений о защите и поощрении капиталовложений, регулируется ст. 13 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ. В соответствии с положениями данной статьи при возникновении противоречий стороны должны стремиться урегулировать конфликты путем переговоров. При возникновении обстоятельств, свидетельствующих о наличии спора, сторона (стороны) направляют противоположной стороне уведомление с описанием возникших проблем и предложением урегулировать их в досудебном порядке. Действия по такому урегулированию должны быть осуществлены в течение 3 месяцев с момента получения соответствующего уведомления. Если спор не удалось урегулировать во внесудебном порядке, по инициативе сторон или одной из них он должен быть рассмотрен компетентным судом или в рамках арбитража (третейского разбирательства) при условии, что было заключено арбитражное соглашение.

Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2022 г. № 1602 в качестве уполномоченного федерального органа, осуществляющего мониторинг исполнения условий Соглашения и принимающего решения о расторжении соответствующих Соглашений, было определено Министерство экономического развития Российской Федерации. В качестве уполномоченной на проведения мониторинга была также определена государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» [8].

Уполномоченные лица осуществляют мониторинг в целях проверки исполнения усло-

вий Соглашения и условий реализации проекта, установления обстоятельств, влекущих за собой изменение или расторжение Соглашения, подготовки соответствующей справки.

В случае если Российская Федерация не является стороной СЗПК, правила осуществления контроля за исполнением условий Соглашений устанавливаются соответствующими публично-правовыми образованиями.

Заключение

Как представляется, на сегодняшний день определиться с правовой природой СЗПК весьма сложно, что обусловлено в первую очередь несовершенством Закона о ЗПК, не позволяющего однозначно ответить на вопрос, должен ли реализоваться инвестиционный проект в рамках самого СЗПК или необходимо заключить еще и дополнительный договор. Можно утверждать то, что СЗПК – непоименованный договор, аналогов которого в российском законодательстве нет, а также предположить, что конструкция СЗПК все же включает в себя и реализацию инвестиционного проекта. Кроме того, можно прогнозировать и то, что до внесения ясности по обозначенным выше вопросам в Закон о ЗПК на практике СЗПК реализованы не будут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншакова, А. О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-правовая реальность / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>

2. Матыцин, Д. Е. Развитие правового регулирования ключевых технологий Индустрии 4.0: цифровые токены как особые инвестиционные инструменты / Д. Е. Матыцин // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 109–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

3. Москва привлечет около 25 млрд рублей инвестиций в рамках СЗПК // *Росинфра*. – URL: <https://rosinfra.ru/news/moskva-privlechet-okolo-25-mlrd-rublej-investicij-v-ramkah-szpk>

4. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2022 года // *Росинфра*. – URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/2a0/2a0fc28e87a60d5efb9b37b0207db764.pdf>

5. Перечень соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений // *Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации*. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/investicionnye_soglasheniya/perechen_soglasheniy_mezhdu_pravitelstvom_rf_i_pravitelstvami_inostrannyh_gosudarstv_o_pooshchrenii_i_vzaimnoy_zashchite_kapitalovlozheniy/

6. Постановление Администрации Волгоградской области от 12.08.2020 № 479-п «Об определении комитета экономической политики и развития Волгоградской области органом исполнительной власти Волгоградской области, уполномоченным на осуществление отдельных полномочий в сфере защиты и поощрения капиталовложений» // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/570896089>

7. Постановление Правительства РФ от 01.10.2020 № 1577 «Об утверждении Правил заключения, изменения, прекращения действия соглашений о защите и поощрении капиталовложений, ведения реестра соглашений о защите и поощрении капиталовложений» (в настоящее время утратило силу) // *Собрание законодательства РФ*. – 2020. – 12 окт. (№ 41). – Ст. 6421.

8. Постановление Правительства РФ от 13.09.2022 № 1602 «О соглашениях о защите и поощрении капиталовложений» // *Собрание законодательства РФ*. – 2022. – 26 сент. (№ 39). – Ст. 6602.

9. Правительство утвердило новый порядок заключения СЗПК // *Официальный сайт Правительства РФ*. – URL: <http://government.ru/docs/46511/>

10. Приказ Минэкономразвития России от 14.12.2020 № 825 «Об утверждении перечня объектов инфраструктуры, затраты в отношении которых подлежат возмещению в соответствии с Правилами предоставления из федерального бюджета субсидий юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений, государственных (муниципальных) предприятий) на возмещение затрат на создание (строительство), модернизацию и (или) реконструкцию обеспечивающей и (или) сопутствующей инфраструктур, необходимых для реализации инвестиционного проекта, в отношении которого заключено соглашение о защите и поощрении капиталовложений, а также затрат на уплату процентов по кредитам и займам, купонных платежей по облигационным займам, привлеченным на указанные цели, и определения объема возмещения указанных затрат, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 3 октября 2020 г. № 1599, и

параметров свободной мощности таких объектов инфраструктуры» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

11. Федеральный закон» от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – 6 апр. (№ 14, ч. I). – Ст. 1999.

REFERENCES

1. Inshakova A.O. Teoreticheskaya model subyektivnyh prav i yuridicheskikh obyazannostej: gosudarstvenno-pravovaya realnost [A Theoretical Model of Equitable Rights and Legal Obligations: The State-Legal Reality]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>
2. Matytsin D.E. Razvitie pravovogo regulirovaniya klyuchevykh tekhnologij Industrii 4.0: cifrovye tokeny kak osobyie investicionnye instrumenty [The Legal Regulation Development of Key Technologies of Industry 4.0: Digital Tokens as Special Investment Instruments]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 109-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>
3. Moskva privlechet okolo 25 mlrd rublej investicij v ramkah SZPK [Moscow Will Attract About 25 Billion Rubles of Investments Under the IPPA]. *Rosinfra*. URL: <https://rosinfra.ru/news/moskva-privlechet-okolo-25-mlrd-rublej-investicij-v-ramkah-szpk>
4. Osnovnye trendy i statistika rynka GChP po itogam 2022 goda [The Main Trends and Statistics of the PPP Market at the End of 2022]. *Rosinfra*. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/2a0/2a0fc28e87a60d5efb9b37b0207db764.pdf>
5. Perechen soglashenij mezhdru Pravitelstvom Rossijskoj Federacii i pravitelstvami inostrannyh gosudarstv o pooshchrenii i vzaimnoj zashchite kapitalovlozhenij [List of Agreements Between the Government of the Russian Federation and Foreign Governments on the Promotion and Mutual Protection of Investments]. *Oficialnyj sajt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii* [Official Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/investicionnye_soglasheniya/perechen_soglasheniy_mezhdru_pravitelstvom_rf_i_pravitelstvami_inostrannyh_gosudarstv_o_pooshchrenii_i_vzaimnoj_zashchite_kapitalovlozheniy/
6. Postanovlenie Administracii Volgogradskoj oblasti ot 12.08.2020 № 479-p «Ob opredelenii komiteta ekonomicheskoy politiki i razvitiya Volgogradskoj oblasti organom ispolnitelnoj vlasti Volgogradskoj oblasti, upolnomochennym na osushchestvlenie otдел'nyh polnomochij v sfere zashchity i pooshchreniya kapitalovlozhenij» [Resolution of the Administration of the Volgograd Region Dated August 12, 2020 No. 479-p “On the Definition of the Committee for Economic Policy and Development of the Volgograd Region by the Executive Authority of the Volgograd Region Authorized to Exercise Certain Powers in the Field of Protecting and Encouraging Investment”]. *Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* [Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570896089>
7. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 01.10.2020 № 1577 «Ob utverzhdenii Pravil zaklyucheniya, izmeneniya, prekrashcheniya dejstviya soglashenij o zashchite i pooshchrenii kapitalovlozhenij, vedeniya reestra soglashenij o zashchite i pooshchrenii kapitalovlozhenij» (v nastoyashchee vremya utratilo silu) [Decree of the Government of the Russian Federation Dated October 1, 2020 No. 1577 “On Approval of the Rules for the Conclusion, Amendment, Termination of Agreements on the Protection and Encouragement of Investments, Maintaining a Register of Agreements on the Protection and Encouragement of Investments” (Now Expired)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2020, Oct. 12 (no. 41), art. 6421.
8. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 13.09.2022 № 1602 «O soglasheniyah o zashchite i pooshchrenii kapitalovlozhenij» [Decree of the Government of the Russian Federation Dated September 13, 2022 No. 1602 “On Agreements on the Protection and Encouragement of Investments”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2022, Sept. 26 (no. 39), art. 6602.
9. Pravitelstvo utverdilo novyj poryadok zaklyucheniya SZPK [The Government Approved a New Procedure for Concluding IPPA]. *Oficialnyj sajt Pravitelstva RF* [Official Website of the Government of the Russian Federation]. URL: <http://government.ru/docs/46511/>
10. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 14.12.2020 № 825 «Ob utverzhdenii perechnya obyektov infrastruktury, zatraty v otnoshenii kotoryh podlezhut vozmeshcheniyu v sootvetstvii s Pravilami predostavleniya iz federalnogo byudzheta subsidij yuridicheskim licam (za isklyucheniem gosudarstvennyh (municipalnyh) uchrezhdenij, gosudarstvennyh (municipalnyh) predpriyatij) na vozmeshchenie zatrat na sozdanie (stroitelstvo), modernizaciyu i (ili) rekonstrukciyu obespechivayushchej i (ili) soputstvuyushchej infrastruktur, neobhodimyh dlya realizacii investicionnogo proekta, v otnoshenii kotorogo

zaklyucheno soglasenie o zashchite i pooshchrenii kapitalovlozhenij, a takzhe zatrat na uplatu procentov po kreditam i zajmam, kuponnyh platezhej po obligacionnym zajmam, privlechennym na ukazannye celi, i opredeleniya obyema vozmeshcheniya ukazannyh zatrat, utverzhdannymi postanovleniem Pravitelstva Rossijskoj Federacii ot 3 oktyabrya 2020 g. No. 1599, i parametrov svobodnoj moshchnosti takih obyektov infrastruktury» [Order of the Ministry of Economic Development of Russia Dated December 14, 2020 No. 825 “On Approval of the List of Infrastructure Facilities, the Costs of Which Are Subject to Reimbursement in Accordance with the Rules for the Provision of Subsidies from the Federal Budget to Legal Entities (Except for State (Municipal) Institutions, State (Municipal) Enterprises) to Reimburse the Costs of Creating (Construction), Modernization and/or Reconstruction of Supporting and/or Related Infrastructures, Necessary for the Implementation of

an Investment Project in Respect of Which an Agreement on the Protection and Promotion of Investment Has Been Concluded, as Well as the Costs of Paying Interest on Loans and Borrowings, Coupon Payments on Bond Loans Raised for the Specified Purposes and Determination of the Amount of Reimbursement of the Specified Costs, Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of October 3, 2020 No. 1599, and Parameters of Free Capacity of Such Infrastructure Facilities”]. *Oficialnyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://pravo.gov.ru>. 31.12.2020

11. Federalnyj zakon ot 01.04.2020 № 69-FZ «O zashchite i pooshchrenii kapitalovlozhenij v Rossijskoj Federacii» [Federal Law Dated April 1, 2020 No. 69-FZ “On the Protection and Encouragement of Investment in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2020, Apr. 6 (no. 14, part I), art. 1999.

Information About the Author

Ekaterina A. Zemlyacheva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, 89162110211@mail.ru, zemlyacheva@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1977-6610>

Информация об авторе

Екатерина Анатольевна Землячева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, 89162110211@mail.ru, zemlyacheva@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1977-6610>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.14>

UDC 347.27
LBC 67.404

Submitted: 01.06.2024
Accepted: 25.06.2024

POST-COVID SYNDROME AS A DEFECT OF A TRANSACTION THROUGH THE EXAMPLE OF A MORTGAGE AGREEMENT

Olesya A. Belova

Volgograd Institute of Management (Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration), Volgograd, Russian Federation

Introduction: currently, society is faced with a very important and urgent task: formatting the established foundations of civil circulation with the participation of individuals in connection with the manifestation of the negative consequences of a new coronavirus infection. Representatives from the medical community have stated that the emergence of a new disease can have negative consequences for a person's mental health. The concern of law enforcement officers is caused by the fact that over the past 3–5 years, the cases of court proceedings for invalidation of a transaction on the grounds of Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation have become more frequent, as committed at the time of ignorance and misunderstanding of the consequences of the transaction not related to the indicators of the individual's legal capacity as a whole. Undermining the stability of civil circulation, especially in terms of concluding and executing transactions, increases when one of the parties is a capable citizen who, due to a previous coronavirus infection, has deviations from a normal mental state (post-COVID syndrome). The potential for nullifying such transactions and, subsequently, disrupting the dynamics of civil circulation highlights the necessity for the development and implementation of a set of methods and mechanisms that are not primarily legislative in nature but rather focus on flexible enforcement. These methods and mechanisms should be designed to address the negative manifestations, including those caused by the deterioration of an individual's mental health following a SARS-CoV-2 infection, in the context of significant structural changes in social, environmental, and economic activities. In light of the above, one of the challenges for civilists is the humane and fair application of the provisions on invalidation of the transaction due to the inability of a person to realize and bear responsibility for decisions made due to deviations from the norm of mental health as a result of a coronavirus infection. Of particular importance in the light of the issue under study is the analysis of judicial practice, which allows studying the specifics of law enforcement on this issue and identifying blocks of perspectives in the judicial review of such disputes, taking into account the opinions of representatives of medicine focused on identifying negative consequences in human mental health. Thus, to a greater extent in the practice of civil law than in science, there is a need to formulate the problems of the legal regulation of invalidation of a transaction on the grounds of Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation and propose fair, wise, and objective ways to resolve judicial conflicts, which is the **purpose** of the study. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are analysis, synthesis, generalization, and comparative jurisprudence. **Results:** the author has studied the judicial practice of modern times on the issue of invalidation of transactions through the example of a mortgage agreement. The analysis has made it possible to recognize that the consequences of a coronavirus infection can affect the psychiatric and mental state of a legally capable person in such a way that the person is unable to realize and understand the consequences of the actions performed. The main result is the **conclusion** that within the framework of resolving the issue of invalidation of the transaction due to the inability of a person to realize the consequences of his actions, it is necessary to consider in detail the arguments of the person who has applied for judicial protection, including taking into account those medical indicators that normally do not affect the legal capacity of an individual but have a negative effect on mental health.

Key words: coronavirus infection, legal capacity, mental health, contract law, stability of civil circulation, invalidation of the contract.

Citation. Belova O.A. Post-COVID Syndrome as a Defect of a Transaction Through the Example of a Mortgage Agreement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 107-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.14>

ПОСТКОВИДНЫЙ СИНДРОМ КАК ПОРОК СДЕЛКИ НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА ОБ ИПОТЕКЕ

Олеся Александровна Белова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в настоящее время общество столкнулось с весьма важной и актуальной задачей, – формирование сложившихся устоев гражданского оборота с участием физических лиц в связи с проявлением негативных последствий новой коронавирусной инфекции. Возникновение нового заболевания, как констатируют представители медицинского сообщества, имеет негативные последствия для человека и его психического здоровья. Озабоченность правоприменителей вызвана тем фактором, что за последние 3–5 лет участились случаи судебных разбирательств на предмет признания сделки недействительной по основаниям ст. 177 Гражданского кодекса РФ, как совершенной в момент неосознания и непонимания последствий сделки, не сопряженной с показателями дееспособности индивидуума в целом. Подрыв стабильности гражданского оборота в части заключения и исполнения сделок, одной из сторон которой выступает дееспособный гражданин, но в силу перенесенной инфекции коронавируса имеет отклонения от нормального психического состояния (постковидный синдром), проявление рисков признания таковых сделок недействительными, влияющих на динамику функционирования гражданского оборота диктуют необходимость проработать и предусмотреть совокупность способов и механизмов не столько законодательного толка, сколько гибкого правоприменения, направленного на преодоление негативных проявлений (в том числе вызванных ухудшением ментального здоровья индивидуума, перенесшего инфекцию COVID-19) в условиях существенных структурных изменений социальной, экологической и экономической деятельности. В свете сказанного одним из вызовов для цивилистов является гуманное и справедливое применение положений о признании сделки недействительной в силу неспособности лица осознавать и нести ответственность за принимаемые решения в силу отклонения от нормы психического здоровья в результате перенесенного заболевания коронавирусной инфекцией. Особое значение в свете исследуемого вопроса имеет анализ судебной практики, позволяющий изучить особенности правоприменения по данному вопросу и выявить блоки перспектив при судебном рассмотрении подобных споров с учетом мнения представителей медицины, сконцентрированных на выявлении негативных последствий в ментальном здоровье человека. Таким образом, в большей степени в практике гражданского права, нежели в науке, назрела потребность сформулировать проблемы правового регулирования признания сделки недействительной по основаниям ст. 177 Гражданского кодекса РФ и предложить справедливые, мудрые и объективные пути разрешения судебных конфликтов, – что и стало **целью** настоящей работы. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** автором изучена судебная практика современности по вопросу признания сделок недействительными на примере договора об ипотеке. Проведенный анализ позволил признать, что последствия перенесенной коронавирусной инфекции могут отражаться на психическом, ментальном состоянии дееспособного человека таким образом, что лицо не в состоянии осознавать и понимать последствия совершаемых действий. Основным итогом является **вывод** о том, что в рамках разрешения вопроса о признании сделки недействительной в силу неспособности лица осознавать последствия своих действий необходимо детально и подробно рассматривать доводы и аргументы лица, обратившегося за судебной защитой, в том числе учитывать и те медицинские показатели, которые в обычных условиях не влияют на дееспособность индивидуума, но негативно отражаются на ментальном здоровье.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, дееспособность, психическое здоровье, договорное право, стабильность гражданского оборота, признание договора недействительным.

Цитирование. Белова О. А. Постковидный синдром как порок сделки на примере договора об ипотеке // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 107–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.14>

Введение

Многочисленные ученые различных отраслей и областей науки [14, с. 4–6], в том числе клинической медицины (неврологи, психиатры и нейропсихиатры), проводя исследования для определения воздействия на психику человека коронавирусной инфекции в пандемийный период, обращают внимание на широкий диапазон проявления различных расстройств и изменения психического здоровья человека с негативным эффектом как результат перенесенного COVID-19.

Быт становится непосильно трудным; бывшее хобби не приносит радости и отвлеченности от гнетущего состояния; активности в повседневной жизни нет; грядущие события, как и будущее в целом, приобретают оттенки бесперспективности и безысходности – классическая картина клинических наблюдений, по результатам которых у пациентов обнаруживали различные типы депрессии (нозогенной, рекуррентной) [2], стресс и психологическое расстройство.

Группы медиков из различных регионов планеты, изучающие изменение психики людей, перенесших COVID-19, говорят о проблемах с ментальным здоровьем как реакции организма на тяжелое инфекционное заболевание [16].

Отдельные проекты, участие в которых принимали ведущие мировые медицинские исследовательские центры, реализованные на основе анализа литературы и исследований в реальном мире, были посвящены оценке клинических проявлений и частоте симптомов у лиц, переболевших коронавирусом. По результатам проведенных исследований в обиход вошли такие термины, как «long COVID» (длинный ковид) [18], пролонгированный ковид.

С конца 2020 г. международная классификация болезней (МКБ-10) пополнилась кодом U09 «Состояние после COVID, включающий в себя постковидный синдром» [18].

Росздравнадзор постковидный синдром (ПТСР) охарактеризовал как состояние, при котором переболевший коронавирусом человек, по итогам пройденного курса лечения, поборол вирус, но не чувствует себя здоровым [1].

Усугубляется ситуация и тем, что симптомы психологического расстройства, депрессии и тревоги носят не единичный характер, а существуют опубликованные доказательства *высокой* частоты обнаружения симптомов ПТСР – 96,2 % (!!!) у пациентов с подтвержденной инфекцией COVID-19 [15].

Согласны с мнением А.О. Иншаковой, утверждающей, что человечество, столкнувшись с серьезным вызовом – глобальным распространением пандемии, будет испытывать негативные последствия во всех сферах жизнедеятельности современного общества [3]. Нарастает необходимость принятия комплексных стратегических мер, в том числе правового толка, направленных на нивелирование последствий и рисков, проявляющихся в условиях существенных структурных изменений социальной, экологической и экономической деятельности [4].

В сложившихся обстоятельствах назревает крайняя необходимость форматирования устоявшихся правил гражданского оборота в части заключения и исполнения сделок с участием физических лиц в связи с проявлением негативных последствий новой коронавирусной инфекции в ментальном, психическом здоровье индивидуума, не сопряженное с потерей дееспособности в целом.

Общие правила признания сделки об ипотеке ничтожной и оспоримой

Существует несколько фундаментальных оснований, которые учитываются судами при определении факта недействительности договора об ипотеке.

Прежде всего, к ним относятся отсутствие регистрации договора об ипотеке в качестве обременения [13], заключение его в отсутствие письменной формы договора об ипотеке.

Еще одним важным основанием, по которому суды достаточно часто признают договор об ипотеке недействительным, является «несогласование всех существенных условий данного договора, в том числе существа, срока и размера обеспечиваемого обязательства» [5; 8].

Анализ судебной практики показал и то, что в определенных случаях, для судов важ-

ным аргументом в признании договора об ипотеке недействительным являлось «несоответствие требованиям Закона об ипотеке» [6].

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что к договору об ипотеке применяются общие правила по признанию договора оспоримой сделкой, что ведет к его недействительности.

Интересным представляется Решение Волжского городского суда Волгоградской области от 28 июня 2022 г. по делу № 2-1904/2022.

Согласно фабуле дела, между гражданином А и гражданином В был заключен договор займа на сумму 6 млн руб. и договор ипотеки, представляющий собой способ обеспечения исполнения обязательств по договору займа. Договор займа устанавливал соответствующую сумму, обязанность А возвратить сумму займа и уплатить проценты за пользование денежными средствами в размере и в сроки, которые указаны в договоре. В дальнейшем между гражданином В и гражданином С был заключен договор цессии, в соответствии с условиями которого С приобретал право требования задолженности по договору займа и договору ипотеки в полном объеме прав и обязанностей, установленных по указанному договору.

Гражданин С подал исковое заявление, предметом которого являлось истребование задолженности А по договору займа и договору ипотеки. А подал встречное исковое заявление с требованием о признании договора займа незаключенным, а договора ипотеки недействительным. Фактически А указывал на то, что он не знаком с гражданином В и договоры займа и ипотеки были подписаны в момент, когда А находился в состоянии алкогольного опьянения. Более того, в рамках судебного разбирательства было выявлено то, что А стоял на учете и периодически находится на стационарном лечении.

Позиция представителей А сводилась к тому, что он находился под влиянием обмана в состоянии алкогольного опьянения и не мог осознавать последствия совершаемых им действий. В данных обстоятельствах заключение договора займа и ипотеки представляются собой мошенническими действиями, направленными на завладение квартирой А.

Также в рамках судебного процесса был приведен факт, свидетельствующий о недобросовестности истца, выраженный в том, что по первоначальному иску по адресу А было направлено не само исковое заявление, а объявления о вакансиях [17].

С точки зрения автора настоящего исследования, необходимо отметить то, что факт признания договора займа незаключенным, свидетельствует о признании договора ипотеки недействительным, поскольку в таком случае не будет соблюдено одно из правил заключения договора об ипотеки. Речь идет о том, что договор ипотеки является способом обеспечения исполнения обязательства, а значит не может быть заключен сам по себе. Для заключения договора об ипотеке необходимо наличие соответствующего обязательства, которое обеспечивалось договором ипотеки. Оспариваемая сделка основана на несуществующем праве, а значит, недействительна в силу закона.

Волжский городской суд Волгоградской области в обосновании ситуации ссылаясь на п. п. 1 и 2 ст. 812 ГК РФ, п. 1 ст. 166 ГК РФ, ст. 179 ГК РФ [17].

Несмотря на ссылку на указанные нормы права, суд пришел к выводу о том, что представленных в рамках судебного заседания доказательств недостаточно для того, чтобы считать договор займа незаключенным, а договор ипотеки недействительным.

К числу общих правовых мотивов признания такого договора недействительным относится ситуация, при которой договор заключен с лицом, в момент совершения сделки находившимся в состоянии неспособности осознавать и понимать последствия совершенных им действий, однако не признан судом недееспособным. Данное основание соответствует положениям ст. 177 ГК РФ.

В связи с массовым проявлением скрытых негативных последствий в сфере ментального, психического здоровья индивидуумов и участвовавшими судебными разбирательствами споров на основании ст. 177 ГК РФ полагаем целесообразным обратиться к более детальному анализу складывающейся в период с 2019 г. по настоящее время судебной практики по исследуемой категории дел.

**Недействительность сделки,
совершенной гражданином,
не способным понимать
значение своих действий
или руководить ими, как частный случай**

Статья 177 ГК РФ лишь в общих чертах указывает на состояние лица, которое заключает сделку. Более подробные пояснения о состоянии гражданина, которое влияет на признание сделки недействительной, сформулировал Верховный суд РФ (далее – ВС РФ), рассматривая различные дела.

Так, например, по делу о признании договора купли-продажи недействительным [12] ВС РФ в своем определении отметил, что основанием для признания сделки недействительной является расстройство психики.

Важно упомянуть еще одну позицию ВС РФ, разъясняющую основание для признания сделки недействительной. Так, по делу о признании договора купли-продажи магазина и земельного участка недействительным ВС РФ пришел к выводу о том, что основанием для признания сделки недействительной являются такие факторы, как «органическое расстройство личности с выраженным снижением интеллектуальных функций, нарушение ориентировки, пониженная продуктивность контактов и мышления, выраженное снижением памяти и отсутствие критики» [11].

Думается, что в свете сказанного следует принять во внимание и позицию ВС РФ, в рамках которой было определено, что признать сделку недействительной суды могут на основании того, что у лица, совершившего сделку, на момент ее заключения может быть «сосудистое заболевание головного мозга, вызывающее органическое расстройство личности» [9].

Помимо перечисленных выше состояний лица, являющегося дееспособным, но в момент совершения сделки не способным воспринимать последствия совершаемых действий, следует отметить еще один аспект, отраженный в практике ВС РФ, который выражен в соответствующем определении по делу о признании недействительными сделок по отчуждению имущества. Так, ВС РФ определил, что сделка признается недействи-

тельной в случае, когда лицо испытывает «сильное душевное волнение, обусловившее неспособность лица понимать значение своих действий или руководить ими» [10].

Анализ позиций ВС РФ по вопросу о том, какие состояния лица могут повлечь недействительность сделки, позволяет сделать вывод о том, что таковыми являются ситуации, когда у лица наблюдается расстройство психики, состояние, при котором наблюдается снижение интеллектуальных функций лица, возникновение заболеваний головного мозга, влияющих на восприятие им ситуации, сильное эмоциональное, душевное волнение, при котором лицо не может адекватно и объективно оценивать совершаемые действия и их последствия.

По мнению автора настоящего исследования, необходимо рассмотреть Определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 30 августа 2021 г. по делу № 33-34838/2021, поскольку позиция суда по данному делу является показательным положительным примером, при котором договор ипотеки был признан недействительным в силу ст. 177 ГК РФ.

В рамках рассматриваемого дела, лицо обратилось с иском заявлением в суд с требованием признать договор ипотеки недействительным. В качестве обоснования был указан тот факт, что в момент совершения сделки с банком лицо находилось в состоянии, в рамках которого было не способно понимать осуществляемые действия и осознавать их правовые последствия.

С целью справедливого рассмотрения данного дела суд установил необходимость проведения амбулаторной комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Результаты проведенного исследования позволили суду сделать вывод о том, что в рамках данного дела присутствуют основания для признания оспариваемого заключенного договора ипотеки недействительным. В обосновании своей позиции суд руководствовался следующим: «На момент их заключения имел место порок воли заемщика ввиду неспособности его в указанный период понимать значение своих действий и руководить ими» [7].

Однако анализ обстоятельств дела и сформулированного решения показывает, что

доводы и аргументы А не были должным образом рассмотрены и исследованы, на основании чего можно сделать вывод о том, что данное дело является прецедентом.

Следует отметить, что приведенные выше примеры судебной практики являются противоположными по вопросу исследования состояния лица как понимающего и осознающего последствия заключаемой сделки. Более того, указанные дела объединяет и то, что фактические обстоятельства по совершению сделки были осуществлены в постковидный период. Думается логичным учитывать, что негативные последствия коронавирусной инфекции, с которыми общество уже столкнулось, или скрытые риски, которые еще только будут выявляться, подрывают стабильность гражданского оборота.

Выводы

Как частный случай договор ипотеки может быть признан недействительным, если был заключен с гражданином, который в момент его совершения находился в состоянии неспособности осознавать и понимать последствия совершенных им действий, однако не признан судом недееспособным.

Автором настоящего исследования была сформулирована позиция, согласно которой последствия коронавирусной инфекции могут отражаться на психическом состоянии человека таким образом, при котором лицо не в состоянии осознавать и понимать последствия совершаемых действий, но находится в состоянии дееспособности.

Анализ обстоятельств различных дел и сформулированных решений по признанию договора ипотеки недействительным в силу неспособности лица осознавать последствия своих действий показывает, что доводы и аргументы такого лица должны быть соответствующим образом рассмотрены и исследованы, в том числе необходимо учитывать факт болезни коронавирусной инфекции у лица, которое заключает сделку с целью выявления рисков, способных существенно влиять на подрыв стабильности гражданского оборота.

По мнению автора настоящего исследования, целесообразно при заключении сделки учитывать психическое состояние лица. Дан-

ный вопрос должен быть урегулирован с помощью мягких механизмов правоприменения, позволяющих направлять судебную практику в соответствующее русло через разъяснения и толкования, исходящие от врачей-клиницистов, мультипрофильные семинары и круглые столы, иные площадки для обмена знаниями и результатами исследований негативных последствий коронавирусной инфекции. При заключении сделки в случае возникновения сомнений в психологически устойчивом состоянии лица должно быть получено документальное подтверждение психического состояния, выданное соответствующим медицинским учреждением.

Таким образом, по рассматриваемому вопросу важно и актуально своевременно принимать меры, позволяющие привести судебную практику к единообразию и уменьшить риски, которые могут подрывать стабильность гражданского оборота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Депрессивные состояния в структуре постковидного синдрома: особенности и терапия / Н. Н. Петрова [и др.] // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2022. – № 56 (1). – С. 16–24. – DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2022-56-1-16-24>
2. Дороженок, И. Ю. Депрессии в период пандемии COVID-19 (разборы клинических случаев) / И. Ю. Дороженок // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2021. – № 13 (1). – С. 81–86.
3. Иншакова, А. О. Правовая инфраструктура профилактики и противодействия негативным последствиям COVID-19 / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 6–10. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.1>
4. Иншакова, А. О. Цифровые технологии научной аналитики актуальных данных по эпидемии новой коронавирусной инфекции COVID-2019 / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 140–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.20>
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2021 по делу № 89-479/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=54447#QYKnBFUukNVmDzYBI>
6. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2020 по делу № 88-96/

2020. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=1138#836nBFUGgVSAG0g61>

7. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2021 по делу № 88-7687/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=33176#bdTnBFUaCqzYp3BO1>

8. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2020 по делу № 81-124/2020. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=2662#sUDnBFUAlm3tcHsT1>

9. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2013 г. N 5-КГ12-86. – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70331332/paragraph/1/doclist/1113/1/0/0/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2005%20февраля%202013%20г.%20N%205-КГ12-86:13>

10. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2003 г. № 18-В03-50. – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/55704344/paragraph/1/doclist/1116/1/0/0/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2009%20декабря%202003%20г.%20N%2018-В03-50:16>

11. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 марта 2014 г. № 15-КГ13-6. – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70628220/paragraph/20/doclist/1111/1/0/0/10.%20определение%20ск%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2011%20марта%202014%20г.%20N%2015-КГ13-6:10>

12. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 января 2015 г. № 48-КГ14-11. – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70876898/paragraph/1/doclist/1109/1/0/0/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2013%20января%202015%20г.%20N%2048-КГ14-11:7>

13. Определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 30 августа 2021 г. по делу № 33-34838/2021. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/322900456/paragraph/1/doclist/586/1/0/0/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Московского%20городского%20суда%20от%2030%20августа%202021%20г.%20по%20делу%20N%2033-34838%7C2021:3>

14. Островский, Д. И. Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (обзор литературы) / Д. И. Островский, Т. И. Иванова // Омский психиатрический журнал. – 2020. – № 2 (24). – С. 4–10.

15. Пизова, Н. В. Депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство при новой коро-

навирусной инфекции / Н. В. Пизова, А. В. Пизов // Лечебное дело. – 2020. – № 1. – С. 82–87.

16. Постковидный синдром бьет по голове. Как вирус действует на психику. – URL: <https://spid.center/ru/articles/3526>

17. Решение Волжского городского суда Волгоградской области от 28 июня 2022 г. по делу № 2-1904/2022. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/329065576/paragraph/1/doclist/652/1/0/0/Решение%20Волжского%20городского%20суда%20Волгоградской%20области%20от%2028%20июня%202022%20г.%20по%20делу%20N%202-1904%7C2022:9>

18. Managing the Long Term Effects of COVID-19: Summary of NICE, SIGN, and RCGP Rapid Guide Line / W. Shah [et al.] // BMJ. – 2021. – Vol. 372, no. 136. – DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.n136>

REFERENCES

1. Petrova N.N., Kudryashov A.V., Matvievsкая O.V., Mukhin A.A., Lavrova V.A., Chumakov E.M. et al. Depressivnyye sostoyaniya v strukture postkovidnogo sindroma: osobennosti i terapiya. [Depressive States in the Structure of Postcovid Syndrome: Features and Therapy]. *Obozreniye psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V.M. Bekhtereva* [Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology], 2022, no. 56 (1), pp. 16-24. DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2022-56-1-16-24>

2. Dorozhenok I.Yu. Depressii v period pandemii COVID-19 (razbory klinicheskikh sluchayev) [Depression During the COVID-19 Pandemic (Analysis of Clinical Cases)]. *Nevrologiya, neyropsikhiatriya, psikhosomatika* [Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics], 2021, no. 13 (1), pp. 81-86.

3. Inshakova A.O. Pravovaya infrastruktura profilaktiki i protivodeystviya negativnym posledstviyam COVID-19 [The Legal Framework for Prevention and Counteraction to the Negative a Consequences of the COVID-19]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 6-10. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.1>

4. Inshakova A.O. Tsifrovyye tekhnologii nauchnoy analitiki aktual'nykh dannykh po epidemii novoy koronavirusnoy infektsii COVID-2019 [Digital Technologies for Scientific Analysis of Current Data on the Epidemic of New Coronavirus Infection COVID-2019]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 140-143. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.20>

5. *Opredeleniye Pervogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 14.04.2021 po delu № 89-479/2021* [Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction Dated April 14, 2021, in Case No. 89-479/2021]. URL: <https://www.consultant.ru/>

cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=54447#QYKnBFUukNVmDzYB1

6. *Opredeleniye Pyatogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 16.01.2020 po delu № 88-96/2020* [Ruling of the Fifth Court of Cassation of General Jurisdiction from January 16, 2020, in Case No. 88-96/2020]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=1138#836nBFUGgVSAG0g61>

7. *Opredeleniye Sedmogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 03.06.2021 po delu № 88-7687/2021* [Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction Dated June 3, 2021, in Case No. 88-7687/2021]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=33176#bdTnBFUaCqzYp3BO1>

8. *Opredeleniye Sedmogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 23.01.2020 po delu № 81-124/2020* [Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction Dated January 23, 2020, in Case No. 81-124/2020]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=2662#sUDnBFUAlm3tcHsT1>

9. *Opredeleniye SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 5 fevralya 2013 g. N 5-KG12-86* [Ruling of the IC on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated February 5, 2013, No. 5-KG12-86]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70331332/paragraph/1/doclist/1113/1/0/0/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%205%20февраля%202013%20г.%20№%205-КГ12-86:13>

10. *Opredeleniye SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 9 dekabrya 2003 g. № 18-V03-50* [Ruling of the IC on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated December 9, 2003, No. 18-B03-50]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/55704344/paragraph/1/doclist/1116/1/0/0/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%209%20декабря%202003%20г.%20№%2018-В03-50:16>

11. *Opredeleniye SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 11 marta 2014 g. № 15-KG13-6* [Ruling of the IC on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated March 11, 2014, No. 15-KG13-6]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70628220/paragraph/20/doclist/1111/1/0/0/10.%20определение%20ск%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2011%20марта%202014%20г.%20№%2015-КГ13-6:10>

12. *Opredeleniye SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 13 yanvarya 2015 g. № 48-KG14-11* [Ruling of the IC on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated January 13, 2015, No. 48-KG14-11]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70876898/paragraph/1/doclist/1109/1/0/0/Определение%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2013%20января%202015%20г.%20№%2048-КГ14-11:7>

13. *Opredeleniye SK po grazhdanskim delam Moskovskogo gorodskogo suda ot 30 avgusta 2021 g. po delu № 33-34838/2021* [Ruling of the IC on Civil Cases of the Moscow City Court Dated August 30, 2021, in the Case No. 33-34838/2021]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/322900456/paragraph/1/doclist/586/1/0/0/Definition%20СК%20по%20citizens%20delam%20moscow%20gorodsky%20sudic%20ot%2030%20avgust%202021%20g.%20по%20дел%20№%2033-34838%7C2021:3>

14. Ostrovsky D.I., Ivanova T.I. *Vliyanie novoy koronavirusnoy infektsii COVID-19 na psikhicheskoye zdorovye cheloveka (obzor literatury)* [The Influence of the New Coronavirus Infection COVID-19 on Human Mental Health (Literature Review)]. *Omskiy psikhiatricheskii zhurnal* [Omsk Psychiatric Journal], no. 2 (24), 2020, pp. 4-10.

15. Pisova N.V., Pisov A.V. *Depressiya i posttravmaticheskoye stressovoye rasstroystvo pri novoy koronavirusnoy infektsii* [Depression and Post-Traumatic Stress Disorder in the Case of a New Coronavirus Infection], no. 1, 2020, pp. 82-87.

16. *Postkovidnyy sindrom byet po golove. Kak virus deystvuyet na psikhiku* [Postcovid Syndrome Hits the Head. How the Virus Affects the Psyche?]. URL: <https://spid.center/ru/articles/3526>

17. *Resheniye Volzhskogo gorodskogo suda Volgogradskoy oblasti ot 28 iyunya 2022 g. po delu № 2-1904/2022* [Decision of the Volzhskiy City Court of the Volgograd Region Dated June 28, 2022, in the Case No. 2-1904/2022]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/329065576/paragraph/1/doclist/652/1/0/0/Решение%20Волжского%20городского%20суда%20Волгоградской%20области%20от%2028%20июня%202022%20г.%20по%20делу%20№%202-1904%7C2022:9>

18. Shah W., Hillman T., Playford E D., Hishmeh L. *Managing the Long Term Effects of COVID-19: Summary of NICE, SIGN, and RCGP Rapid Guideline*. *BMJ*, 2021, vol. 372 (no. 136). DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.n136>

Information About the Author

Olesya A. Belova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management (Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

Информация об авторе

Олеся Александровна Белова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.15>

UDC 347
LBC 67.404

Submitted: 03.06.2024
Accepted: 03.08.2024

STATUTORY CONCEPTS OF THE MECHANISM OF REGULATING PROPERTY TURNOVER RELATIONS

Alexey A. Demin

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: the scientific paper aims to analyze the conditions for the formation of the statutory concept of the mechanism of the civil regulation of property (civil) turnover relations. The relevance of the topic is related to the specifics of property turnover relations, which determines the individual (for specific participants in legal relations) statutory concept of regulating and the need to determine the conditions for the formation of the statutory concept for regulating relations within the framework of property turnover. **Methods:** as a part of the study, a comparative law method was used, which made it possible to identify differences in violations when using the image of a citizen; a systematic approach; a formal logical research method. **Results:** the analysis of the current legislation of the Russian Federation has been carried out, and the conditions associated with the formation of the statutory concept of the mechanism of the civil regulation of relations in the field of property turnover have been determined. **Conclusions:** it is determined that the basic statutory concept of the civil mechanism is formed taking into account the objectives of the activities of the participants in the turnover and can be supplemented depending on the circumstances. Such a statutory concept legally ensures the satisfaction of private interests. In case of violation of interests, the protective means of the mechanism of the civil regulation are used, which “help” to restore the property status of the injured party.

Key words: mechanism of the civil regulation, statutory concept, legal means, intersectoral regulation, property turnover, turnover, subjective law.

Citation. Demin A.A. Statutory Concepts of the Mechanism of Regulating Property Turnover Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 116-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.15>

УДК 347
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 03.06.2024
Дата принятия статьи: 03.08.2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ИМУЩЕСТВЕННОГО ОБОРОТА

Алексей Александрович Демин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Введение: в научной статье ставится цель проанализировать условия формирования юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования отношений имущественного (гражданского) оборота. Актуальность данной темы связана со спецификой отношений имущественного оборота, что обуславливает индивидуальную (для конкретных участников правоотношений) юридическую конструкцию регулирования и необходимость определения условий формирования юридической конструкции регулирования отношений в рамках имущественного оборота. **Методы:** в рамках исследования использовались сравнительно-правовой метод, позволивший выявить различия нарушений при использовании изображения гражданина, системный подход, формально-логический метод исследования. **Результаты:** проведен анализ действующего законодательства Российской Федерации, и установлены условия, с которыми связывается формирование юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования отношений в сфере имущественного оборота. **Выводы:** определено, что базовая юридическая конструкция гражданско-право-

вого механизма формируется с учетом целей деятельности участников оборота и может дополняться в зависимости от складывающихся обстоятельств. Такая правовая конструкция юридически обеспечивает удовлетворение частных интересов. В случае нарушения интересов задействуются охранительные средства механизма гражданско-правового регулирования, которые «помогают» восстановить имущественное положение пострадавшей стороны.

Ключевые слова: механизм гражданско-правового регулирования, юридическая конструкция, юридические средства, межотраслевое регулирование, имущественный оборот, оборот, субъективное право.

Цитирование. Демин А. А. Юридические конструкции механизма регулирования отношений имущественного оборота // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 116–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.15>

Введение

По мнению ученых, правовое регулирование – это не только процесс наделения участников общественных отношений правомочиями, обязанностями, ответственностью (дозволениями, запретами, управомочиями), но и создание возможностей реализации этих правомочий [2, с. 466]. Участники имущественного (гражданского) оборота действуют с целью удовлетворения существующих социальных потребностей, и гражданско-правовое регулирование направлено в первую очередь на наделение их субъективными правами – правомочиями на собственные и чужие действия, а также возложение субъективных обязанностей (долженствований) совершать определенные действия или воздержаться от их совершения. Именно с правовым регулированием связана возможность действовать самому и требовать от других лиц совершения определенных действий. Например, приобретение в собственность вещи возможно в том случае, когда действия сторон по передаче (вручению) и принятию вещи отрегулированы договором купли-продажи.

Закон определяет формальные критерии действий участников гражданских правоотношений, следование которым допускает наступление нужного юридического эффекта, а также закрепляет общие положения о видах и содержании прав и обязанностей, ответственности, пределах, ограничениях и пр., на случай возникновения определенного правоотношения. Так, для приобретения возможности использования чужой вещи закон устанавливает требование о действиях по передаче вещи собственником во временное владение и пользование на основании заключенного договора аренды или ссуды.

Вместе с тем положения закона абстрактны и непосредственно не воздействуют на участников общественных взаимоотношений. Нормы закона не вызывают наступления правового эффекта в силу самого факта закрепления абстрактных прав и обязанностей в объективном гражданском праве. Изначально объективное право (речь идет исключительно о гражданском праве) предоставляет субъекту возможность выбора оптимального варианта поведения, связанного с осуществлением права [6, с. 269]. Гражданские права и обязанности должны стать персонифицированными (субъективными) и обеспечивать правовое регулирование действий для конкретных субъектов права. «Трансформация» предписанного в законе для всех в индивидуальное (частное) для одного или двоих обеспечивается с помощью механизма правового регулирования, в результате чего закрепленное в объективном праве становится субъективным и реализуется в рамках гражданского правоотношения.

Формирование юридической конструкции регулирования гражданских правоотношений

Возникновение правоотношения приводит к появлению индивидуального регулятора [3], в связи с чем возникает индивидуальная модель правового регулирования поведения конкретных лиц, действующих в отношении определенного объекта гражданских прав. На основании того, что гражданское правоотношение представляет собой персонифицированную юридическую связь лиц с особым правовым содержанием, для каждого отдельного гражданского правоотношения складывается осо-

бая (частная) модель индивидуального правового регулирования, где юридической основой выступает особый набор юридических конструкций и правовых средств.

Модель индивидуального правового регулирования отношений в сфере имущественного (гражданского) оборота обладает своими особенностями. Они обусловлены спецификой содержания складывающихся правоотношений. Повторимся, что имущественный оборот состоит из коммерческого и собственно гражданского оборота. Первый представляет собой обращение объектов гражданских прав между профессиональными участниками рынка с целью их дальнейшего использования в предпринимательской деятельности, например в перепродаже, строительстве, изготовлении продукции и т. п. (коммерческий (товарный) оборот). Гражданский оборот представлен оборотом вещей, в отношении которых установлен общий правовой режим оборотоспособности и приобретение которых вызвано необходимостью личного использования (собственно гражданский оборот). Безусловно, важно и то, какие действия совершаются с объектом гражданских прав (отчуждение / присвоение, обмен, предоставление доступа к результатам интеллектуальной деятельности и т. д.). Действия участников оборота определяются характером правоотношения, в связи с чем формируется базовая юридическая конструкция регулирования. Она есть не что иное, как совокупность применимых норм, которая выступает юридической основой индивидуальной модели поведения. Эта базовая юридическая конструкция рассчитана на регулирование однотипных правоотношений в зависимости от характера и цели действий участников правоотношений. При этом ее назначением является обеспечение достижения имущественных целей участниками оборота, например передачи вещи с безвозвратным переходом права собственности на нее. В этом случае задействуются нормы базовой юридической договорной конструкции купли-продажи. Возмездная уступка обязательственных имущественных прав регулируется с задействованием юридической конструкции договора цессии и договора купли-продажи с учетом особенностей перехода имущественных прав (п. 4 ст. 454 ГК РФ).

При этом базовая юридическая конструкция может изменяться или дополняться правовыми средствами в зависимости от специфики субъектного состава участников правоотношения, правового режима объектов гражданских прав, в отношении которых действуют участники оборота, а также различного рода обстоятельств, с наступлением которых механизм гражданско-правового регулирования корректируется. В результате формируется индивидуальная юридическая конструкция механизма гражданско-правового регулирования, выступающая правовой основой индивидуальной модели поведения участников конкретного гражданского правоотношения, которая юридически обеспечивает удовлетворение частного интереса участников имущественного оборота. Таким случаем можно считать отношения по купле-продаже ограниченных в обороте вещей. Так, фармацевтическая деятельность (торговля лекарственными препаратами) предполагает наличие особого разрешения на их реализацию (лицензии), и базовая юридическая конструкция купли-продажи дополняется нормами Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств». Обстоятельством, дополняющим индивидуальную юридическую конструкцию, может быть, например, согласование передачи товара в определенной упаковке или таре (ст. 481 ГК РФ).

Стоит отметить, что на формирование гражданско-правовой юридической конструкции регулирования отношений в рамках имущественного оборота может повлиять межотраслевой характер регулирования отношений. М.Ю. Чельшев обращает внимание на существование межотраслевых связей гражданского права, под которыми понимает отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая и их отдельные части. В конечном счете это системные связи многоуровневого характера между правовыми нормами разной правоотраслевой принадлежности, а применительно к гражданскому праву – между нормами этой отрасли и других правовых образований [7, с. 8].

Примером межотраслевого регулирования отношений может выступать институт

несостоятельности (банкротства). С.А. Карелина отмечает его комплексный характер и указывает, что институт несостоятельности (банкротства), формируясь на стыке частного и публичного права, приобрел новое качество, несводимое к свойствам отдельных его исходных элементов [4, с. 312]. Для примера приводится формирование условий цены по договору, совершение крупной сделки и иные действия гражданско-правовой природы. И далее автор обращает внимание, что речь идет о едином целостном предмете правового регулирования, а именно об отношениях, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника. Такой подход в наибольшей степени соответствует рассмотрению интегративных свойств обозначенных отношений системы [4, с. 313]. Таким образом, в случае необходимости в базовую гражданско-правовую конструкцию могут включаться нормы других отраслей права, в связи с чем создается межотраслевая основа функционирования механизма гражданско-правового регулирования гражданского оборота.

**Средства механизма
гражданско-правового регулирования
отношений
в рамках имущественного оборота**

Правовое регулирование правоотношений происходит через различного рода юридические средства [1, с. 14; 5, с. 56]. Следует отметить, что в регулировании правоотношений в сфере оборота договор является основным правовым средством правового механизма. В соответствии с видом договора, а также его условиями определяется базовая юридическая конструкция регулирования, которая может изменяться, дополняться или действие отдельных норм которой вовсе исключается. Речь идет о задействие диспозитивных норм в регулировании договорных отношений. Так, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» отмечается, что в случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо

установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой. Например, в п. 4 ст. 488 ГК РФ устанавливается, что с момента передачи товара покупателю и до его оплаты товар, проданный в кредит, признается находящимся в залоге у продавца для обеспечения исполнения покупателем его обязанности по оплате товара, если иное не предусмотрено договором купли-продажи. Стороны договора могут изменить общее правило содержащееся в данной норме и предусмотреть свое индивидуальное для сторон правило поведения.

Также следует учитывать, что динамика гражданских правоотношений предполагает и даже допускает некую погрешность в развитии отношений, то есть отклонение от типичного, предусмотренного в законе развития отношений, которое не всегда является правонарушением. В случае отклонения от типичного, предполагаемого в законе поведения изменяется состав юридической конструкции с учетом допустимого отклонения. Такое отклонение возможно в силу того, что гражданское законодательство носит дозволительный характер регулирования и предполагает автономии воли, а также вариативность поведения. Все это приводит к возможности изменения и дополнения базовой нормативной конструкции механизма гражданско-правового регулирования отношений в сфере имущественного оборота, в том числе с учетом степени допустимого отклонения.

Повторимся, что участники имущественного (гражданского) оборота действуют с целью удовлетворения частных интересов. Механизм гражданско-правового регулирования обеспечивает удовлетворение данного интереса за счет того, что формируется индивидуальная модель поведения участников оборота, определяется формальная мера их поведения и стороны действуют в соответствии с ней. В таком развитии правоотношения задействуются регулятивные средства механизма гражданско-правового регулирования.

Изменение правового состояния субъекта в гражданском правоотношении обуславливает применение того или иного юридического средства юридической конструкции, включая полную смену используемой конст-

рукции. В случае нарушения юридическая конструкция, обеспечивающая регулирование правоотношения (регулятивная юридическая конструкция), не может обеспечить удовлетворение социального интереса, поэтому задействуется другая конструкция – та, которая обеспечивает защиту от нарушений (охранительная юридическая конструкция).

Задействование охранительных средств механизма гражданско-правового регулирования происходит с целью восстановления имущественного положения участников гражданского оборота, существовавшего до возникновения допущенного правонарушения. Другими словами, целью применения охранительных средств выступает обеспечение достижения первоначальной цели возникновения правоотношения (например, перехода права собственности от одного лица к другому). Цель действия механизма гражданско-правового регулирования остается неизменной, а меняется лишь способ его функционирования. Так, заключение договора купли-продажи недвижимой вещи предполагает передачу вещи в определенном состоянии (состояние объекта гражданских прав, наличие определенного оборудования и пр.). Передача объекта недвижимости в ином состоянии при подписании акта приема-передачи (например, отсутствует оборудование, использование которого предполагается при эксплуатации объекта) изменяет действие правового механизма с регулятивного на охранительное и позволяет требовать соразмерного уменьшения покупной цены, безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок, возмещения своих расходов на устранение недостатков (п. 1 ст. 475, ст. 557 ГК РФ).

Выводы

Таким образом, формирование юридических конструкций механизма гражданско-правового регулирования отношений в сфере имущественного (гражданского) оборота обладает определенной спецификой. В том случае, когда субъекты оборота беспрепятственно и в рамках определенной меры свободы действуют с целью достижения собственных целей и удовлетворения частного интереса, упорядочение правоотношений осуществляет-

ся регулятивными средствами механизма гражданско-правового регулирования. Причем юридическая конструкция изменяется или дополняется, в том числе и нормами других отраслей права, в зависимости от различных обстоятельств, имеющих юридическое значение, и этим создается межотраслевая основа правового регулирования.

В свою очередь, при выходе за пределы меры определенного поведения с учетом допустимых погрешностей, а также в случае нарушений задействуются охранительные конструкции и средства механизма. В то же время цель действия правового механизма остается неизменной, меняется лишь способ функционирования, и его действие направлено на восстановление имущественного положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.
2. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. – М. : Омега-Л, 2002. – 608 с.
3. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография / В. В. Ершов. – М. : РГУП, 2018. – 628 с.
4. Карелина, С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / С. А. Карелина. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.
5. Сапун, В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук / Сапун Валентин Андреевич. – Н. Новгород, 2002. – 321 с.
6. Чеговадзе, Л. А. Действия по реализации гражданского права в форме использования / Л. А. Чеговадзе, Т. В. Дерюгина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 2. – С. 268–280.
7. Чельшев, М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Чельшев Михаил Юрьевич. – Казань, 2009. – 40 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Pravovye sredstva: postanovka problemy, ponyatie, klassifikaciya [Legal Means: Problem Statement, Concept, Classification]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1987, no. 6, pp. 12-19.

2. Vengerov A.B. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk* [Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Omega-L Publ., 2002. 608 p.

3. Ershov V.V. *Pravovoe i individualnoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenij: monografiya* [Legal and Individual Regulation of Public Relations. Monograph]. Moscow, RGUP, 2018. 628 p.

4. Karelina S.A. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnoshenij nesostoyatelnosti* [Mechanism of Legal Regulation of Insolvency Relations]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 568 p.

5. Sapun V.A. *Teoriya pravovykh sredstv i mekhanizm realizatsii prava: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theory of Legal Means and Mechanism of

Realization of Law. Dr. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2002. 321 p.

6. Chegovadze L.A., Deryugina T.V. *Dejstviya po realizatsii grazhdanskogo prava v forme ispolzovaniya* [Actions for the Implementation of Civil Law in the Form of Use]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Perm University. Legal Sciences], 2022, no. 2, pp. 268-280.

7. Chelyshev M.Yu. *Sistema mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of Intersectoral Relations of Civil Law: Civilistic Study. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Kazan, 2009. 40 p.

Information About the Author

Alexey A. Demin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation, demin-aa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2450-8776>

Информация об авторе

Алексей Александрович Демин, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, demin-aa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2450-8776>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.16>

UDC 347.5
LBC 67.404.219

Submitted: 24.05.2024
Accepted: 24.06.2024

THE LEGAL NATURE OF THE DIRECTOR'S LIABILITY FOR THE HARM CAUSED TO A BUSINESS COMPANY

Igor Yu. Nadeev

Russian University of Cooperation, Mytishchi, Russian Federation

Introduction: the article analyzes the legal nature of the director's liability for business company harm. The Russian and foreign doctrinal sources, legislation, and law enforcement practices are investigated. **Purpose:** to analyze the legal nature of the director's liability for business company harm and to determine the place of this liability in the system of civil liability in Russian law. **Methods:** the methodological framework for the study is based on the methods of scientific cognition, in particular the methods of consistency, analysis, and comparative law. **Results:** the legal nature of the director's liability for business company harm is determined. **Conclusions:** business company harm by the behavior of its director is one of the special torts. There are no grounds in Russian law to identify independent corporate liability.

Key words: business company, corporation, director, liability, tort, harm, loss, fiduciary duties.

Citation. Nadeev I.Yu. The Legal Nature of the Director's Liability for the Harm Caused to a Business Company. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 122-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.16>

УДК 347.5
ББК 67.404.219

Дата поступления статьи: 24.05.2024
Дата принятия статьи: 24.06.2024

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДИРЕКТОРА ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБЩЕСТВУ

Игорь Юрьевич Надеев

Российский университет кооперации, г. Мытищи, Российская Федерация

Введение: в статье анализируется правовая природа ответственности директора за вред, причиненный им хозяйственному обществу. Исследованы российские и зарубежные доктринальные источники, законодательство и правоприменительная практика. **Цель:** проанализировать правовую природу ответственности директора за вред, причиненный им хозяйственному обществу. Определить место данной ответственности в системе гражданско-правовой ответственности в российском праве. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, в частности системности, анализа и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** определена правовая природа ответственности директора за вред, причиненный им хозяйственному обществу. **Выводы:** вред, причиненный хозяйственному обществу поведением его директора, является одним из специальных деликтов. В российском праве отсутствуют основания для выделения самостоятельной корпоративной ответственности.

Ключевые слова: хозяйственное общество, корпорация, директор, ответственность, деликт, вред, убытки, фидуциарные обязанности.

Цитирование. Надеев И. Ю. Правовая природа ответственности директора за вред, причиненный хозяйственному обществу // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 122–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.16>

Введение

Корпоративное право основывается на двух правилах, направленных на ограничение ответственности участников корпоративных отношений. Первое правило связано с ограничением имущественных рисков участников корпорации, согласно которому акционеры (участники) не отвечают по обязательствам корпорации и несут риск убытков в пределах стоимости их акций (долей). Второе правило направлено на ограничение ответственности лиц, входящих в состав органов управления корпорации (директоров) («правило делового решения» – *business judgment rule*) [30, p. 1140].

Считается, что данные правила стимулируют предпринимательскую активность, поскольку позволяют акционерам и директорам принимать рискованные бизнес-решения, не опасаясь возложения тяжкого бремени убытков, которые могут стать возможным последствием принятия таких решений [7, с. 25].

В иностранной литературе по корпоративному праву традиционно указывается, что основными фидуциарными обязанностями директора (по отношению к корпорации и ее участникам) являются обязанность по заботе (*duty of care*) и обязанность по лояльности (*duty of loyalty*) [27]. Таким образом, ответственность директора наступает в случае, если нарушение данных обязанностей стало причиной возникновения убытков у корпорации.

В этой связи отмечается, что фидуциарная обязанность по заботе (*duty of care*) и правило делового решения (*business judgment rule*) загадочным образом связаны друг с другом [19], особенно если при трактовке обязанности по заботе используются аналогии с деликтным правом [30, p. 1141]. Вопрос о правовой природе ответственности директора за убытки, причиненные им корпорации (хозяйственному обществу), остается дискуссионным как в российской, так и зарубежной науке.

Результаты

Следует отметить, что условием привлечения к деликтной ответственности за неосторожное (небрежное) причинение вреда (*negligence*) [31] является нарушением делик-

ментом обязанности по заботе (*duty of care*) в отношении потерпевшего. Так, в специальной литературе указывается, что для привлечения к ответственности по данному специальному деликту суд должен установить наличие у деликвента обязанности (*duty of care*) в отношении потерпевшего; ее нарушение (*breach*), наличие фактической причинно-следственной связи (*cause in fact*), наличие «непосредственности» в причинении (ближайшая причина – *proximate cause*), а также наличие вреда (*damage*) [24, p. 217–218]. Необходимым элементом данного специального деликта является то, что причиненный вред не должен быть слишком «отдаленным» (*to remote*), то есть он должен быть предвидимым (*foreseeable*) [29, p. 12].

В научной литературе отмечается, что на протяжении XX в. в сфере *Common Law* наблюдалась тенденция к снижению значения обязанности по заботе как пороговому условию для привлечения к ответственности. Так, некоторые ученые считают, что данная доктрина стала «удручающе непоследовательной, расфокусированной и зачастую бессмысленной» [20], поскольку в науке остаются дискуссионными вопросы о сфере применения данной обязанности, о круге лиц, на которых она возлагается и в пользу которых устанавливается, а также разновидности вреда, который подлежит возмещению в случае нарушения обязанности по заботе (*duty of care*).

Например, одни авторы считают, что обязанность проявлять заботу возлагается только на определенных лиц по отношению к другим конкретным лицам. Содержанием данной обязанности является необходимость избежать причинения вреда. Под таким вредом понимается в том числе и нефизический (*non-physical harms*), например экономические потери или моральный вред. Данная обязанность может возникнуть только между конкретными (определенными) субъектами, находящимися в рамках конкретных (относительных) правоотношений (*relational obligation*) [32].

Однако более распространенным в науке является подход, согласно которому обязанность проявить заботу (*duty of care*) устанавливается в отношении неопределенного круга лиц. Таким образом, суд может признать наличие обязанности по заботе независимо от

того, являются ли деликvent и потерпевший участниками какого-либо конкретного (относительного) правоотношения. Обязанность по заботе нереляционная, неотносительная (non-relational) [21]. В отношении возмещаемого вреда отмечается, что данная обязанность направлена против создания неразумных, неоправданных рисков причинения физического вреда, то есть вреда личности (жизнь, здоровье) или вреда материальным объектам (собственности) [22]. Данному подходу в целом следует судебная практика в странах Common Law. Данный подход нашел отражение в Третьем своде деликтного права, поэтому может считаться нормой материального права (art § 7(a) Restatement (Third) of Torts, 2010). Допустимость возмещения «нефизического вреда» (моральный вред, экономические потери), согласно данному традиционному подходу, возможно только в определенных случаях, с учетом применяемых принципов и соображений правовой политики [23].

На этом основании можно констатировать, что традиционный (конвенциональный) подход к «деликтной» обязанности по заботе (duty of care) является «широким» в отношении субъектного состава, поскольку обязанность не причинять физический вред не ограничена необходимостью установления особого правоотношения между деликventом и потерпевшим. Однако данный подход является «узким» в части ограничения подлежащего возмещению вреда. Это обусловлено спецификой англо-саксонского деликтного права, которому неизвестен принцип генерального деликта и относящегося к «прагматичному» подходу в части возможности возмещения чистых экономических потерь (pure economic loss), причиненных деликтом [2, с. 69–97].

Необходимо отметить, что в корпоративном праве США и других стран Common Law остается дискуссионным вопрос о правовой природе фидуциарной обязанности по заботе (duty of care). Отдельные авторы отрицают ее «деликтную» природу, особенно если придерживаются «контрактной» концепции корпоративного права [30, р. 1141]. Например, Марсель Кахан и Эдвард Рок (США) считают, что с концептуальной точки зрения очевидно, что нарушения фидуциарных обязанностей не являются деликтами в сфере Common Law, од-

нако они могут быть квалифицированы как «гражданские правонарушения» (civil wrongs) [28]. Следует отметить, что ученые из других юрисдикций, входящих в сферу Common Law, допускают возможность квалификации нарушения директором своих фидуциарных обязанностей в качестве деликтов, поскольку деликтное право создает теоретическую основу для таких обязанностей директора [25].

Заслуживает внимания позиция Роберта Ри, рассматривающего правило делового решения и фидуциарную обязанность по заботе через призму теории и принципов деликтного права. Автор считает, что нельзя прямо утверждать, что нарушение фидуциарных обязанностей всегда является деликтом. Однако такое правонарушение не является и нарушением контракта. Его основной тезис заключается в том, что природа ответственности директора корпорации с учетом доктрин фидуциарных обязанностей и правила делового суждения может быть раскрыта только с позиций деликтного права [30]. Поскольку принципы деликтного права лежат в основе многих доктрин в сфере корпоративного права. Так, в корпоративном праве предусмотрено, что директор должен действовать в соответствии с поведенческим стандартом «обычной осторожности и осмотрительности» (Graham v. Allis-Chalmers Mfg. Co., Del. 1963). В одном из резонансных прецедентов (Smith v. Van Gorkom, Del. 1985) нарушение обязанности проявить заботу в отношении корпорации квалифицируется как «грубая неосторожность» (gross negligence). Таким образом, даже терминологический аппарат указывает на связь данной ответственности с деликтным правом.

Необходимо отметить, что российская научная доктрина в сфере корпоративного права признает частичную рецепцию подходов, разработанных в корпоративном праве США. Так, ряд российских ученых указывает, что «правило делового решения» (business judgment rule) предусмотрено положениями п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [17; 18].

Так, А.А. Макеева отмечает, что положения указанного постановления «свидетельствуют об установлении в России аналога

американского правила делового решения (business judgment rule). Оно закрепляет презумпцию добросовестности менеджера, если он действовал на основе всей доступной информации, добросовестно полагая при этом, что действует в наилучших интересах компании» [12].

Следует отметить, что в российской цивилистической науке развернулась достаточно активная дискуссия, связанная с влиянием англо-американского корпоративного права на разработку доктрины фидуциарных обязанностей в российском корпоративном праве [8; 10; 11; 13].

С учетом указанного влияния иностранного опыта на российскую научную доктрину вызывает интерес вопрос о правовой природе ответственности директора за убытки, причиненные коммерческой корпорации (хозяйственному общему) по российскому праву.

Так, многие российские ученые традиционно придерживаются позиции, что данная ответственность по своей правовой природе является внедоговорной ответственностью из причинения вреда (деликтная ответственность) [6]. Например, С.А. Сеницын отмечает, что в российской науке отсутствует необходимость в квалификации корпоративной ответственности в качестве нового вида ответственности, поскольку это «только способствовало бы расплыванию положений о различных формах и мерах подотраслевой ответственности в предмете гражданского права в не связанные друг с другом нормы и институты, а также размножению видов гражданско-правовой ответственности» [14].

Заслуживает внимания то, что российская правоприменительная практика последовательно рассматривает ответственность директора за убытки, причиненные хозяйственному обществу, в качестве деликтной ответственности (Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 305-ЭС19-8975).

Однако в российской научной литературе высказывается позиция о самостоятельной природе ответственности директора за убытки, причиненные хозяйственному обществу. Так, апологетом данного подхода является О.В. Гутников, указывающий, что критериями выделения корпоративной ответственности, помимо специфики корпоративных отноше-

ний, является также и специфика корпоративных правонарушений. По мнению автора, корпоративная ответственность наступает за нарушение корпоративных обязанностей лицом, состоящим с корпорацией в относительных корпоративных правоотношениях (за нарушение «особых управленческих обязанностей»). Автор считает, что специфика корпоративных отношений предопределяет «сложность установления причинно-следственных связей между корпоративным правонарушением и его негативными последствиями». Поэтому в судебной практике, по сути, установлены доказательственные презумпции наличия причинно-следственной связи. Еще одним отличием являются «презумпции невиновности нарушителя корпоративных обязанностей действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно». Этим, по мнению О.В. Гутникова, корпоративная ответственность отличается от деликтной или договорной ответственности, где по общему правилу установлена презумпция вины правонарушителя. Далее автор, исчерпав аргументацию, начинает ссылаться и на «правило делового решения», а также «процессуальные особенности рассмотрения судами соответствующих корпоративных споров» [8].

Действительно, в научной литературе в качестве основного отличия договорной от деликтной ответственности указывают на то, что причинитель вреда и потерпевший не являются участниками относительных правоотношений, которые предшествуют факту причинения вреда [15, с. 187]. Однако гражданскому праву известны специальные деликты (деликтные обязательства), в которых деликвент и потерпевший состояли в относительных правоотношениях на момент причинения вреда.

Так, классическим примером данного феномена, посягающим на традиционное разграничение договорных и деликтных обязательств, является специальный деликт по возмещению вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг (ст. 1095–1098 ГК РФ). Например, в рамках данного деликта покупатель вправе требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара. Далее, правилами ст. 800 ГК РФ предусмотрена обязанность перевоз-

чика возместить вред, причиненный жизни или здоровью пассажира.

В работе Д.Е. Богданова, рассматривающего вопросы соотношения договорной и деликтной ответственности, а также расширение сферы императивной ответственности, приводится позиция Г. Гилмора, считавшего, что «конструкции деликтной ответственности стали более широко проникать в сферу договорной ответственности... договоры сегодня перекрываются влиянием деликтного права и деликтных конструкций, а право настоятельно движется к системе обязательств, основанных на законе, даже в областях, которые традиционно рассматривались как исключительная сфера договора» [3; 26, р. 87–88].

На этом основании можно констатировать, что позиция О.В. Гутникова не опровергает деликтную природу ответственности директора за убытки, причиненные им корпорации. По сути, О.В. Гутников просто подтвердил, что данный «корпоративный деликт» является особым, специальным деликтом в системе деликтов (деликтной ответственности) по российскому праву. По отношению к данному специальному деликту общими правилами являются положения гл. 59 ГК РФ. Следует отметить, что категория «корпоративного деликта» упоминается в работах и других авторов [5; 9; 14].

Представляет интерес позиция Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал, что применение норм о специальных деликтах «предполагает наличие как общих условий деликтной (то есть внедоговорной) ответственности (наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя), так и специальных условий такой ответственности, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий» (Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2019 № 26-П).

Таким образом, российское законодательство прямо предусматривает специальные деликты, которые отличаются от генерального деликта (ст. 1064 ГК РФ) условиями своей ответственности. Например, в силу п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в

случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Таким образом, по данному специальному деликту предусмотрен специальный порядок установления вины публично-правового образования. Поскольку вина деликвента (публично-правового образования) будет установлена только в том случае, если будет вынесен обвинительный приговор в отношении федерального судьи, ранее действующего от имени Российской Федерации при осуществлении правосудия.

Поэтому отсутствие презумпции вины директора не является уникальным явлением как для договорной, так и для деликтной ответственности. Например, презумпция невиновности перевозчика предусмотрена в ст. 118 Федерального закона от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации». Следует также отметить, что указанная О.В. Гутниковым презумпция причинно-следственной связи в рамках «корпоративного деликта» также не является уникальным явлением для гражданско-правовой ответственности как в российском, так и зарубежном праве.

Например, можно указать на «картельный» деликт, связанный с причинением вреда потерпевшим (покупателям товаров) в результате картельного сговора. Так, в п. 2 ст. 17 Директивы ЕС 2014/104/EU от 05.12.2014 предусмотрена опровержимая презумпция причинения картелем имущественного ущерба. Современная судебная практика ряда стран Европы (ФРГ, Италия, Нидерланды и т. д.) основывается на подходе, что размер такого презумируемого вреда, причиненного картельным сговором, составляет порядка 15 % от цены каждого товара, приобретенного покупателем у участника сговора. Таким образом, при наличии картельного сговора презумируется как наличие вреда, так и причинно-следственной связи между таким сговором и вредом, возникшим у потерпевшего [1]. В научной литературе приводятся и другие примеры презумирования причинно-следственной связи в сфере деликтной ответственности как в российском, так и зарубежном праве [4]. На презумпцию причинно-следственной связи в сфере договорной ответственности указывается в абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верхов-

ного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Выводы

Проведенный анализ позволяет констатировать, что выделенные учеными особенности «корпоративного деликта» не дают возможности подводить его под самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности. Используя «бриту Оккама», можно утверждать, что «не следует множить сущее без необходимости» [16]. Как в российской, так и зарубежной научной доктрине указывается на неразрывную связь корпоративного деликта с общей концепцией деликтной ответственности.

«Корпоративный деликт», в том числе вред, причиненный корпорации поведением директора, можно квалифицировать как один из специальных деликтов. В российском праве отсутствуют основания для выделения самостоятельной корпоративной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, Д. Е. Возмещение вреда, причиненного картелем, в российском и зарубежном праве / Д. Е. Богданов, С. Г. Богданова // Юрист. – 2022. – № 4. – С. 34–40.
2. Богданов, Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности. Опыт сравнительно-правового исследования / Д. Е. Богданов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. – 119 с.
3. Богданов, Д. Е. Императивная ответственность в договорных отношениях с позиций справедливости // Законодательство и экономика. – 2013. – № 3. – С. 27–35.
4. Богданов, Д. Е. Влияние принципа справедливости на эволюцию учения о причинности в деликтной ответственности / Д. Е. Богданов // Адвокат. – 2012. – № 7. – С. 5–15.
5. Быканов, Д. Д. Ответственность директора за сделки с конфликтом интересов: значение согласия участников и проблема двойного взыскания / Д. Д. Быканов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 76–84.
6. Власова, А. С. Обычный предпринимательский риск в контексте ответственности руководителя юридического лица за причиненные ему убытки / А. С. Власова, Н. М. Удалова // Закон. – 2020. – № 3. – С. 79–89.
7. Гутников, О. В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве / О. В. Гутников // Гражданское право. – 2019. – № 6. – С. 25–29.
8. Гутников, О. В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике / О. В. Гутников // Журнал российского права. – 2021. – № 6. – С. 48–65.
9. Долинская, В. В. Проблемы взаимодействия деликтного права и права корпораций (корпоративного права) / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 9. – С. 9–17.
10. Ломакин, Д. В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против / Д. В. Ломакин // Гражданское право. – 2019. – № 4. – С. 3–8.
11. Луценко, С. И. Правовые основания для фидуциарных обязанностей руководителя / С. И. Луценко // Современное право. – 2017. – № 9. – С. 56–63.
12. Макеева, А. А. Поиск баланса в регулировании ответственности единоличного исполнительного органа / А. А. Макеева // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2020. – № 4. – С. 52–60.
13. Махалин, И. Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки / И. Н. Махалин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 1. – С. 152–200.
14. Сеницын, С. А. Деликтная ответственность в корпоративном праве / С. А. Сеницын // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 54–68.
15. Смирнова, М. А. Соотношение обязательственных требований в российском гражданском праве / М. А. Смирнова // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 7 / под ред. О. Ю. Шилохова. – М., 2003. – С. 185–208.
16. Смирнов, Г. А. Оккам, Уильям / Г. А. Смирнов // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – С. 142–144.
17. Шелудяев, В. В. Привлечение к ответственности по крупным сделкам и сделкам с заинтересованностью, проблемы и специфика / В. В. Шелудяев, Е. А. Зверюкова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2023. – № 4. – С. 20–24.
18. Шиткина, И. С. Исполнительные органы хозяйственного общества : монография / И. С. Шиткина. – М. : Статут, 2022. – 316 с.
19. Allen, W. T. Commentaries and Cases on the Law of Business Organization / W. T. Allen, R. H. Kraakman. – Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer, 2017. – 721 p.
20. Cardi, W. J. The Hidden Legacy of Palsgraf: Modern Duty Law in Microcosm / W. Cardi // Boston University Law Review. – 2011. – Vol. 91. – P. 1873–1913.

21. Cardi, W. J. Duty Wars / W. J. Cardi, M. D. Green // *California Law Review*. – 2008. – Vol. 81. – P. 671–721.

22. Cardi, W. J. Purging Foreseeability: The New Vision of Duty and Judicial Power in the Proposed Restatement (Third) of Torts / W. J. Cardi // *Vanderbilt Law Review*. – 2005. – Vol. 58. – P. 739–770.

23. Choi, P. The Duty of Care as a Duty in Rem / P. Choi // *Journal of Law: Periodical Laboratory of Leg. Scholarship (1 New Voices)*. – 2014. – Vol. 4. – P. 307–336.

24. Farnsworth, W. Torts: Cases and Questions / W. Farnsworth, M. F. Grady. – 2nd ed. – Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer Law & Business, 2009. – 800 p.

25. Farrar, J. H. Directors' Duties of Care / J. H. Farrar // *Singapore AcAD Law Journal*. – 2011. – Vol. 23. – P. 745–754.

26. Gilmore, G. The Death of Contract / G. Gilmore. – Columbus (Ohio) : Ohio State University, 1974. – 151 p.

27. Gubler, Z. J. The Neoclassical View of Corporate Fiduciary Duty Law / Z. J. Gubler // *The University of Chicago Law Review*. – 2024. – Vol. 91. – P. 165–238.

28. Kahan, M. When the Government Is the Controlling Shareholder / M. Kahan, E. B. Rock // *Texas Law Review*. – 2011. – Vol. 89. – P. 1293–1327.

29. Mullis, A. Torts / A. Mullis, K. Oliphant. – 3rd ed. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2003. – 422 p.

30. Rhee, R. J. The Tort Foundation of Duty of Care and Business Judgment / R. J. Rhee // *Notre Dame Law Review*. – 2013. – Vol. 88. – P. 1139–1198.

31. Steel, S. Rationalising Omissions Liability in Negligence / S. Steel // *Law Quarterly Review*. – 2019. – Vol. 135. – P. 484–509.

32. Zipursky, B. C. The Restatement (Third) and the Place of Duty in Negligence Law / B. C. Zipursky, J. C. P. Goldberg // *Vanderbilt Law Review*. – 2001. – Vol. 54. – P. 657–750.

from the Standpoint of Justice]. *Zakonodatelstvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2013, no. 3, pp. 27-35.

4. Bogdanov D.E. Vliyanie principa spravedlivosti na evolyuciyu ucheniya o prichinnosti v deliktnoj otvetstvennosti [Influence of the Principle of Justice on the Evolution of the Doctrine of Causality in Tort Liability]. *Advokat* [Advocate], 2012, no. 7, pp. 5-15.

5. Bykanov D.D. Otvetstvennost direktora za sdelki s konfliktom interesov: znachenie soglasiya uchastnikov i problema dvojnogo vzykaniya [Director's Responsibility for Transactions with a Conflict of Interest: Importance of the Consent of the Participants and the Problem of Double Recovery]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federacii* [Property Relations in the Russian Federation], 2021, no. 5, pp. 76-84.

6. Vlasova A.S., Udalova N.M. Obychnyj predprinimatelskij risk v kontekste otvetstvennosti rukovoditelya yuridicheskogo lica za prichinnnyye emu ubytki [Ordinary Business Risk in the Context of the Responsibility of the Head of a Legal Entity for the Losses Caused]. *Zakon* [Law], 2020, no. 3, pp. 79-89.

7. Gutnikov O.V. Fiduciarnye obyazannosti v rossijskom korporativnom prave [Fiduciary Duties in Russian Corporate Law]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2019, no. 6, pp. 25-29.

8. Gutnikov O.V. Razvitie korporativnoj otvetstvennosti v sudebnoj praktike [Development of Corporate Responsibility in Judicial Practice]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, no. 6, pp. 48-65.

9. Dolinskaya V.V. Problemy vzaimodejstviya deliktного prava i prava korporacij (korporativного prava) [Problems of Interaction of Tort Law and Corporate Law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 9, pp. 9-17.

10. Lomakin D.V. Fiduciarnye obyazannosti uchastnikov korporativnyh otnoshenij: za i protiv [Fiduciary Duties of Participants in Corporate Relations: Pros and Cons]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2019, no. 4, pp. 3-8.

11. Lucenko S.I. Pravovye osnovaniya dlya fiduciarnyh obyazannostej rukovoditelya [Legal Basis for the Fiduciary Duties of the Head]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2017, no. 9, pp. 56-63.

12. Makeeva A.A. Poisk balansa v regulirovanii otvetstvennosti edinolichnogo ispolnitelnogo organa [Search for a Balance in the Regulation of the Responsibility of the Sole Executive Body]. *Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes»* [Entrepreneurial Law. Application "Law and Business"], 2020, no. 4, pp. 52-60.

13. Mahalin I.N. Doktrina fiduciarnyh obyazannostej: zashchitnica doveriya pod maskoj anglijskoj shpionki [Doctrine of Fiduciary Duties: Defender of Trust Under the Guise of an English Spy].

REFERENCES

1. Bogdanov D.E., Bogdanova S.G. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo kartelem, v rossijskom i zarubezhnom prave [Compensation for Damage Caused by the Cartel in Russian and Foreign Law]. *Yurist* [Lawyer], 2022, no. 4, pp. 34-40.

2. Bogdanov D.E. *Evolyuciya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti. Opyt sravnitelno-pravovogo issledovaniya* [Evolution of Civil Liability. Experience of Comparative Legal Research]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., *Zakon i pravo* Publ., 2011. 119 p.

3. Bogdanov D.E. Imperativnaya otvetstvennost v dogovornyh otnosheniyah s pozicij spravedlivosti [Imperative Responsibility in Contractual Relations

Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2020, no. 1, pp. 152-200.

14. Sinicyan S.A. Deliktная otvetstvennost v korporativnom prave [Tort Liability in Corporate Law]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 10, pp. 54-68.

15. Smirnova M.A. Sootnoshenie obyazatelstvennyh trebovanij v rossijskom grazhdanskom prave [Ratio of Obligation Claims in Russian Civil Law]. Shilohovost O.Yu., ed. *Aktualnye problemy grazhdanskogo prava. Vyp. 7* [Actual Problems of Civil Law. Iss. 7]. Moscow, 2003, pp. 185-208.

16. Smirnov G.A. Okkam, Uilyam [Ockham, William]. *Novaya filosofskaya enciklopediya. V 4 t. T. 3* [New Philosophical Encyclopedia: In 4 Vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 2010, pp. 142-144.

17. Sheludyaev V.V., Zveryukova E.A. Privlechenie otvetstvennosti po krupnym sdelkam i sdelkam s zainteresovannostyu, problemy i specifika [Bringing to Responsibility for Large Transactions and Related-Party Transactions, Problems and Specifics]. *Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava* [Journal of Entrepreneurial and Corporate Law], 2023, no. 4, pp. 20-24.

18. Shitkina I.S. *Iсполнителные органы hozyajstvennogo obshchestva: monografiya* [Executive Bodies of a Business Company: Monograph]. Moscow, Statut Publ., 2022. 316 p.

19. Allen W.T., Kraakman R.H. *Commentaries and Cases on the Law of Business Organization*. Alphen aan den Rijn, Wolters Kluwer, 2017. 721 p.

20. Cardi W.J. The Hidden Legacy of Palsgraf: Modern Duty Law in Microcosm. *Boston University Law Review*, 2011, vol. 91, pp. 1873-1913.

21. Cardi W.J., Green M.D. Duty Wars. *California Law Review*, 2008, vol. 81, pp. 671-721.

22. Cardi W.J. Purging Foreseeability: The New Vision of Duty and Judicial Power in the Proposed Restatement (Third) of Torts. *Vanderbilt Law Review*, 2005, vol. 58, pp. 739-770.

23. Choi P. The Duty of Care as a Duty in Rem. *Journal of Law: Periodical Laboratory of Leg. Scholarship (1 New Voices)*, 2014, vol. 4, pp. 307-336.

24. Farnsworth W., Grady M.F. *Torts: Cases and Questions*. Alphen aan den Rijn, Wolters Kluwer Law & Business, 2009. 800 p.

25. Farrar J.H. Directors' Duties of Care. *Singapore AcAD Law Journal*, 2011, vol. 23, pp. 745-754.

26. Gilmore G. *The Death of Contract*. Columbus (Ohio), Ohio State University, 1974. 151 p.

27. Gubler Z.J. The Neoclassical View of Corporate Fiduciary Duty Law. *The University of Chicago Law Review*, 2024, vol. 91, pp. 165-238.

28. Kahan M., Rock E.B. When the Government Is the Controlling Shareholder. *Texas Law Review*, 2011, vol. 89, pp. 1293-1327.

29. Mullis A., Oliphant K. *Torts*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2003. 422 p.

30. Rhee R.J. The Tort Foundation of Duty of Care and Business Judgment. *Notre Dame Law Review*, 2013, vol. 88, pp. 1139-1198.

31. Steel S. Rationalising Omissions Liability in Negligence. *Law Quarterly Review*, 2019, vol. 135, pp. 484-509.

32. Zipursky B.C., Goldberg J.C.P. The Restatement (Third) and the Place of Duty in Negligence Law. *Vanderbilt Law Review*, 2001, vol. 54, pp. 657-750.

Information About the Author

Igor Yu. Nadeev, Postgraduate Student, Russian University of Cooperation, Very Voloshinoy St, 12/30, 141014 Mytishchi, Russian Federation, ariorkh1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7811-8489>

Информация об авторе

Игорь Юрьевич Надеев, аспирант, Российский университет кооперации, ул. Веры Волошиной, 12/30, 141014 г. Мытищи, Российская Федерация, ariorkh1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7811-8489>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.17>

UDC 347.6

LBC 67.404.5

Submitted: 06.06.2024

Accepted: 06.07.2024

THE IMPLEMENTATION OF ENVIRONMENTAL CRITERIA INTO THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM IN RUSSIA

Iolanta V. Baltutite

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: based on the analysis of the achieved level of formal institutionalization of “green” public procurement in the Russian legislation, the paper substantiates the need to introduce environmental criteria. **Purpose:** to investigate the specifics of the implementation of environmental criteria into public procurement in Russia. **Methods:** the analysis of literary and scientific sources, synthesis. **Results:** the author examines the features of “green” public procurement through the prism of the current legislation regulating this process. Customers, putting forward requirements for environmental safety, including the effectiveness of goods purchased for state needs, provide the state with higher-quality products. In addition, such innovations encourage manufacturers and suppliers of goods and services to develop their activities taking into account environmental and energy-efficient trends. It is expected that the introduction of environmental criteria in procurement will lead to a reduction in the use of primary resources and reduce negative impacts on the environment. However, it is too early to talk about the formation of a national green procurement system. All this hinders the normal development of the public “green” procurement system. **Conclusions:** the development of the Russian “green” procurement system today requires national incentives since it has great potential in solving many internal national and regional problems. Based on the results obtained, the recommendations are formulated for the gradual integration of the norms and practices related to the greening of the procurement process into the contract system.

Key words: procurement, public procurement, “green” public procurement, environmental criteria, environmental requirements.

Citation. Baltutite I.V. The Implementation of Environmental Criteria into the Public Procurement System in Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 130-134. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.17>

УДК 347.6

ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 06.06.2024

Дата принятия статьи: 06.07.2024

ВНЕДРЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ В СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ

Иоланта Видмантовна Балтутите

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: с учетом проведенного анализа степени формальной институционализации «зеленых» государственных закупок в законодательных нормах Российской Федерации в статье представлено обоснование целесообразности утверждения экологических критериев в данной сфере. **Цель:** провести исследование специфики разработки критериев в экологических государственных закупках на территории РФ. **Методы:** анализ литературных и научных источников, синтез. **Результаты:** автор рассматривает особенности «зеленых» государственных закупок с позиций действующего законодательства, регулирующего данный процесс. Заказчики, выдвигая требования экологической безопасности, в том числе по результативности товаров, приобретаемых для нужд государства, обеспечивают государство продукцией более высокого качества. Кроме того, такие нововведения поощряют производителей и поставщиков товаров и услуг развивать свою деятельность с учетом экологических и энергоэффективных тенденций. Ожидается, что внедрение экологических критериев в закупки приведет к сокращению использования первичных ресурсов и снижению нега-

тивного воздействия на окружающую среду. Тем не менее пока рано говорить о формировании национальной системы «зеленых» закупок. Большинство поставщиков участвуют в процедурах государственных закупок, не имея опыта использования экологических характеристик своих товаров, а надзорные органы трактуют положения федеральных законов в сторону упрощения. Все это препятствует нормальному развитию системы государственных «зеленых» закупок. **Выводы:** развитие российской системы «зеленых» закупок сегодня требует национального стимулирования, поскольку она обладает огромным потенциалом в решении многих внутренних национальных и региональных проблем. С учетом полученных результатов были сформированы рекомендации поэтапного внедрения в контрактную систему существующего опыта и требований в экологической сфере.

Ключевые слова: закупки, государственные закупки, «зеленые» государственные закупки, экологические критерии, экологические требования.

Цитирование. Балтутите И. В. Внедрение экологических критериев в систему государственных закупок в России // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 130–134. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.17>

Введение

В России закупки для государственных нужд относятся к значимому инструменту экономического управления. В качестве цели производимых закупок выступает результативное расходование средств из бюджета на различных уровнях, что способствует созданию конкурентной среды и обеспечению требуемого потребителями количества и надлежащего качества товаров. В настоящее время в Российской Федерации не выработана на федеральном уровне общая политика по развитию и внедрению так называемых «зеленых» закупок для нужд государства. При этом государство уделяет немалое внимание данной теме.

При реализации «зеленых» закупок применяются различные методы практического содержания. К ним можно отнести экологические нормы, предъявляемые к услугам и товарам, которые необходимо приобретать стране и муниципалитетам. В настоящее время никто не описал успешного внедрения подобных закупок в России. Однако компании внедряют экологические стандарты [2, с. 6]. Имеющийся опыт демонстрирует способности предприятия предлагать товары высокого качества, участвуя в «зеленых» закупках для государственных нужд. Успешное внедрение таких закупок на крупных предприятиях показывает принципиальную возможность соблюдения экологических требований к приобретаемым товарам. Хотя частные покупатели имеют достаточную независимость в определении экологических норм, однако существуют определен-

ные проблемы, схожие с трудностями государственных закупок.

Действующие стандарты в экологической сфере предусматривают необходимость применения технологий, направленных на сбережения ресурсов на этапе производства и выбора материалов для упаковки. В настоящее время отмечается переход к использованию экологически чистых технологий. Однако существуют значительные риски, связанные с непредвиденными результатами применения оборудования и технологий. Внедрение «зеленых» закупок позволяет приобретать товары и услуги, которые в меньшем объеме негативно сказываются на экологической обстановке.

Законодательные основы внедрения экологических критериев в систему государственных закупок

Законодательные нормы РФ регламентируют соблюдение экологических требований при реализации закупок. В то же время не разработаны стандарты и основные понятия.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предусматривает возможность уточнения норм, посвященных экологии, при реализации закупок для государственных нужд. Законодатель не закрепил определения о товарах и услугах, имеющих место при государственных закупках. Так, п. 3 ч. 1 ст. 32 Федерального закона № 44-ФЗ включает условия наличия сведений по закупкам в документах и ин-

формации об объекте закупки [4]. В то же время не уточнена специфика экологических характеристик, включая определение их понятия. Существуют и другие недоработки. Обратим внимание на понятие спроса. На законодательном уровне термин не определен. Однако отсутствие законодательных норм не относится к трудностям по использованию на практике уже утвержденных требований. В дальнейшем законодатель должен предусмотреть дефиниции об экологических характеристиках.

В то же время п. 3 ч. 1 ст. 32 Федерального закона № 44-ФЗ при реализации «зеленых» государственных закупок предоставляет возможность принятия необходимых решений. При этом действуют условия, перечисленные в добровольных стандартах либо обязательных нормах, установленных в нормативных правовых актах и технических регламентах [4].

Сегодня необходимо официально закрепить в законодательстве наиболее адекватное понятие о государственных экологических закупках. Достаточно часто данный вид закупок сопровождается применением экологических норм на этапе описания предмета закупки. В качестве цели выступает снижение негативного влияния на окружающую среду, в том числе на этапе общего жизненного цикла приобретаемых товаров и услуг. Со стороны Министерства природных ресурсов и экологии РФ было высказано мнение, что стандарты для закупочной документации должны включать соответствующие ГОСТы. Разрабатываемые нормы по защите окружающей среды должны носить обязательный характер. В то же время действующая система закупок включает применение различных штрафов. Со стороны заказчиков отсутствует желание предъявлять к приобретаемой продукции дополнительный объем требований. Однако заказчики будут вынуждены соблюдать условия, если экологические нормы будут иметь императивный характер на законодательном уровне. Подчеркнем, что общего способа применения экологических норм при реализации государственных закупок на сегодняшний день не выработано. Для данной цели важно внести новые условия в различных сферах законодательства. При этом используются различные способы. К ним можно отнести сфе-

ру юриспруденции, финансовые условия, в том числе информационные, а также способы поддержания партнерства.

На этапе детализации объекта закупки обязательным условием объявляются понятия и условные обозначения, связанные с техническими особенностями товара. Также признаются значимыми сведения функциональных показателей и пр. Перечисленные данные отвечают законодательным нормам и условиям технических регламентов, используемых в системе стандартизации РФ. Законодательство о стандартизации предусматривает нормы по отношению к товарам и услугам, которые поставляются и оказываются для заказчика.

При отсутствии в описании объекта закупки терминологии, предусмотренной в правилах стандартизации и техническом регламенте, заказчик должен перечислить основания целесообразности применения иных условий при реализации закупочных действий. Обязательные требования и стандарты в сфере экологии подчеркивают результативность их применения заказчиками, в том числе на моменте становления реализации «зеленых» закупок для государственных нужд. Подобный подход имеет зависимость от дальнейшей модернизации законодательных норм и соблюдения технического надзора со стороны государства.

Описание объекта с учетом требований Федерального закона № 44-ФЗ содержит несколько условий. К ним можно отнести результаты проведенных испытаний и реализованных работ, в том числе различные технические показатели. Необходимо также отметить этикетки, требования к упаковке, различные чертежи и планы и пр. Информация демонстрирует метод производства и соблюдение технологических процессов [4].

На сегодняшний день экологическая маркировка товаров набирает свою популярность. Требования к наличию маркировки законодатель связывает с нормами технических регламентов, а также с технической спецификацией и иными документами, применяемыми при государственной стандартизации товаров. В свою очередь, заказчики должны стремиться к выполнению действующих требований, предусмотренных в законодательных нормах.

Рекомендации по развитию «зеленых» закупок в Российской Федерации

Одной из первых задач в сфере разработки экологических норм при реализации государственных закупок выступает формирование правовой основы. На сегодняшний день поставщики и заказчики не обладают полным объемом необходимых возможностей по использованию принципов постоянства в своем дальнейшем развитии. Изначально модернизацию необходимо начать с условий в описании предмета покупки либо в названии товара, предусматривающих экологические нормы. Также экологические нормы могут относиться к обязательным характеристикам поставляемых товаров и оказываемых услуг. Спецификация контракта закупки должна включать подобные требования. В качестве рекомендации могут выступать условия о маркировке, включающей информацию об экологических характеристиках к способу либо составу производства закупаемого товара, в том числе к переработке продукта поставщика. Общей спецификой перечисленных условий является возможность их количественной измеримости.

Соблюдение принципа «зеленых» закупок должно реализовываться на этапе отбора победителей проводимых торгов. Так, может соблюдаться принцип исключения из претендентов в победители поставщиков в связи с их преступными деяниями в экологической сфере [1, с. 155]. Законодательные нормы Российской Федерации регламентируют различные способы определения победителя в торгах. Среди поставщиков лучшее предложение выбирается по стоимости жизненного цикла товара либо цене за него. При выборе низкой цены за товар применяется самый простой метод уточнения победителя. Однако продукты, которые отвечают экологическим нормам, нельзя отнести к самым дешевым.

Условия подписываемого контракта могут предусматривать экологические стандарты. Стороны контракта несут обязательства по их соблюдению. Также можно уделить внимание снижению воздействия на окружающую среду и общему объему средств, который может быть сохранен [3].

Анализ полученных результатов исследования демонстрирует, что разработка законо-

дательных норм выступает в качестве основы для соблюдения принципа «зеленых» закупок.

Предлагаем редакцию ст. 32 и 33 Федерального закона № 44-ФЗ дополнить понятием государственных экологических закупок. По отношению к заказчикам должны предусматриваться обязательные нормы, связанные с содержанием спецификации и технической спецификации, посвященные необходимости охраны окружающей среды.

Применение экологических товарных знаков должно относиться к обязательному условию.

Приобретаемая продукция должна иметь соответствующие экологические метки. Если продукция не отвечает предусмотренным экологическим нормам, законодательство обязано включать условия лицензирования данного вида продукции. По нашему мнению, целесообразно увеличить количество исследований по вопросу «зеленых» закупок. Также необходимо осуществить подготовку квалифицированных кадров в данной сфере.

Выводы

Решить проблему применения экологических требований в описании объекта закупки можно. Прежде всего это определяется органами исполнительной власти на федеральном уровне, которые реализуют правовые положения в области охраны окружающей среды, экологические требования к товарам, проектам и услугам, и заказчик должен включить эти требования в документы о закупке. Именно отсутствие предусмотренных законом экологических требований препятствует более активному использованию государственных «зеленых» закупок. Квалификационные требования по отношению к поставщику также должны включать экологические нормы. Модернизация законодательных норм для привлечения государства в процесс закупок и оказания влияния на социальное развитие и экономику требует исключения существующих ограничений. Применяемые критерии оценки предложений также могут включать экологические нормы. Федеральный закон № 44-ФЗ предусматривает нормы применения экологических характеристик, однако отсутствуют какие-либо стандарты. Для оценки заявки экологические стандарты должны иметь отношение к продукту,

который приобретает. Помимо этого, нормы должны быть измеримыми. Экологические стандарты часто прописываются в дополнительных условиях подписываемого контракта с победителем конкурса. Например, к ним относится обязанность доставки продукции транспортом, который в меньшей степени отрицательно влияет на экологическую обстановку. Могут использоваться контейнеры, которые подлежат вторичной переработке. Тендерная документация в своем стандартном комплекте может предусматривать дополнительные условия. При реализации пилотного проекта либо на региональном уровне может осуществляться тестирование рекомендуемых условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амбросов, А. И. Особенности регионального законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд на примере Санкт-Петербурга / А. И. Амбросов, С. В. Пискунова // Молодой ученый. – 2022. – № 5 (400). – С. 154–156.
2. Иншакова, А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>
3. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – 25 июля (№ 30, ч. 1). – Ст. 4571.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 8 апр. (№ 14). – Ст. 1652.

ципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 8 апр. (№ 14). – Ст. 1652.

REFERENCES

1. Ambrosov A.I., Piskunova S.V. Osobennosti regionalnogo zakonodatelstva v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya gosudarstvennyh nuzhd na primere Sankt-Peterburga [Features of Regional Legislation in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for Public Needs on the Example of St. Petersburg]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2022, no. 5 (400), pp. 154-156.
2. Inshakova A.O. Oborot obyektov grazhdanskih prav imushchestvennogo haraktera: osnovnye ponyatiya, vidy, tendencii zakonodatelnogo razvitiya [The Circulation of Property Objects of Civil Law Rights: Basic Concepts, Types, Trends of Legislative Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>
3. Federalnyj zakon ot 18.07.2011 № 223-FZ “O zakupkah tovarov, rabot, uslug otdelnymi vidami yuridicheskikh lic” (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011 “On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities” (With Amendments and Additions)]. *Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2011, July 25 (no. 30, part 1), art. 4571.
4. Federalnyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipalnyh nuzhd» [Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 “On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs”]. *Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2013, Apr. 8 (no. 14), art. 1652.

Information About the Author

Iolanta V. Baltutite, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

Информация об авторе

Иоланта Видмантовна Балгутите, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.18>

UDC 347.122
LBC 67.404.01

Submitted: 03.06.2024
Accepted: 25.06.2024

THE NOTARIAL FORM OF A CONTRACT AS A WAY TO PROTECT THE CIVIL RIGHTS OF MINOR SUBJECTS IN ELECTRONIC TRANSACTIONS

Svetlana V. Artamonnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the notarial form of a contract is one of the ways to protect civil rights in the field of family relations, including in electronic transactions requiring special guarantees and security measures, for the subsequent neutralization of possible disputes and unfair actions. Therefore, the use of a notarial form in such cases becomes a necessary step to ensure the rights and interests of the parties. The notary, as an independent and professional expert involved in the certification of transactions, ensures the reliability and legality of documents. They check the identity of the parties, their legal capacity, as well as the correctness of the formatting and content of the contract. This eliminates the possibility of forgery or providing false data. **Purpose:** to determine the validity of the use of the notarial form in transactions with minor participants, to identify the advantages of using this form and to create a legal structure for maximum protection of the rights of minors in civil contracts entailing the alienation or acquisition of real estate. **Methods:** the methodological framework for the study consists of methods of scientific cognition, whose main ones are the methods of consistency and analysis. **Results:** the author analyzes the legal mechanisms and legal features in transactions involving minors, examines the main theoretical and practical problems of the legal regulation of the implementation and organization of such transactions, including with the use of digital technologies, and formulates specific proposals to improve the current legislation in this area. **Conclusions:** the notarial form of a contract is an effective way to protect civil rights in the field of family relations, especially in the context of electronic transactions. Its use ensures trust between the parties, the legality and execution of the agreement, and helps to prevent possible conflicts and disputes.

Key words: family legal relations, electronic form of a transaction, notary, electronic digital signature, minor.

Citation. Artamonnikova S.V. The Notarial Form of a Contract as a Way to Protect the Civil Rights of Minor Subjects in Electronic Transactions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 135-139. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.18>

УДК 347.122
ББК 67.404.01

Дата поступления статьи: 03.06.2024
Дата принятия статьи: 25.06.2024

НОТАРИАЛЬНАЯ ФОРМА ДОГОВОРА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СУБЪЕКТОВ В ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛКАХ

Светлана Васильевна Артамонникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: нотариальная форма договора является одним из способов защиты гражданских прав в сфере семейных правоотношений, в том числе в электронных сделках, требующих особых гарантий и мер безопасности, для последующей нейтрализации возможных споров и недобросовестных действий. Поэтому использование нотариальной формы в таких случаях становится необходимым шагом для обеспечения прав и интересов сторон. Нотариус, как независимый и профессиональный эксперт, занимающийся удостоверением сделок, обеспечивает надежность и законность документов. Он проверяет личность сторон, их правоспособность, а также правильность оформления и содержания договора. Это позволяет исключить возмож-

ность подделки или предоставления недостоверных данных. **Цель:** определить обоснованность применения нотариальной формы в сделках с несовершеннолетними участниками, выявить преимущества использования данной формы, создать правовую конструкцию максимальной защиты прав несовершеннолетних в гражданско-правовых договорах, влекущих отчуждение или приобретение недвижимости. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности и анализа. **Результаты:** автором проанализированы правовые механизмы и правовые особенности в сделках с участием несовершеннолетних субъектов, рассмотрены основные теоретические и практические проблемы правового регулирования осуществления и организации таких сделок, в том числе с применением цифровых технологий, а также сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере. **Выводы:** нотариальная форма договора является эффективным способом защиты гражданских прав в сфере семейных правоотношений, особенно в условиях электронных сделок. Ее использование обеспечивает доверие между сторонами, законность и исполнение соглашения, а также помогает предотвратить возможные конфликты и споры.

Ключевые слова: семейные правоотношения, электронная форма сделки, нотариус, электронно-цифровая подпись, несовершеннолетний.

Цитирование. Артамонникова С. В. Нотариальная форма договора как способ защиты гражданских прав несовершеннолетних субъектов в электронных сделках // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 135–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.18>

Введение

В современном мире роль нотариуса в регулировании семейных правоотношений с применением электронного документооборота становится все более важной. Внедрение цифровых технологий ускоряет и упрощает процессы оформления сделок, обеспечивает безопасность хранения юридически значимой информации. Электронный документооборот позволяет нотариусу эффективно выполнять свои функции, следовать последним тенденциям в IT-сфере, обеспечивать стороны высококачественными услугами в области семейного права. Регулирование семейных прав в сотрудничестве с нотариатом характеризуется сбалансированным сочетанием частных и публичных интересов, где гражданам предоставляется определенная свобода волеизъявления, но с учетом установленных государством оснований и форм вмешательства для защиты и легализации этих правоотношений. Нотариусы играют ключевую роль в обеспечении публично-правовых функций, защищая права субъектов семейных правоотношений [6].

**Нотариальное удостоверение сделок
с недвижимым имуществом,
принадлежащим
несовершеннолетним субъектам,
как способ защиты их прав и интересов**

Защита семейных прав граждан осуществляется органами государственной власти,

включая органы нотариата, судов, прокуратуры, опеки и попечительства, записи актов гражданского состояния и др. Нотариат демонстрирует высокий уровень доверия со стороны граждан и успешно выполняет функцию защиты прав. Граждане также имеют право на самозащиту своих семейных прав. В отличие от гражданского законодательства, Семейный кодекс РФ не содержит полного списка способов защиты семейных прав, оставляя возможность установления способов на уровне отдельных сфер отношений. В семейном законодательстве можно выделить специфические способы защиты, характерные исключительно для данной области права, а также методы, заимствованные из гражданского законодательства. Отдельное внимание уделяется обеспечению процессуальных гарантий защиты семейных прав, таких как участие прокурора в рассмотрении дел о родительских правах и других важных вопросах. Установление четких оснований для применения различных способов защиты помогает обеспечить стабильность семейных отношений и предотвратить произвольное вмешательство в дела семьи [7].

В апреле 2024 г. прошел Всероссийский жилищный конгресс, объединивший более 800 спикеров по разным тематическим направлениям и 10 тысяч гостей. Одной из актуальных тем конгресса была безопасность сделок. Представители риелторского и нотариального сообщества подчеркнули, что но-

тариус – значимая фигура, являющаяся гарантом реализации прав участников оборота недвижимости, в том числе в сделках, совершаемых в дистанционном формате.

Спикерами справедливо было обращено внимание на ключевую роль нотариуса в регулировании брачно-семейных отношений, а также в гражданско-правовой конструкции реализации имущества, принадлежащего несовершеннолетним или недееспособным гражданам [3].

Основные ключевые аспекты участия нотариуса в сфере семейных правоотношений прежде всего связаны с особенностями распоряжения имуществом несовершеннолетнего субъекта.

Нотариальное удостоверение сделок с участием несовершеннолетних и недееспособных граждан является важнейшим инструментом защиты их прав и интересов. В соответствии с действующим законодательством сделки по отчуждению долей в имуществе несовершеннолетних (недееспособных) граждан подлежат обязательному нотариальному удостоверению.

Эта мера направлена на предотвращение незаконного отчуждения имущества несовершеннолетних (недееспособных) граждан и обеспечение их интересов [5]. Нотариус проверяет законность сделки, устанавливает личность сторон, полномочия сторон, наличие и содержание необходимых документов, сведения об арестах и иных ограничениях, наличие процедур банкротства сторон, правоспособность и дееспособность участников [2]. При проведении сделок в дистанционном формате именно при нотариусе формируется простая электронная подпись, для этого используется специальный планшет нотариуса, что исключает возможность подделки подписи сторон. При этом все документы подписываются усиленной электронной цифровой подписью нотариуса, что придает документу повышенную юридическую силу [10].

Однако на практике существует пробел в правовом регулировании, который касается исполнения обязанностей законных представителей, возложенных на них органами опеки и попечительства в отношении предоставления иного жилья взамен отчуждаемого [8]. При этом предоставление другого жилья воз-

можно как до, так и после совершения сделки по отчуждению.

Отсутствие обязательного нотариального удостоверения договоров, совершаемых во исполнение обязательств органов опеки и попечительства, создает риск оспаривания таких сделок в дальнейшем [9]. Сделка, в которой отчуждалась доля несовершеннолетнего продавца, может быть признана недействительной, если жилое помещение взамен не было предоставлено или оно не соответствует установленным требованиям.

Нотариальная форма удостоверения сделок с недвижимостью обладает рядом преимуществ и в совокупности с государственной регистрацией прав сможет обеспечить общепринятые гарантии правовой безопасности сторонам сделки [4].

Заключение

Для устранения пробела и повышения уровня защиты прав и интересов несовершеннолетних (недееспособных) граждан предлагается ввести обязательное нотариальное удостоверение договоров, заключаемых во исполнение обязанностей органов опеки и попечительства, в том числе совершаемых в дистанционном формате.

Это позволит:

- укрепить гарантии защиты прав и интересов уязвимых категорий граждан;
- предотвратить возможные злоупотребления и обман со стороны недобросовестных лиц;
- обеспечить прозрачность и подотчетность сделок с имуществом несовершеннолетних и недееспособных;
- упростить процедуру отслеживания и контроля за исполнением постановлений органов опеки;
- повысить доверие к сделкам с участием несовершеннолетних и недееспособных лиц.

Одним из приоритетных направлений развития электронной трансформации является придание большей динамичности совершению нотариальных действий и гражданскому обороту [1].

Введение единого и слаженного механизма дополнительной защиты в виде нотариаль-

ного удостоверения всех сделок, затрагивающих имущественные права несовершеннолетних и недееспособных граждан, станет важным шагом в обеспечении их законных интересов и предотвращении потенциальных правонарушений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агибалова, Е. Н. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации / Е. Н. Агибалова, А. А. Рыжова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 166–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.24>
2. Артамонникова, С. В. Гражданская правосубъектность участников сделок в сети Интернет: понятие и особенности правового регулирования / С. В. Артамонникова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 112–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.15>
3. Всероссийский жилищный конгресс. – URL: <https://www.sochicongress.ru/>
4. Иншакова, А. О. Обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью как гарант стабильности ее гражданского оборота / А. О. Иншакова, Ю. А. Тымчук // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция*. – 2016. – № 2 (31). – С. 125–133.
5. Каймакова, Е. В. Нотариальные средства защиты имущественных прав граждан от мошенников при купле-продаже жилых помещений / Е. В. Каймакова, Ю. С. Цветова // *Нотариус*. – 2019. – № 8. – С. 27–30.
6. Медяник, Д. С. К вопросу об ответственности нотариусов при удостоверении сделки дистанционно (комментарий к ст. 53.1 Основ законодательства РФ о нотариате) / Д. С. Медяник // *Нотариус*. – 2021. – № 4. – С. 43–44.
7. Обеспечение баланса частноправового регулирования общественных отношений в парадигме конвергенции норм права: научные воззрения доктора юридических наук, профессора А.Н. Левушкина : монография. В 2 т. Т. 2. – М. : Юстицинформ, 2023. – 950 с.
8. Побережная, И. Ю. Сделки с жилым помещением с участием несовершеннолетних граждан / И. Ю. Побережная, С. Г. Побережный, Д. С. Щеткин // *Семейное и жилищное право*. – 2024. – № 2. – С. 27–29. – DOI: [10.18572/1999-477X-2024-2-27-29](https://doi.org/10.18572/1999-477X-2024-2-27-29)
9. Рассказова, Н. Ю. Нотариальная форма сделки и нарушение требования о ее соблюдении / Н. Ю. Рассказова // *Закон*. – 2019. – № 7. – С. 65–72.
10. Щенникова, Л. В. Нотариальная защита прав и законных интересов сторон в отношениях по купле-продаже недвижимого имущества / Л. В. Щенникова // *Нотариус*. – 2023. – № 1. – С. 39–45.

REFERENCES

1. Agibalova E.N., Ryzhova A.A. Sovremennyy notariat v epohu cifrovoj transformacii [Modern Notary in the Era of Digital Transformation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 166–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.24>
2. Artamonnikova S.V. Grazhdanskaja pravosubyektnost uchastnikov sdelok v seti Internet: ponjatie i osobennosti pravovogo regulirovanija [Civil Legal Personality of Parties to Transactions on the Internet: The Concept and Features of the Legal Regulation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 112–115. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.15>
3. *Vserossiyskiy zhilishchnyy kongress* [All-Russian Housing Congress]. URL: <https://www.sochicongress.ru/>
4. Inshakova A.O., Tymchuk Yu.A. Objazatelnoe notarialnoe udostoverenie sdelok s nedvizhimostju kak garant stabilnosti ee grazhdanskogo oborota [Mandatory Notarization Real Estate Transactions as a Guarantee of Its Stability of Civil Turnover]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2016, no. 2 (31), pp. 125–133.
5. Kaymakova E.V., Tsvetova Yu.S. Notarialnye sredstva zashhity imushhestvennyh prav grazhdan ot moshennikov pri kuple-prodazhe zhilyh pomeshhenij [Notarial Means of Protecting the Property Rights of Citizens from Fraudsters in the Purchase and Sale of Residential Premises]. *Notarius* [Notary], 2019, no. 8, pp. 27–30.
6. Medyanik D.S. K voprosu ob otvetstvennosti notariusov pri udostoverenii sdelki distancionno (kommentarij k st. 53.1 Osnov zakonodatelstva RF o notariate) [On the Issue of the Responsibility of Notaries When Certifying a Transaction Remotely (Comment to Article 53.1 of the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries)]. *Notarius* [Notary], 2021, no. 4, pp. 43–44.
7. *Obespechenie balansa chastnopravovogo regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij v paradigme konvergencii norm prava: nauchnye vozzrenija doktora juridicheskikh nauk, professora A.N. Levushkina: monografija. V 2 t. T. 2* [Ensuring the Balance of Private Law Regulation of Public Relations in the Paradigm of Convergence of Legal Norms: Scientific Views of Doctor of Law, Professor A.N. Levushkin. Monograph. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Justicinform Publ., 2023. 950 p.
8. Poberezhnaya I.Yu., Poberezhny S.G., Shchetkin D.S. Sdelki s zhilym pomeshheniem s uchastiem nesovershennoletnih grazhdan [Transactions with Residential Premises with the

Participation of Minors]. *Semejnoe i zhilishhnoe pravo* [Family and Housing Law], 2024, no. 2, pp. 27-29. DOI: 10.18572/1999-477X-2024-2-27-29

9. Rasskazova N. Yu. Notarialnaja forma sdelki i narushenie trebovaniya o ee sobljudenii [Notarial Form of the Transaction and Violation of the Requirement to Comply with It]. *Zakon* [Law], 2019, no. 7, pp. 65-72.

10. Schennikova L.V. Notarialnaja zashhita prav i zakonnyh interesov storon v otnoshenijah po kuple-prodazhe nedvizhimogo imushhestva [Notarial Protection of the Rights and Legitimate Interests of the Parties in Real Estate Purchase and Sale Relations]. *Notarius* [Notary], 2023, no. 1, pp. 39-45.

Information About the Author

Svetlana V. Artamonnikova, Postgraduate Student, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, artamonnikova1@list.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8081-8537>

Информация об авторе

Светлана Васильевна Артамонникова, аспирант, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, artamonnikova1@list.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8081-8537>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.19>

UDC 346.7
LBC 67.404.9

Submitted: 03.06.2024
Accepted: 25.06.2024

THE REGULATION AND WAYS OF USING DIGITAL (INFORMATION) TECHNOLOGIES TO PROTECT COPYRIGHT

Julian V. Vishnivetsky

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the author explores the problem of intellectual property protection, and especially various inventions, know-how in production, industrial designs, and the rapid spread of intellectual property objects on the Internet, where their commercial value is reduced or leveled. In this regard, the chosen research topic is of particular interest and social significance. The Internet information and telecommunications network provides its users with a lot of freedom, which unfortunately generates many offenses. However, progress is also going in a positive direction. The latest technologies of the same Industry 4.0 come to the aid of authors, helping them to protect their works. **Purpose:** to identify gaps in the legal regulation of copyright protection for works on the Internet, to consider the specifics of the copyright protection procedure, as well as to develop scientifically sound recommendations and proposals aimed at filling the gaps in the legislation. **Methods:** the study was conducted based on general scientific and specific scientific methods. Such general scientific methods as the dialectical method and logical methods of analysis, synthesis, induction, and deduction were applied. The comparative method, which was used to analyze the experience of foreign countries, and the formal legal method, became special research methods. The historical research method was used to study the main characteristics of modern copyright, its problems, and their causes. **Results:** a number of problems have been identified in the study of blockchain prospects in the field of copyright, as well as in the development of proposals to improve the legislation in terms of depositing copyright objects. The work contains the author's provisions aimed at regulating the use of blockchain technology by authors and owners of blockchain platforms, which is practically absent today. The work is focused on practical results, namely, the stable and efficient operation of blockchain platforms in the field of copyright. **Conclusions:** it has been revealed that to fix the rights to objects of property turnover, there are both opportunities and problems of applying machine-readable law at the present stage; electronic signatures, smart contracts, and entering data into registries are used to make transactions.

Key words: copyright protection and security, intellectual property, machine-readable law, electronic signature, blockchain technology, copyright and related rights on the Internet, exclusive rights.

Citation. Vishnivetsky Ju.V. The Regulation and Ways of Using Digital (Information) Technologies to Protect Copyright. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 140-147. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.19>

УДК 346.7
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 03.06.2024
Дата принятия статьи: 25.06.2024

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ (ИНФОРМАЦИОННЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ АВТОРОВ

Юлиан Владимирович Вишневецкий

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: автор исследует проблему охраны интеллектуальной собственности, в частности различных изобретений, ноу-хау в производстве, промышленных образцов и быстрого распространения объектов

интеллектуальной собственности в Интернете, где их коммерческая ценность снижается или нивелируется. В связи с этим выбранная тема исследования особо интересна и социально значима. Прогресс идет в положительном направлении. Новейшие технологии Индустрии 4.0 помогают авторам защитить свои произведения. **Цель:** выявить пробелы правового регулирования защиты авторских прав на произведения в сети Интернет, рассмотреть особенности процедуры защиты авторских прав, а также выработать научно обоснованные рекомендации и предложения, направленные на восполнение пробелов в законодательстве. **Методы:** исследование проведено на основе диалектического, сравнительного, формально-юридического и логического метода, а также анализа, синтеза, индукции и дедукции. **Выводы:** выявлено, что для фиксации прав на объекты имущественного оборота имеются и возможности, и проблемы применения машиночитаемого права. Технологии машиночитаемого права в рамках фиксации прав на объекты имущественного оборота на современном этапе продолжают развиваться, что сопровождается появлением новых объектов правового регулирования, например смарт-контрактов.

Ключевые слова: охрана и защита прав авторов, интеллектуальная собственность, машиночитаемое право, электронная подпись, технология блокчейн, авторские и смежные права в сети Интернет, исключительные права.

Цитирование. Вишневский Ю. В. Регламентация и способы применения цифровых (информационных) технологий для защиты прав авторов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 140–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.19>

Введение

Одним из направлений развития правовых норм в области защиты прав авторов произведений в сети Интернет выступает норма о цифровых правах и цифровых активах.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулирует отношения, связанные с имущественным оборотом цифровых прав и цифровых финансовых активов [11].

В рамках введения данного закона существует проблема ответственности за сохранность персональных данных при осуществлении гражданско-правовых сделок, а также в сфере банковской и иной финансовой деятельности в «цифровом формате».

В предпринимательской деятельности имеется два варианта организации:

– вовлечение в имущественный оборот непосредственно информации. Именно в рамках данной деятельности правомерно говорить о «цифровых правах»;

– использование сети Интернет для осуществления предпринимательской деятельности (в данном случае предпринимательская деятельность не вполне осуществляется в Интернете, а его сервисы лишь используются для осуществления предпринимательской деятельности, как, например, могла бы использоваться телефонная связь).

Исследование

В целом можно выделить несколько существенных признаков предпринимательской деятельности, осуществляемой в сети Интернет:

– это деятельность, направленная на извлечение прибыли;

– это деятельность, осуществляемая на постоянной основе;

– это деятельность, в которой средством производства и конечным продуктом выступает информация;

– это деятельность, отдельные действия которой связаны исключительно с преобразованием информации из одной формы в другую.

Однако многие виды предпринимательской деятельности в сети Интернет остаются сегодня вне правового поля.

Таким образом, на современном этапе цифровые права в законодательстве уравниваются в специальном законе с цифровыми активами (Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), ГК РФ не раскрывает понятия цифровых прав в полном объеме. Это обуславливает необходимость дальнейшего регулирования соответствующей экономической деятельности и имущественного оборота в «цифровом формате» [3, с. 6].

Правительственная комиссия по цифровому развитию под руководством Заместителя Председателя Правительства Дмитрия Чернышенко утвердила разработанную Минэкономразвития России Концепцию развития технологий машиночитаемого права [5, с. 32].

Машиночитаемое право востребовано в законотворчестве, судопроизводстве, при заключении сделок, стандартизации и сертификации. Например, благодаря машиночитаемому праву, искусственный интеллект сможет сопоставлять тексты разных правовых актов и автоматически выдавать юристам применяемые нормы [6, с. 129].

Технология машиночитаемого права позволяет проверять правильность составления договоров, данная технология используется и в рамках видеофиксации на дорогах.

Развитие концепции машиночитаемого права могло бы существенно повысить уровень правоприменения в спорных случаях.

Понятие цифровых данных достаточно широко и включает в себя как объекты имущественного оборота (например, объекты интеллектуальной собственности), так и способы фиксации прав (например, в случае, если речь идет о данных электронной подписи) [5, с. 32].

В рамках оценки российской судебной практики в области защиты прав интеллектуальной собственности при осуществлении предпринимательской деятельности в сети Интернет, в том числе авторских прав на различные объекты интеллектуальной собственности и рекламу, можно выделить ряд основных проблем, а именно:

1. Сложность доказывания факта нарушения права в рамках того, что многие символы, буквы, рисунки, идеи используются различными правообладателями и так или иначе имеют элементы сходства, а мультимедийные продукты могут в структуре включать в себя продукты интеллектуальной деятельности, на которые зарегистрированы авторские права.

Однако система (программное обеспечение) машиночитаемого права позволит более детально оценить сходства и различия и сделать соответствующий вывод о факте использования чужих объектов интеллектуальной собственности или плагиате.

2. Проблемы оценки в суде отдельных доказательств (например, неприятие судом

видеозаписей в качестве доказательств, отсутствие оценки отдельных доказательств и т. д.). Система машиночитаемого права позволяет детально оценить время заключения договора на основе переписки, основные положения договора, а также, например, факт фиксации данных или заключения сделки при использовании электронной подписи.

3. Недостаточное количество случаев в практике [7, с. 229].

Система машиночитаемого права позволяет, например, распознать факты мошенничества при использовании биометрических данных в качестве электронной подписи, ввиду чего ее использование актуально в рамках банковской практики при осуществлении переводов денежных средств.

Существенные проблемы возникают при запрете со стороны органов власти (Роскомнадзор) доступа к определенной информации. С одной стороны, это один из способов защиты от информационных угроз (например, от распространения информации экстремистского содержания), с другой – достаточно часто встречается не вполне обоснованное блокирование информационных ресурсов, что требует со стороны владельца такого ресурса защиты своего права на распространение информации (в случае СМИ) или на коммерческую деятельность (в случае торговых организаций и предприятий) [13].

Как правило, организации сталкиваются с невозможностью отстаивания своего права как в административном, так и в судебном порядке.

Это требует совершенствования действующей правоприменительной практики в области регулирования запретов на доступ к той или иной информации, а также на распространение информации. Многие правовые вопросы связаны с юридической оценкой содержания информации, с целью признания ее экстремистской либо безопасной, нарушающей либо не нарушающей коммерческую тайну, иную охраняемую законом тайну. На текущий период не выработано правовых критериев оценки информации по ее содержанию, что требует отдельных разработок. В этом смысле система машиночитаемого права также может стать значимым фактором обеспечения кибербезопасности и защиты прав лиц в рамках сделок.

Некоторые вопросы безопасности в разработке концепции машиночитаемого права находятся на этапе зарождения. Например, достаточно спорным вопросом сегодня является возможность использования нейротехнологий.

Отметим, что виртуальное имущество, существующее только в «цифровом формате», обладает экономической ценностью. Это относится к криптовалюте, а также к фишкам в виртуальных казино и даже объектам в онлайн-играх. Например, известны случаи продажи игровых артефактов, которые заработали участники онлайн-игры за крайне высокую стоимость, при том, что в реальности виртуальных вещей фактически не существует.

При этом технология машиночитаемого права позволяет создавать отдельные вещи, например, генерирующие криптовалюту майнинговые фермы используют технологии распознавания и генерации цифровых алгоритмов. В процессе их деятельности возникают новые вещи – «деньги» криптовалюты.

В практике сегодня актуально правовое регулирование криптовалют – как их создание, так и фиксация прав на них в случае перевода случайно на некорректный счет или в случае кражи таких криптовалют, которые по своей правовой сущности представляют цифровые данные.

Технологии машиночитаемого права позволяют зафиксировать права владельца криптовалюты и в дальнейшем обеспечить доказывание его права на вещь (определенную сумму криптовалюты) в случае ее кражи или неправомерной передачи другим лицам.

Эта проблема касается и проблемы прав на такие объекты, как страницы в социальной сети. Например, ООО «В Контакте» «обладает правами» на сайт с доменным именем <http://www.vk.com>. При этом неясно, кто именно должен нести ответственность в случае нарушения авторских прав – «хозяин» аккаунта, в котором неправомерно размещено произведение, или владелец социальной сети.

Регистрацию на сайте в социальной сети (создание аккаунта) можно рассмотреть как вариант заключения безвозмездного договора.

В процессе регистрации пользователя организация «В Контакте» не получает прибыли, то есть проблематично рассматривать

этот процесс как предпринимательскую деятельность [12].

Однако потенциальные рекламодатели могут заинтересоваться новым пользователем (если это публичная личность), систематически заключать с ним коммерческие договоры по размещению рекламы.

При этом не вполне понятно, каким образом рассматривать действия публичных личностей, которые рекламируют через свои аккаунты в социальных сетях услуги и товары «ненавязчиво», то есть упоминая о том, что они используют товар того или иного производителя [4, с. 41].

Технологии машиночитаемого права позволяют зафиксировать права владельца криптовалюты и в дальнейшем обеспечить доказывание его права на вещь (определенную сумму криптовалюты), в случае ее кражи или неправомерной передачи другим лицам.

В связи с этим следует упомянуть, что Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ регулирует взаимоотношения работника и работодателя, однако в случае, если в качестве «работника» выступает искусственный интеллект, который производит товар (услуги) для своего «работодателя», возникает ситуация, при которой правоотношения проблематично рассматривать как трудовые [10].

Искусственный интеллект с экономической точки зрения может быть рассмотрен как своего рода средство производства, с позиции машиночитаемого права, искусственный интеллект позволяет, например, создавать объекты интеллектуальной собственности. Однако с позиции трудового права не вполне можно точно ответить на вопрос о том, является ли искусственный интеллект объектом или субъектом трудовых отношений.

Особенности искусственного интеллекта, которые указывают на возможность его рассмотрения как субъекта трудовых отношений – это выполнение им общественно-полезной деятельности (производство товаров, услуг, которые являются потребляемыми в обществе), а также способность к самообучению, совершенствованию своей деятельности. В то же время не позволяет рассматривать искусственный интеллект в качестве субъекта трудовых отношений тот

факт, что у него отсутствует биологическая жизнь как таковая.

В то же время в рамках практики существенной проблемой может являться переход искусственного интеллекта от одного работодателя к другому. Например, в случае, если одним работодателем создана программа, производящая услуги, которая передана другому работодателю в пользование, и последний существенно улучшил качество и повысил стоимость производимых услуг за счет свойства самообучаемости искусственного интеллекта, достаточно проблематично оценить объем прав одного и второго работодателя на данные улучшения.

Сам искусственный интеллект является объектом интеллектуальной собственности, и в то же время он самостоятельно производит интеллектуальную собственность – например создает новые алгоритмы, технологии и др. [4, с. 41].

В связи с этим проблемой становится оценка возможности искусственного интеллекта выступать субъектом и объектом авторских прав на созданные им технологии, ноу-хау или элементы, что регулируется гражданским законодательством.

Искусственный интеллект, который сам является собственностью своего «работодателя», производит объект интеллектуальной собственности, с точки зрения формальной логики предполагающий автоматическое право «работодателя» искусственного интеллекта на созданные последним объекты интеллектуальной собственности. Однако, если в таком случае вместо искусственного интеллекта выступает работник – физическое лицо, то он может отчуждать права на созданную технологию или ноу-хау только добровольно и за вознаграждение. Однако искусственный интеллект не является субъектом гражданско-правовой воли.

В рамках контроля качества работы и создаваемых продуктов и услуг искусственным интеллектом можно также отметить определенную проблему – в соответствии с гражданским законодательством работодатель отвечает за вред, который причинен его работником. Проблема регулирования данного вопроса состоит в том, что распределение ответственности организации и работника ре-

гулируется не только нормами административного права, но и нормами гражданского и трудового права.

Неправомерное «переложение» вины на искусственный интеллект не исключено со стороны владельца или «работодателя», как, например, ссылка на техническую ошибку, которая привела к нарушениям прав потребителей продукции или услуг [2]. Однако возникает вопрос о том, насколько существенна степень вины работодателя. Если в случае возникновения такой ситуации с работником – физическим лицом суд установит вину работника и объем вреда (например, в рамках регрессионного иска от работодателя к работнику после возмещения работодателем ущерба), то в случае причинения вреда вследствие ошибки искусственного интеллекта у работодателя есть возможность уйти от ответственности (либо суды в таких случаях будут рассматривать в полной мере исключительно вину работодателя, что также нарушает его права).

Технология машиночитаемого права позволяет выявлять такие случаи.

Это обусловлено тем фактом, что работник фактически производит деятельность (а следовательно, и деятельность, которая причинила вред) по указанию и/или под контролем работодателя, то есть исполняет его волю. В рамках исковой практики по вопросам ответственности юридических лиц за действия их работников зачастую не имеет значения, оформлены ли трудовые отношения надлежащим образом. Однако искусственный интеллект, хотя и исполняет волю работодателя, собственной воли, в отличие от физического лица, не имеет, в связи с этим проблематично рассматривать его как потенциальный субъект ответственности в трудовом и гражданском праве [1].

Не вполне ясно и решение проблемы разделения ответственности работодателя и искусственного интеллекта в случае, если последним вследствие технической ошибки совершено административное или уголовное правонарушение.

К примеру, в случае, если вследствие нарушения норм и правил причинен ущерб окружающей среде, который оказался настолько значительным, что предусматривает

уголовную ответственность для руководителя организации и лиц, которые отвечают за соблюдение соответствующих норм и правил, либо в случае нарушения правил техники безопасности, пожарной безопасности, если это повлекло вред здоровью и смерть других лиц, то не вполне понятен механизм привлечения таких лиц к ответственности, поскольку их собственное виновное поведение (обязательный признак преступления в соответствии с уголовным законодательством) в данном случае отсутствует, имеется только «условно виновное» поведение искусственного интеллекта, который не может выступать субъектом уголовного преступления [4, с. 41].

Предполагается, что за его действия должен отвечать работодатель и иные ответственные лица, однако в случае искусственного интеллекта его «поведение» может не поддаваться контролю и вина руководителя организации в случае, если он следовал всем установленным правилам и нормам, будет отсутствовать.

Таким образом, можно сделать вывод о достаточно большом объеме неурегулированных вопросов в области защиты исключительных прав средствами машиночитаемого права, а также информационными технологиями. Так, например, искусственный интеллект как объект правоотношений в законодательстве зарубежных стран постепенно оформляется в рамках директив и концепции, однако в России его правовой статус остается достаточно туманным даже на уровне условных юридических категорий.

В методологии юридической науки на текущий момент не сформировано комплексное представление о цифровом праве [8].

И.В. Понкин, А.И. Редькина поднимают вопрос о том, что в рамках правовой науки достаточно сложно сегодня рассматривать с качестве субъектов права электронные профили и объекты, например, объекты искусственного интеллекта, при том, что такие объекты могут обладать когнитивными характеристиками – быть «самообучающимися» [9].

Данный процесс оценки уровня когнитивных «способностей» у компьютерных программ, объектов искусственного интеллекта, а равно и объектов технологии машиночитаемого права заслуживает отдельного рассмотрения в правовой науке.

Заключение

Таким образом, для фиксации прав на объекты имущественного оборота имеются и возможности, и проблемы применения машиночитаемого права, на современном этапе используются электронные подписи для совершения сделок, смарт-контракты, внесение данных в реестры.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что применение технологий машиночитаемого права в рамках фиксации прав на объекты имущественного оборота на современном этапе распространено (например, в рамках электронной подписи, обмена данными, вносимых в реестры, центров электронного декларирования на таможенных и др.), но продолжает развиваться, что сопровождается появлением новых объектов правового регулирования, например смарт-контрактов.

Это предполагает необходимость дальнейшего совершенствования правовых норм, которыми оперируют технологии машиночитаемого права в сторону их формализации и алгоритмизации. В целом процесс создания таких алгоритмов применения норм права, предполагает описание условий реализации (приостановления реализации) тех или иных норм права или условий договоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2023. – 622 с.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/
3. Иншакова, А. О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-правовая реальность / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/Is.jvolsu.2023.2.1>
4. Липкес, А. М. Личные неимущественные права авторов. Актуальные вопросы и судебная практика / А. М. Липкес // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. – 2022. – № 5. – С. 41–45.
5. Майданник, О. В. Правовые аспекты предоставления охраны изобретениям, полезным моделям и промышленным образцам в России и за-

рубежных странах / О. В. Майданник, М. А. Гапоненко, М. О. Дашкова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2022. – № 12. – С. 32–46.

6. Матыцин, Д. Е. Понятие дистанционно-цифровой инвестиционной сделки в информационном пространстве / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 129–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>

7. Мельников, И. В. Проблемы регулирования предпринимательской деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / И. В. Мельников // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 229–230. – URL: <https://moluch.ru/archive/262/60710/>

8. Понкин, И. В. Право и цифра: Машиничитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая онтолизация и цифровая онто-инженерия в праве / И. В. Понкин, А. И. Лаптева. – М., 2021 – 176 с.

9. Понкин, И. В. К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав / И. В. Понкин, А. И. Редкина // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-ontologii-tsifrovyyh-prav>

10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/

12. Фролов, А. А. Анализ механизмов обнаружения запрещенного содержимого в сети Интернет / А. А. Фролов, Д. С. Сильнов, А. М. Садретдинов // International Journal of Open Information Technologies. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mehanizmov-obnaruzheniya-zapreshennogo-soderzhimogo-v-seti-internet>

13. Чесноков, С. В. Внедрение электронного документооборота в российских организациях / С. В. Чесноков // Бухгалтер и закон. – 2015. – № 1 (173). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-elektronnogo-dokumentoooborota-v-rossijskih-organizatsiyah>

REFERENCES

1. Gongalo B.M., ed. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2 t. T. 1* [Civil Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2023. 622 p.

2. Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 (red. ot 18.07.2019) “O zashchite prav potrebitelej” [Law of the Russian Federation No. 2300-1 Dated February 7, 1992 (As Amended by 18.07.2019) “On Protection of Consumer Rights”]. *KonsultantPlyus* [ConsultantPlus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/

3. Inshakova A.O. Teoreticheskaya model subyektivnyh prav i yuridicheskikh obyazannostej: gosudarstvenno-pravovaya realnost [Theoretical Model of Subjective Rights and Legal Duties: State-Legal Reality]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>

4. Lipkes A.M. Lichnye neimushchestvennye prava avtorov. Aktualnye voprosy i sudebnaya praktika [Authors’ Personal Non-Property Rights. Current Issues and Court Practice]. *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual Property. Copyright and Related Rights], 2022, no. 5, pp. 41–45.

5. Maidannik O.V., Gaponenko M.A., Dashkova M.O. Pravovye aspekty predostavleniya ohrany izobreteniyam, poleznym modelyam i promyshlennym obrazcam v Rossii i zarubezhnyh stranah [Legal Aspects of Providing Protection to Inventions, Utility Models and Industrial Designs in Russia and Foreign Countries]. *Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost* [Intellectual Property. Industrial Property], 2022, no. 12, pp. 32–46.

6. Matytsin D.E. Ponyatie distancionno-cifrovoy investicionnoj sdelki v informacionnom prostranstve [The Concept of a Remote-Digital Investment Transaction in the Information Space]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 129–136. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>

7. Melnikov I.V. Problemy regulirovaniya predprinimatelskoj deyatel'nosti v informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet [Problems of Business Regulation in the Information and Telecommunication Network Internet]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2019, no. 24 (262), pp. 229–230. URL: <https://moluch.ru/archive/262/60710/>

8. Ponkin I.V., Lapteva A.I. *Pravo i cifra: Mashinichitaemoe pravo, cifrovyye modeli-dvojniki, cifrovaya ontonizaciya i cifrovaya onto-inzheneriya v prave* [Law and Number: Machine-Readable Law, Digital Twin Models, Digital Ontonization and Digital Onto-Engineering in Law]. Moscow, 2021. 176 p.

9. Ponkin I.V., Redkina A.I. K voprosu o ponyatii i ontologii cifrovyyh prav [To the Question of the Concept and Ontology of Digital Rights]. *Permskij yuridicheskij almanah* [Perm Legal Almanac], 2021, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-ontologii-tsifrovyyh-prav>

10. *Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ* [Labor Code of the Russian Federation Dated December 30, 2001 No. 197-FZ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

11. Federalnyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdelnye zakonodatelnye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *KonsultantPlyus* [ConsultantPlus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/

12. Frolov A.A., Silnov D.S., Sadretdinov A.M. Analiz mekhanizmov obnaruzheniya zapreshchennogo soderzhimogo v seti Internet [Analysis of Mechanisms for Detecting Prohibited Content on the Internet]. *International Journal of Open Information Technologies*, 2019, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mekhanizmov-obnaruzheniya-zapreshchennogo-soderzhimogo-v-seti-internet>

13. Chesnokov S.V. Vnedrenie elektronnoho dokumentooborota v rossijskih organizacijah [Introduction of Electronic Document Management in Russian Organizations]. *Buhgalter i zakon* [Accountant and Law], 2015, no. 1 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-elektronnoho-dokumentooborota-v-rossijskih-organizatsiyah>

Information About the Author

Julian V. Vishnivetsky, Master’s Student, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, yvishnivetskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7370-7943>

Информация об авторе

Юлиан Владимирович Вишневский, магистрант кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, yvishnivetskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7370-7943>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.20>

UDC 347.626.2
LBC 67.404.5

Submitted: 20.05.2024
Accepted: 21.06.2024

THE PRENUPTIAL AGREEMENT OF BUSINESS SPOUSES: GUARANTEES OF RESPECT FOR MUTUAL INTERESTS AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE PARTIES

Anastasia N. Dubrovina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in the light of modern socio-economic realities, an urgent problem is the effective protection of the property interests and rights of spouses who own a family business. The conclusion of a prenuptial agreement provides spouses who have a family business and are parties to the prenuptial agreement with the opportunity to reduce financial risks and provide themselves with additional legal protection in the event of termination of the marital relationship. The inclusion of legally verified contractual structures in a prenuptial agreement is very effective in preventing future conflicts between spouses who own a joint business. **Purpose:** to reveal the legal content of the prenuptial agreement concluded between spouses who own a joint business in the system of contractual structures and to develop recommendations for improving the contractual regulation. **Objectives:** to identify conflicts related to the legal guarantees of respect for mutual interests of spouses who have a family business and are parties to a prenuptial agreement; to identify contractual structures used to minimize conflicts between the subjects of a prenuptial agreement; and to develop a conceptual model for concluding a prenuptial agreement between spouses who own a joint business remotely via the Internet. **Methods:** the methodological framework for the research is based on the general scientific methods: systematic analysis, abstraction, and the dialectical method, as well as a set of specific scientific methods: structural and functional, formal legal, comparative law, forecasting, and modeling. **Results:** it is proposed to amend Art. 11 of Federal Law No. 193-FZ dated July 27, 2010, "On an Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)," supplementing its paragraph 8; in the context of the effective implementation of the concept of "Electronic State," the Federal Notary Chamber it is proposed to develop, test, and implement a virtual assistant based on artificial intelligence technologies, which will function not only on the Federal Notary Chamber website but also on the online resources of the notary chambers of the constituent entities of the Russian Federation. **Conclusions:** it is recommended to normalize the mediation procedure for spouses who have a family business and are parties to a prenuptial agreement through information and communication technologies; as part of the implementation of the concept of "Electronic State," the Federal Notary Chamber should develop, test, and implement a virtual assistant ("chatbot") based on artificial intelligence, which will be available not only on the Federal Notary Chamber website but also on the websites of notary chambers of the constituent entities of the Russian Federation, and at the request of users, including spouses who have a joint family business, it will perform an advisory function when drafting a prenuptial agreement.

Key words: prenuptial agreement, spouses, joint business, notary, digital financial assets, mediation, artificial intelligence.

Citation. Dubrovina A.N. The Prenuptial Agreement of Business Spouses: Guarantees of Respect for Mutual Interests and Protection of the Rights of the Parties. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 148-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.20>

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР СУПРУГОВ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ГАРАНТИИ СОБЛЮДЕНИЯ ВЗАИМНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ЗАЩИТА ПРАВ СТОРОН

Анастасия Николаевна Дубровина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в свете современных социально-экономических реалий актуальной проблемой является эффективная защита имущественных интересов и прав супругов, обладающих семейным бизнесом. Заключение брачного договора предоставляет супругам, имеющим семейный бизнес и являющимся сторонами брачного договора, возможность снизить финансовые риски и обеспечить себя дополнительной юридической защитой в случае расторжения брачных отношений. Включение юридически выверенных договорных конструкций в брачный договор весьма эффективно в предотвращении будущих конфликтов между супругами, владеющими совместным бизнесом. **Цель:** раскрыть правовое содержание брачного договора, заключаемого между супругами, которые владеют совместным бизнесом, в системе договорных конструкций, разработать рекомендации по совершенствованию договорного регулирования. **Задачи:** выявить коллизии, связанные с правовыми гарантиями соблюдения взаимных интересов супругов, имеющих семейный бизнес и являющихся сторонами брачного договора; определить договорные конструкции, используемые для минимизации конфликтов субъектов брачного договора; разработать концептуальную модель заключения брачного договора между супругами, владеющими совместным бизнесом, дистанционно посредством Интернета. В качестве **методологической основы** исследования использованы общенаучные методы: системный, анализ, абстрагирование и диалектический метод, а также комплекс частнонаучных методов: структурно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой, прогнозирования и моделирования. **Результаты:** предложено внести изменения в ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», дополнив ее п. 8; в контексте эффективной реализации концепции «Электронное государство» Федеральной нотариальной палате (ФНП) предложено разработать, апробировать и внедрить виртуального помощника, построенного на базе технологий искусственного интеллекта, который будет функционировать не только на веб-сайте ФНП, но и на онлайн-ресурсах нотариальных палат субъектов Российской Федерации. **Выводы:** предлагается нормативно закрепить процедуру медиации для супругов, имеющих семейный бизнес и являющихся сторонами брачного договора, посредством информационно-коммуникационных технологий; в рамках реализации концепции «Электронное государство» ФНП следует разработать, апробировать и внедрить виртуального помощника («чат-бота») на базе искусственного интеллекта, который будет доступен не только на сайте ФНП, но и на сайтах нотариальных палат субъектов РФ и по запросам пользователей, включая супругов, имеющих совместный семейный бизнес, будет осуществлять консультативную функцию при составлении брачного договора.

Ключевые слова: брачный договор, супруги, совместный бизнес, нотариат, цифровые финансовые активы, медиация, искусственный интеллект.

Цитирование. Дубровина А. Н. Брачный договор супругов-предпринимателей: гарантии соблюдения взаимных интересов и защита прав сторон // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 148–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.20>

Введение

В современный период прослеживается все более широкое применение договорных механизмов для урегулирования имущественных отношений супругов, владеющих семейным бизнесом. Брачный договор предоставляет сторо-

нам, ведущим совместный бизнес, возможность защиты нажитых в процессе брака финансовых активов и иного имущества. Он способствует установлению порядка распределения совместного имущества в случае развода супругов и предотвращению возможных имущественных конфликтов и споров в будущем.

На современном этапе законодательно не конкретизирован ряд теоретических вопросов. Например, не дано решение проблемы крайне неблагоприятного положения супругов, имеющих семейный бизнес, – сторон брачного договора. Актуальной проблемой является и правовое регулирование имущественных прав супругов, владеющих совместным бизнесом.

В данном исследовании предпринята попытка выявить коллизии, связанные с правовыми гарантиями соблюдения взаимных интересов супругов, имеющих семейный бизнес и являющихся сторонами брачного договора, определить договорные конструкции, используемые для минимизации их конфликтов, предложить модель заключения брачного договора между супругами, владеющими совместным бизнесом, дистанционно посредством Интернета.

**Правовые гарантии соблюдения
взаимных интересов супругов,
имеющих семейный бизнес
и являющихся сторонами
брачного договора**

Наряду с судебными гарантиями защиты законных прав и интересов, гарантом соблюдения взаимных интересов супругов-сторон брачного договора выступает нотариус, в соответствии со ст. 54 Основ законодательства РФ о нотариате. Нотариус имеет право отказать в удостоверении брачного договора, если он нарушает закон или противоречит этическим принципам, что обеспечивает защиту прав супругов и исключает возможность злоупотребления брачным договором одной из сторон [7, с. 32]. Нотариус играет важную роль в обеспечении правовой защиты путем придания частноправовому акту юридической определенности, объективности и публичности.

Отечественный законодатель предписывает, что нотариальное удостоверение брачного договора является необходимым условием для гарантированного государственного признания имущественных прав супругов, включая возможность обратиться в суд. Нотариус должен ознакомить заинтересованные стороны со всеми юридическими последствиями сделки, что способствует формированию реальной воли сторон и затрудняет возмож-

ность оспаривания сделки недобросовестной стороной. Кроме того, нотариус оценивает психическое состояние участников брачного договора и имеет право отказать в проведении сделки или отложить удостоверение, если у него возникают сомнения в адекватности одной из сторон и, следовательно, ее волеизъявлении. Таким образом, нотариальное удостоверение брачного договора не только обеспечивает защиту интересов супругов, но и придает данному документу юридическую значимость, уникальность и надежность [2, с. 168].

Среди разнообразных механизмов обеспечения гражданских прав, нормативно закрепленных в ст. 12 ГК РФ, особое внимание уделяется самозащите гражданских прав и применению медиации [6, с. 25]. Несмотря на тот факт, что в настоящее время недостаточно изучены эффективность и значимость этих процедур разрешения семейных споров, учеными в области гражданского права справедливо отмечается, что правильное определение содержания, условий применения и пределов указанных механизмов играет важную роль в обеспечении защиты прав супругов, имеющих семейный бизнес. Кроме того, современная медиация представляет собой относительно инновационный способ защиты семейных прав, который пока не включен в перечень, отраженный в ст. 12 ГК РФ [11, с. 5]. Однако, имея в виду открытый характер указанного перечня, возможно рассматривать медиацию как ключевой инструмент для защиты имущественных интересов сторон, заключающих брачные договор. Эффективность медиации в качестве механизма регулирования споров уже закреплена в ГПК РФ, что подчеркивает ее актуальность и перспективы в области гражданского права.

Для современной эпохи цифровой трансформации характерно стремительное развитие информационных технологий и переход определенных областей профессиональной деятельности в виртуальное пространство. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт медиации открывает простор для электронного урегулирования споров, делая процесс более удобным, быстрым и доступным для разнообразных категорий пользователей. В результате технологические достижения играют ключевую роль в эволюции процес-

сов медиации, интегрируя новаторские подходы в разрешение правовых конфликтов и способствуя более эффективному взаимодействию участников правовых отношений в современном информационном пространстве [4, с. 8], включая стороны брачного договора.

В современных исследованиях в области процессуальной тематики предлагается применение искусственных нейронных сетей (далее – ИНС) в качестве инструмента для реализации процесса медиации между супругами, имеющими семейный бизнес и являющимися сторонами брачного договора, для эффективного разрешения возникающих споров. Данное предложение основано на применении передовых технологий алгоритмов с целью оптимизации процедуры урегулирования конфликтов и обеспечения согласия между субъектами. Внедрение ИНС в процесс медиации в рамках заключения брачных договоров позволит значительно улучшить эффективность решения споров и содействовать совершенствованию регулирования брачного договора. Так, справедливо отмечено, что «...использование искусственной нейронной сети (ИНС) в задачах медиации может быть эффективным с точки зрения соблюдения основных принципов медиации» [10, с. 181].

В современных условиях целесообразно внести соответствующее изменение в ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», дополнив ее п. 8 следующего содержания: «Медиация может осуществляться способом телекоммуникационной связи, если это предусмотрено правилами проведения процедуры медиации, утвержденными организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации».

Договорные конструкции, используемые для минимизации конфликтов супругов, имеющих семейный бизнес и являющихся сторонами брачного договора

В Российской Федерации отмечается устойчивый возрастающий тренд заключения брачных контрактов, что обусловлено интег-

рацией в оборот таких активов, как недвижимость и ценные бумаги, а также интенсивным развитием предпринимательской сферы [5, с. 9]. При заключении брачного договора супруги, имеющие совместный бизнес, стремятся обезопасить себя от возможных финансовых убытков в случае прекращения брачных отношений. Этот явный тренд является результатом сложного взаимодействия различных факторов, включая социальные, экономические и психологические аспекты, что подчеркивает уникальность каждой семейной ячейки и необходимость индивидуализированного подхода к регулированию имущественных отношений между супругами, имеющими совместный бизнес.

Важно отметить, что институт договорного режима имущества супругов, регламентированный нормами СК РФ, имеет определенные правовые коллизии [1, с. 90], что порождает проблемы функционирования института брачного договора. Например, существует вероятность возникновения проблем в сфере правоприменения при разрешении споров, касающихся действительности, интерпретации, изменения и расторжения брачных договоров.

Отечественной судебной практике известно немало случаев, когда стороны пытаются оспорить невыгодный для них брачный договор через такое основание как «крайне неблагоприятное положение» [9, с. 139]. Причина – в момент подписания договора стороны регулировали будущие условия, которые оказались спорными. Стоит отметить, что нотариус предупреждает супругов о возможном оспаривании сделки при удостоверении договора. В процессе заключения брачного договора супруги сознательно принимают на себя определенный уровень риска, устанавливая параметры имущественных отношений таким образом, что нотариус не обладает законным основанием для отказа в их заверении, даже если данные условия потенциально могут создать ситуацию, в которой одна сторона получит очевидное экономическое преимущество. Стороны, выбирая отдельный режим собственности, предполагают, что их ситуация не приведет к тому, что все имущество окажется в собственности одного из супругов. При этом концепт «крайне неблагоприятное положение» не подлежит конкретной де-

финиции в действующем отечественном законодательстве, а его толкование зависит от усмотрения судьи. Даже высший судебный орган по гражданским делам не предоставляет четкого разъяснения по данному коллизийному вопросу в своем Постановлении, что создает юридическую неопределенность и диссонанс в юридической практике.

Предписания ГК РФ запрещают включение в брачный договор условий, которые ставят одну из сторон в крайне неблагоприятное положение. Этот запрет поднимает вопросы о юридической обоснованности конструкции брачного договора, которая часто фигурирует в них. Подобные юридические нормы преследуют цель обеспечить справедливость и равенство сторон в институте брака, защищая интересы каждого из супругов и устраняя возможные диспропорции в их отношениях. В этой связи вызывает вопрос о законности договорной конструкции, зачастую встречающейся в брачных договорах: «имущество, приобретенное после заключения настоящего договора, будет являться собственностью того супруга, на имя которого оно приобретено». Опираясь на п. 2 ст. 44 СК РФ подобный брачный договор, в котором будет подобная конструкция, может быть признан судом недействительным по требованию одного из супругов, разъяснение о чем приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

Рассмотрим обстоятельства, связанные с заключением брачного договора между супругами, имеющими совместный бизнес, которые могут в дальнейшем привести к конфликтной ситуации между сторонами:

1. Определение неравноправных условий для сторон: если одна из сторон в брачном договоре получает значительные материальные выгоды или преимущества в ущерб другой стороне, это может привести к неравномерности позиций и, как следствие, к потенциальному конфликту в будущем.

2. Неоднозначность и нечеткость формулировок.

3. Отсутствие детального регулирования спорных ситуаций: если брачный договор не учитывает возможные спорные ситуации (на-

пример, «крайне неблагоприятное положение» одного из супругов) или не предусматривает механизмов их разрешения.

Важно учитывать эти обстоятельства при составлении брачного договора, чтобы предотвратить возможные конфликтные ситуации и обеспечить справедливость и соблюдение баланса интересов обеих сторон.

В контексте тематики исследования целесообразно перечислить договорные конструкции, которые следует использовать для минимизации конфликтов супругов, имеющих семейный бизнес и являющихся сторонами брачного договора:

1. Супруги пришли к соглашению, что с момента подписания настоящего договора каждый из супругов несет личную ответственность в отношении принятых на себя обязательств перед кредиторами в пределах принадлежащего ему на праве личной собственности имущества. Супруг по долгам другого супруга не отвечает.

2. Стороны имеют равное право пользования имуществом друг друга, если иное не предусмотрено дополнительным соглашением между ними. Распоряжение личным имуществом собственник осуществляет без истребования согласия другой стороны.

3. Вложение совместных денежных средств сторон в имущество, являющееся собственностью одной из них, не влечет изменения правового режима данного имущества.

4. Стороны брачного договора заверяют, что они не являются банкротами, в отношении них не возбуждено производство о банкротстве или процедура банкротства не завершена.

5. Участники сделки заверяют нотариуса об отсутствии прав третьих лиц.

6. Споры и разногласия между сторонами решаются путем переговоров, медиации, третейского разбирательства. В случае если стороны не придут к соглашению, споры разрешаются в судебном порядке в соответствии с действующим законодательством.

Внесение юридически выверенных договорных конструкций в брачный договор является крайне важным для предотвращения будущих конфликтов между супругами, владеющими совместным бизнесом. Для того чтобы договор был действительным и применимым, он должен учитывать следующие аспек-

ты: соответствие законодательству, справедливость условий, четкость формулировок, полное раскрытие состава имущества (сокрытие активов может повлиять на действительность договора). В случае возникновения судебных разбирательств, правильно составленный брачный договор может значительно облегчить процесс раздела имущества и разрешения иных имущественных вопросов.

Модель заключения брачного договора между супругами, ведущими совместный бизнес, дистанционно посредством Интернета

В контексте динамичной и широкомасштабной интеграции инновационных технологий в профессиональную деятельность нотариусов одним из прогрессивных нотариальных действий является дистанционное удостоверение сделок с участием двух и более нотариусов. Согласно последним изменениям в отечественном законодательстве, принятым в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации», начиная с 29 декабря 2020 г. стало возможным проведение удаленных нотариальных процедур и удостоверение сделок, в которых принимают участие несколько нотариусов [8, с. 84]. Данная новелла приобретает особую актуальность в случаях, когда участники брачного договора не в состоянии присутствовать лично для завершения сделки в результате ведения бизнеса в разных субъектах Российской Федерации. Например, супруг ведет дела в главном офисе компании (г. Москва), а супруга в этот момент курирует бизнес в дочерней компании (г. Владивосток). Таким образом, дистанционное удостоверение брачного договора с участием двух и более нотариусов способствует существенной экономии времени и финансовых ресурсов участников сделки, делая его удобным для всех вовлеченных сторон.

При дистанционном удостоверении брачного договора каждая из сторон данной сделки имеет возможность выбора удобной для себя нотариальной конторы, расположенной в пределах ее географической зоны, и произво-

дит соответствующее обращение. Процесс удостоверения брачного договора, субъектами которого являются супруги, имеющие совместный бизнес, осуществляется с применением технологии видеосвязи, где важной задачей является обеспечение добровольности и информированности его субъектов. В рамках данного процесса стороны получают разъяснения о нормах действующего законодательства и юридических последствиях соглашения. Эффективное взаимодействие супругов, имеющих семейный бизнес и являющихся сторонами брачного договора, осуществляется путем использования единой информационной системы, где нотариусы совместно разрабатывают проект брачного договора в электронной форме в соответствии с согласованными условиями. По итогам процедуры стороны подписывают электронный вариант договора своей электронной подписью в присутствии нотариуса. Кроме того, они также подписывают бумажную копию договора, которая впоследствии хранится в нотариальном деле [3, с. 31]. Безусловно, нотариусы, проводящие удостоверение юридической сделки, несут ответственность как за законность сделки, так и за личную профессиональную проверку участников (их правосубъектности и дееспособности).

На сегодняшний день все больше приобретает популярность технология «чат-бот» на базе искусственного интеллекта. Внедрение данной технологии в институт нотариата позволит автоматизировать часть технической работы нотариуса, связанной с поиском, идентификацией и сохранением информации. Эту работу можно выполнить при помощи искусственного интеллекта. В контексте тематики исследования Федеральной нотариальной палаты (далее – ФНП) целесообразно разработать на своем сайте виртуального помощника на базе искусственного интеллекта, который по запросам пользователей, включая супругов, имеющих семейный бизнес, будет осуществлять следующие действия:

- предоставлять доступ к стандартному списку документов, необходимых для совершения нотариального действия;
- предоставлять информацию о способах заключения различных видов договоров, в том числе брачного договора;

– перенаправлять пользователей на платформу Rutube, на которой ФНП будет размещать обучающие курсы по составлению юридических документов;

– информировать пользователей о тарифах, часах работы и предоставлять информацию об адресах и контактных данных всех нотариусов по субъектам РФ;

– по запросу пользователя организовывать отслеживание сделки от подачи документов до выдачи документов после их регистрации;

– оповещать клиента в личном кабинете о получении документов после государственной регистрации;

– предоставлять пользователям возможность дистанционного обращения в суды, ЗАГС, а также к нотариусам, медиаторам, в том числе через видео-конференц-связь.

Указанный перечень является открытым, поскольку искусственный интеллект характеризуется уникальной способностью извлекать значимые сведения из обширных наборов данных, анализ которых вручную представляет собой высокую сложность. В настоящее время уже разработана основа, которую следует активно развивать, внося улучшения и интегрируя новые электронные услуги для нужд нотариата, что будет отвечать запросам социума.

В рамках реализации концепции «Электронное государство» ФНП следует разработать, апробировать и внедрить виртуального помощника на базе искусственного интеллекта, который будет доступен не только на сайте ФНП, но и на сайтах нотариальных палат субъектов РФ. «Чат-бот» на базе искусственного интеллекта по запросам пользователей будет осуществлять определенные действия, в том числе оказывать консультативно-методическую помощь супругам, имеющим совместный бизнес, при составлении брачного договора.

Выводы

В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

1. Процедура проведения медиации между супругами, имеющими совместный семейный бизнес и являющимися сторонами брачного договора, в условиях индустрии 4.0 нуждается в совершенствовании, поэтому законодате-

лю следует внести изменения в ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», добавив п. 8 следующего содержания: «Медиация может осуществляться способом телекоммуникационной связи, если это предусмотрено правилами проведения процедуры медиации, утвержденными организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации».

2. Внесение юридически выверенных договорных конструкций в брачный договор является гарантией предотвращения возможных конфликтов между супругами, ведущими совместный бизнес, в будущем. Для того чтобы брачный договор имел законную силу и не был в последующем оспорен сторонами, необходимо его соответствие требованиям законодательства, содержание в нем справедливых условий. Кроме того, в брачный договор недопустимо вносить договорные конструкции, которые могут поставить субъектов брачного договора в «крайне неблагоприятное положение». В случае возникновения судебных споров правильно составленный брачный договор может значительно облегчить процесс раздела финансовых активов, а также решения других имущественных вопросов между его сторонами.

3. С повсеместной интеграцией информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизнедеятельности, включая сферу семейного законодательства, возникает необходимость углубленного исследования закономерностей и последствий использования виртуальных платформ для осуществления таких важных юридических актов, как брачный договор. Для обеспечения законности, справедливости и юридической защищенности действий сторон, а также для поддержания необходимого уровня информационной безопасности и доверия при взаимодействии через виртуальные интерфейсы требуется тщательное регулирование и стандартизация процедурных аспектов. Особое внимание следует уделить созданию и тестированию программного обеспечения на основе технологий искусственного интеллекта, задача которого заключается в обеспечении функциональнос-

ти виртуального ассистента. Данный инструмент должен быть интегрирован не только на официальном веб-ресурсе ФНП, но и на интернет-порталах нотариальных палат субъектов РФ. Использование искусственного интеллекта в качестве интерактивной поддержки предполагает выполнение серии задач по запросам пользователей. Среди ключевых функций – оказание консультативно-методической помощи супругам, имеющим совместный бизнес, в процессе подготовки к заключению брачного договора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблятипова, Н. А. Семейное право в эпоху перемен: анализ современного законодательства / Н. А. Аблятипова, А. С. Казинская // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – № 3. – С. 88–95. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.12>
2. Агибалова, Е. Н. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации / Е. Н. Агибалова, А. А. Рыжова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – № 1. – С. 166–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.24>
3. Гайворонская, Я. В. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект / Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – № 4. – С. 27–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>
4. Иншакова, А. О. Квалифицированная юридическая помощь в профилактике и урегулировании конфликтов: досудебные и процессуальные методы / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – № 1. – С. 6–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.1>
5. Иншакова, А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>
6. Иншакова, А. О. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России / А. О. Иншакова, Ю. А. Тымчук // *Право и управление. XXI век*. – 2018. – № 1. – С. 23–31.
7. Побережный, С. Г. Нотариально удостоверенный брачный договор как вид нотариального акта и доказательственная презумпция при защите прав супругов / С. Г. Побережный // *Нотариус*. – 2018. – № 5. – С. 29–35.
8. Соловяненко, Н. И. Электронные документы в сфере нотариата: юридические функции и

механизм правового регулирования / Н. И. Соловяненко // *Право и практика*. – 2022. – № 3. – С. 81–87.

9. Темирова, К. Р. Брачный договор как способ регулирования имущественных отношений между супругами / К. Р. Темирова, А. М. Шахаева // *Закон и право*. – 2023. – № 8. – С. 138–141.

10. Турабаева, Д. С. Применение медиации в сфере семейного права / Д. С. Турабаева // *Актуальные проблемы гражданского права*. – 2019. – № 1–2. – С. 177–185.

11. Ярков, В. В. Медиация в нотариальной деятельности: новые возможности и их пределы / Я. В. Ярков // *Нотариус*. – 2020. – № 1. – С. 3–6.

REFERENCES

1. Ablyatipova N.A., Kazinskaya A.S. *Semejnoe pravo v epohu peremen: analiz sovremennogo zakonotvorchestva* [Family Law in the Era of Change: An Analysis of Modern Lawmaking]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, no. 3, pp. 88-95. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.12>
2. Agibalova E.N., Ryzhova A.A. *Sovremennyy notariat v epohu cifrovoj transformacii* [Modern Notary in the Era of Digital Transformation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, no. 1, pp. 166-170. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.24>
3. Gajvoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. *Pravovye problemy cifrovizacii: teoretiko-pravovoj aspekt* [Legal Problems of Digitalisation: Theoretical and Legal Aspect]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, no. 4, pp. 27-34. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>
4. Inshakova A.O. *Kvalificirovannaya yuridicheskaya pomoshch v profilaktike i uregulirovanii konfliktov: dosudebnye i processualnye metody* [Qualified Legal Assistance in the Prevention and Resolution of Conflicts: Pre-Trial and Procedural Methods]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, no. 1, pp. 6-14. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.1>
5. Inshakova A.O. *Pravo i informacionno-tehnologicheskie preobrazovaniya obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah industrii 4.0* [Law and Information-Technological Transformations of Social Relations in the Conditions of Industry 4.0]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, no. 4, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>
6. Inshakova A.O., Tymchuk Yu.A. *Cifrovye tekhnologii alternativnyh metodov razresheniya sporov: zarubezhnaya praktika i perspektivy primeneniya v Rossii* [Digital Technologies of Alternative Methods of Dispute Resolution: Foreign Practice and Prospects of Application in Russia]. *Pravo*

i upravlenie. XXI vek [Law and Management. The 21st Century], 2018, no. 1, pp. 23-31.

7. Poberezhnyj S.G. Notarialno udostoverennyj brachnyj dogovor kak vid notarialnogo akta i dokazatelstvennaya prezumpciya pri zashchite prav suprugov [Notarised Marriage Contract as a Type of Notarial Act and Evidentiary Presumption in the Protection of the Rights of Spouses]. *Notarius* [Notary], 2018, no. 5, pp. 29-35.

8. Solovyanenko N.I. Elektronnye dokumenty v sfere notariata: yuridicheskie funkcii i mekhanizm pravovogo regulirovaniya [Electronic Documents in the Sphere of Notary: Legal Functions and Mechanism of Legal Regulation]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2022, no. 3, pp. 81-87.

9. Temirova K.R., Shakhaeva A.M. Brachnyj dogovor kak sposob regulirovaniya imushchestvennyh otnoshenij mezhdru suprugami [Marriage Contract as a Way to Regulate Property Relations Between Spouses]. *Zakon i pravo* [Legislation and Law], 2023, no. 8, pp. 138-141.

10. Turabayeva D.S. Primenenie mediacii v sfere semejnogo prava [Application of Mediation in the Sphere of Family Law]. *Aktualnye problemy grazhdanskogo prava* [Actual Problems of Civil Law], 2019, no. 1-2, pp. 177-185.

11. Yarkov Yu.V. Mediaciya v notarialnoj deyatel'nosti: novye vozmozhnosti i ih predely [Mediation in Notarial Activity: New Opportunities and Their Limits]. *Notarius* [Notary], 2020, no. 1, pp. 3-6.

Information About the Author

Anastasia N. Dubrovina, Student, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, dubrovina.a.n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-8118>

Информация об авторе

Анастасия Николаевна Дубровина, студент кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dubrovina.a.n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-8118>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.21>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 07.05.2024
Accepted: 20.06.2024

ON THE SECTORAL AFFILIATION OF LEGAL NORMS ESTABLISHED BY THE LAND, FOREST AND WATER LEGISLATION, AND LEGAL RELATIONS ARISING ON THEIR BASIS

Artur V. Belichenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Introduction: the article presents the results of a study of the problem of sectoral affiliation of legal norms established by land, forest, and water legislation. This problem became acute when, at the beginning of the 21st century, land, forest, and water legislation was re-codified without appropriate coordination with the provisions of civil legislation. This situation has been further aggravated by the scientific discussion on many issues of the system and structures of the legal legislation, in particular the issues of the objective conditionality of the system of law and the influence of the legislative system on the system of law. Ultimately, this has a negative impact on judicial practice and on the protection of the rights and interests of participants in the relevant legal relations. The **purpose** of the article is to recognize that objective factors influence the system and structure of law. It is not direct and does not exclude the legislator's wide possibilities to influence the legal system. This means that the legislator's prescriptions on preferential application of the relevant sectoral legislation to land, forest, and water relations (even if they comply with the signs of Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter – C.C.R.F.), while maintaining the possibility of subsidiary application of the civil legislation to these relations, should not be refuted, and the relevant branches should be attributed not only to legislation (land, forestry, water), but also to law. The study was carried out using the **method** of analyzing legal norms. The **results** of the study are a determination of the sectoral affiliation of legal norms that are established by the land, forest, and water legislation. **Conclusions:** recognition of land, forest and water law as independent branches of law should inevitably entail the conclusion that in the process of regulating land, forest and water relations by legal norms established by acts of relevant legislation, even if we were talking about regulating such land, forest and water relations that have the signs specified in Article 2 of the C.C.R.F., land, forest and water relations will arise, respectively.

Key words: branch of law, norms of land law, norms of forest law, norms of water law, land legal relations, water legal relations, subsidiary legal relationship.

Citation. Belichenko A.V. On the Sectoral Affiliation of Legal Norms Established by the Land, Forest and Water Legislation, and Legal Relations Arising on Their Basis. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 157-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.21>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 07.05.2024
Дата принятия статьи: 20.06.2024

ОБ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ, УСТАНОВЛЕННЫХ ЗЕМЕЛЬНЫМ, ЛЕСНЫМ И ВОДНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМИ, И ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ НА ИХ ОСНОВАНИИ

Артур Витальевич Беличенко

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Введение: в статье представлены результаты исследования проблемы отраслевой принадлежности правовых норм, которые установлены земельным, лесным и водным законодательствами. Эта проблема

стала острой, когда в начале XXI столетия была проведена рекодификация земельного, лесного и водного законодательств без соответствующего согласования с положениями гражданского законодательства. Эта ситуация вызвала научную дискуссию по многим вопросам системы и структуры законодательства права, в частности по вопросам объективной обусловленности системы права и влияния системы законодательства на систему права. В конечном счете это отрицательно сказывается на судебной практике, на защите прав и интересов участников соответствующих правоотношений. **Целью** статьи является признание того, что объективные факторы влияют на систему и структуру права. Оно не непосредственное и не исключает широких возможностей законодателя влиять на систему права. Это означает, что предписания законодателя о преимущественном применении к земельным, лесным и водным отношениям (хотя бы они и соответствовали признакам ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)) соответствующего отраслевого законодательства при сохранении возможности субсидиарного применения к этим отношениям гражданского законодательства не должны опровергаться. А соответствующие отрасли следует относить не только к законодательству (земельному, лесному, водному), но и к праву. Изучение проведено с помощью **метода** анализа правовых норм. **Результатом** исследования является определение отраслевой принадлежности правовых норм, которые установлены земельным, лесным и водным законодательствами. **Выводы:** признание земельного, лесного и водного права самостоятельными отраслями права неизбежно должно влечь вывод о том, что в процессе регулирования земельных, лесных и водных отношений правовыми нормами, установленными актами соответствующих законодательств, даже если речь шла о регулировании таких земельных, лесных и водных отношений, которые имеют признаки, указанные в ст. 2 ГК РФ, будут возникать соответственно земельные, лесные и водные отношения.

Ключевые слова: отрасль права, нормы земельного права, нормы лесного права, нормы водного права, земельные правоотношения, водные правоотношения, субсидиарное правоотношение.

Цитирование. Беличенко А. В. Об отраслевой принадлежности правовых норм, установленных земельным, лесным и водным законодательствами, и правоотношений, возникающих на их основании // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 157–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.21>

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена сложностью соотношения и согласования гражданского законодательства и права с земельным, лесным, водным законодательствами и правом. В юридической науке и в процессе правотворческой деятельности совершенно отчетливо проявились две тенденции, которые противоречат друг другу и являются несовместимыми. С одной стороны, утверждается самостоятельность отраслей земельного, водного и лесного законодательств и права с вполне приемлемым субсидиарным применением к отношениям, регулируемым этими отраслями, гражданского законодательства. С другой стороны, законодательные положения подчас формулируются таким образом, что остаются определенные возможности для выводов о сохранении приоритета гражданского законодательства как регулятора земельных, лесных и водных отношений в той части, в которой они подпадают под признаки отношений, в ст. 2 ГК РФ признающиеся предметом регулирования гражданского законодательства.

Отдельные аспекты проблемы, результаты исследования которой излагаются в настоящей статье, освещались в научных публикациях А.П. Анисимова [4], В.К. Быковского [5], С.А. Боголюбова, Л.А. Грось [6], В.А. Дозорцева [7], Н.В. Кичигина, Д.А. Лопухина [10], А.Л. Маковского [11], А.И. Меликова, И.В. Пономарева, А.Ю. Пуряевой, А.С. Пуряева [12], Е.А. Суханова [13], В.В. Чубарова [15] и других авторов.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений, обосновывающих отраслевую квалификацию правовых норм, которые устанавливаются актами гражданского, земельного, лесного и водного законодательств и регулируют земельные, лесные, водные отношения, а также правоотношения, возникающие на основании таких норм.

Особенности формирования предмета регулирования земельного, лесного и водного законодательств

Предмет регулирования гражданского законодательства и права определен в ст. 2

ГК РФ. В самом общем виде он может быть охарактеризован как имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Земельные, лесные и водные отношения в составе предмета гражданско-правового регулирования прямо не называются. Но возможность регулирования земельных отношений гражданским законодательством вытекает из признания вещей объектами гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), а земельных участков – недвижимыми вещами, а также из факта регулирования вещных отношений по поводу земельных участков положениями гл. 17 ГК РФ. В ГК РФ и других актах гражданского законодательства имеются и положения, свидетельствующие о том, что земельные отношения в той их части, в которой подпадают под признаки ст. 2 ГК РФ, признаются предметом регулирования гражданского законодательства. Возможность применения гражданского законодательства к земельным отношениям предусматривается Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ), другими актами земельного законодательства (п. 2 ст. 1; п. 1 ст. 12 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения и др.). А абзац 13 п. 1 ст. 1 ЗК РФ предусматривает применение принципа «разграничения действия норм гражданского законодательства и норм земельного законодательства» при регулировании земельных отношений «в части регулирования отношений по использованию земель». Допуская регулирование земельных отношений, обладающих признаками, указанными в ст. 2 ГК РФ, гражданским законодательством, ЗК РФ ограничивает такую возможность только случаями, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательствами, законодательством о недрах, об охране окружающей среды и федеральными законами (п. 3 ст. 3 ЗК РФ). Уточним, что в этом пункте речь идет об отношениях, которые, безусловно, подпадают под признаки, указанные в ст. 2 ГК РФ, – об имущественных отношениях по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними.

Подобным образом и Лесной кодекс Российской Федерации (далее – ЛК РФ) до-

пускает регулирование гражданским законодательством и Земельным кодексом имущественных отношений, связанных с оборотом лесных участков, лесных насаждений, а также полученных при использовании лесов и осуществлении мероприятий по сохранению лесов, древесины и других ресурсов, если иное не установлено Лесным кодексом, другими федеральными законами (регулирующими лесные отношения), что предусмотрено ст. 3 ЛК РФ. Ст. 4 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) также допускает регулирование отношений, связанных с оборотом водных объектов гражданским законодательством, если они не урегулированы Водным кодексом (п. 2 ст. 4 ВК РФ).

Изложенные здесь законодательные положения дают основание утверждать, что существуют земельные, лесные и водные отношения, обладающие признаками, указанными в ст. 2 ГК РФ, а поэтому указанные отношения изначально относятся к предмету регулирования гражданского законодательства. Однако законодатель изъял земельные, лесные и водные отношения, обладающие указанными признаками, из предмета регулирования гражданского законодательства (ст. 3 ЗК РФ; ст. 3 ЛК РФ; ст. 2 ВК РФ). Ссылки на то, что такое утверждение неправильно из-за его противоречия п. 2 ст. 3 ГК РФ не могут опровергнуть это утверждение. Конституционный Суд считает, что «в статье 76 Конституции РФ не определяется и не может определяться иерархия законов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов. Ни один федеральный закон не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой» (Определение от 3 февраля 2000 г. № 22-О). Многомерный юридический дискурс, предполагающий ссылки на п. 4 ч. 4 ст. 180, п. 3 ч. 1 ст. 310 КАС РФ; ч. 4 ст. 1, ч. 4.1 ст. 198, п. 4 ч. 1, п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ; п. 5 ст. 3, абзац 8 ч. 4 ст. 170, п. 3 ч. 2 ст. 288 АПК РФ, который (дискурс) здесь не может быть приведен из-за ограниченности объема этой статьи, дает основания для вывода о том, что правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом, в том числе в принимаемых им определениях, имеют обязательный характер. Следовательно, п. 2 ст. 3 ГК РФ, требующий со-

ответствия Гражданскому кодексу всех федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в ст. 2 ГК РФ (это касается также и ЗК РФ, ЛК РФ, ВК РФ), не может препятствовать выводу о том, что изъятие земельных, лесных и водных отношений, в том числе и отношений, подпадающих под признаки, указанные в ст. 2 ГК РФ, из предмета регулирования гражданского законодательства, состоялось, а гражданское законодательство subsidiarily применяется к этим отношениям только в части, в которой этому не препятствуют ЗК РФ, ЛК РФ, ВК РФ, а в соответствующих случаях – и положения других федеральных законов и иных актов земельного, лесного и водного законодательства. Кодифицировав земельное, лесное и водное законодательства и допустив применение земельного, лесного и водного кодексов к соответствующим земельным, лесным и водным отношениям, в том числе обладающим признаками, указанными в ст. 2 ГК РФ, законодатель не должен был переносить в эти отраслевые кодексы из Гражданского кодекса все положения, касающиеся имущественных отношений, обладающих признаками, указанными в ст. 2 ГК РФ, а предусмотрел subsidiarily применение к соответствующей части земельных, лесных, водных отношений.

Что касается состава отношений, охватываемых понятиями соответственно земельных, лесных и водных отношений, то он описывается в определениях этих понятий (п. 1 ст. 3 ЗК РФ; п. 1 ст. 3 ЛК РФ; п. 1 ст. 2 ВК РФ). Кроме того, в состав соответствующих отношений входят все отношения, которые регулируются правовыми нормами, установленными Земельным, Лесным и Водным кодексами. В этой связи вызывает замечания мысль О.И. Крассова, которую приводит С.А. Боголюбов: «...в чистом виде земельных отношений практически не существует» [9, абз. 107]. Вопрос о чистоте земельных отношений не имеет конструктивного содержания. Он поставлен в порядке подготовки почвы для вывода о комплексном характере земельного права. Но комплексный характер земельного права – это вопрос, который утратил свое конструктивное содержание в связи с принятием Земельного, Лесного и Водного кодексов и признанием приоритета этих кодексов как ре-

гуляторов соответствующих отношений перед гражданским законодательством.

Регулирование действующими земельным, лесным и водным законодательствами соответствующих отношений, обладающих признаками, указанными в п. 1 ст. 2 ГК РФ

Некоторые основания для этого действующие земельное, лесное, водное законодательства все же дают. В этой связи следует обратиться к проблеме соотношения пунктов 1 и 3 ст. 3 ЗК РФ. Иногда делается такой вывод, что эти два пункта касаются разных, хотя и смежных общественных отношений. При этом утверждается, что п. 1 ст. 3 ЗК (земельное законодательство регулирует отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (земельные отношения)) распространяется только на публичные отношения. Следовательно, земельные отношения – это отношения публичные, а земельное законодательство – это публичное законодательство. При этом отношения, которых касается п. 3 ст. 3 ЗК РФ (отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками и совершению сделок с ними) считаются предметом регулирования гражданского законодательства. К таким выводам и пришел Е.А. Суханов [13]. De lege ferenda – это, очевидно, правильно. Но для целей правоприменения такие выводы вряд ли пригодны из-за их несоответствия действующему законодательству. Отношения по использованию земель (п. 1 ст. 3 ЗК РФ) – это родовое понятие. А отношения по поводу владения, пользования и распоряжения земельными участками – это понятие видовое. Это дает основание утверждать, что в п. 1 ст. 3 ЗК РФ устанавливается общая норма, а в п. 3 ст. 3 ЗК РФ – специальная норма. Положение абзаца тринадцатого п. 1 ст. 1 ЗК РФ предусматривает разграничение действия гражданского и земельного законодательства как регуляторов отношений по «использованию» земель, признаваемых в п. 1 ст. 3 ЗК РФ земельными. А отношения, о которых речь идет в п. 3 ЗК РФ, – это тоже отношения земель-

ные, хотя они и обладают признаками, указанными в ст. 2 ГК РФ. По причине наличия этих признаков законодатель предусмотрел возможность субсидиарного применения к этим отношениям гражданского законодательства.

Ст. 3 ЛК РФ сформулирована по образцу ст. 3 ЗК РФ: сначала ст. 3 ЛК РФ определяет лесные отношения как отношения прежде всего по использованию лесов, а затем предусматривает регулирование имущественных отношений, связанных с оборотом лесных участков, лесных насаждений, а также древесины и иных лесных ресурсов, полученных при использовании лесных ресурсов и мероприятий по сохранению лесов, гражданским законодательством, если иное не установлено Лесным кодексом, «другими федеральными законами». Правовая норма, установленная п. 2 ст. 3 ЛК РФ, касается лесных участков, а поскольку лесной участок – это разновидность земельных участков (ст. 7 ЛК РФ), то указанная норма подлежит преимущественному применению перед п. 3 ст. 3 ЗК, который исключает применение гражданского законодательства к соответствующим земельным отношениям лесным законодательством (а не только Лесным кодексом). Сложнее истолковать слова «другими федеральными законами», содержащиеся в п. 2 ст. 3 ЛК РФ. Точнее, трудно убедить профессионалов-юристов в том, что эти слова следует толковать с учетом контекста как «другими федеральными законами, относящимися к лесному законодательству (ст. 2 ЛК РФ)».

Водный кодекс также устанавливает, что имущественные отношения, связанные с оборотом водных объектов, регулируются гражданским законодательством в той мере, в которой они не урегулированы Водным кодексом. Конечно, такое разнообразие вариантов ограничения применения гражданского законодательства к имущественным отношениям по поводу земельных участков: 1) земельным, лесным, водным законодательствами, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, федеральными законами (п. 3 ст. 3 ЗК РФ); 2) Лесным кодексом, другими федеральными законами (п. 2 ст. 3 ЛК РФ); 3) Водным кодексом (п. 2 ст. 4 ВК), не может быть оправдано. Эти законодательные положения должны быть максимально унифицированы.

Отраслевая классификация правовых норм, регулирующих земельные, водные и лесные отношения

Очевидно, мы вряд ли будем приближаться к истине, если пойдем по пути признания возможности изменения отраслевой принадлежности норм, которые изначально являются нормами гражданского или публичного права, но регулируют полностью или частично земельные, лесные или водные отношения. Поэтому нормы гражданского права, которые регулируют исключительно земельные отношения, хотя бы и обладающие признаками, указанными в ст. 2 ГК (например, нормы, устанавливаемые главой 17 ГК РФ), или регулируют наряду с другими отношениями также и земельные отношения (например, нормы о сделках), всегда остаются нормами гражданского права. Это же касается и норм гражданского права, которые не являются самостоятельными регуляторами земельных отношений, а применяются к уже урегулированным другими нормами отношениями (например, не являются самостоятельными регуляторами нормы об исковой давности). В связи с этим мы критически оцениваем мысль о том, что Гражданский кодекс находится «среди относящихся к земельному законодательству и также регулирующих земельные отношения законов» [5]. То, что Гражданский кодекс регулирует земельные отношения (имеющих признаки, указанные в ст. 2 ГК РФ, не изъятых законодателем из предмета регулирования гражданского законодательства и не перенесенных в предмет земельного законодательства), не является предметом для дискуссии, ибо такое предусмотрено абзацем 13 п. 1 ст. 1 и п. 3 ст. 3 ЗК РФ. Здесь дискуссия может вестись только в аспекте *de lege ferenda*. Но отношение к земельному законодательству Гражданского кодекса является совершенно неприемлемым, так как будет означать подчинение Гражданского кодекса в той части, в которой он регулирует земельные отношения, правовому режиму, установленному ст. 2 ЗК РФ.

С точки зрения *de lege lata* нетрудно квалифицировать все правовые нормы, установленные Земельным, Лесным и Водным кодексами, как нормы соответственно земельного,

лесного, водного права. Но здесь есть определенные нюансы. Земельное, лесное и водное законодательства – это понятия, которые не только признаются законодателем, но и определяются им (ст. 2 ЗК РФ; ст. 2 ЛК РФ; ст. 2 ВК РФ). Употребляется также термин «нормы земельного законодательства» (абзац 13 п. 1 ст. 1 ЗК РФ). Обобщающий термин «нормы указанных отраслей законодательства» (абзац 2 п. 2 ст. 3 ЗК РФ) раскрывается в том же пункте и охватывает собою, в частности, нормы лесного и водного законодательства, хотя в Лесном и в Водном кодексах также термины не употребляются.

В Земельном кодексе употребляется также и термин «нормы земельного права» (п. 1, 3, 4 ст. 2 ЗК РФ). Таким образом, законодатель признает не только отрасль земельного законодательства, но и отрасль земельного права, нормы земельного права. Очевидно, все правовые нормы, устанавливаемые Земельным кодексом, являются нормами земельного права.

Однако широко распространенные научные концепции мешают признанию отрасли земельного права даже в условиях, когда эту отрасль признает законодатель. Когда признается необходимость единого правового режима земельных участков (как представляется, такому правовому режиму не препятствует п. 3 ст. 3 ЗК РФ, допускающий субсидиарное применение гражданского законодательства к земельным отношениям в той части, в которой они обладают признаками, указанными в ст. 2 ГК РФ), автор пишет о «взаимодействии норм различной отраслевой принадлежности, составляющих межотраслевые институты» [4, абз. 49]. Уточним, что речь идет о правовом режиме земельных участков. Законодатель предусмотрел субсидиарное применение к этим отношениям гражданского законодательства. Говорить в связи с этим об образовании «межотраслевого института» вряд ли уместно: правовой режим земельных участков по-прежнему остается земельно-правовым.

В других случаях пишут о том, что «Земельные кодекс, помимо земельно-правовых правил поведения, включает множество гражданских, административных и иных норм права» [10, абз. 17]. Земельным кодексом законодатель объединил в едином кодифицирован-

ном законодательном акте публично-правовые и частно-правовые нормы, назвал их все вместе нормами земельного права, а в науке утверждают, что наряду с нормами земельного права Земельный кодекс устанавливает и нормы других отраслей права.

Поскольку сложилась своеобразная традиция отстаивания мифических отраслевых интересов, против признания земельного права самостоятельной отраслью права выступают ученые-специалисты в области гражданского права. В.А. Дозорцев писал об этом, очевидно, с целью повлиять на содержание нового Земельного кодекса: «Земельные отношения распались на регулируемые гражданским и административным правом... основания для признания земельного права самостоятельной отраслью перестали существовать, теперь земля попала в сферу действия гражданского права, являясь объектом экономического оборота» [7, с. 26]. Идею комплексности отрасли земельного законодательства поддерживает и развивает В.В. Чубаров: «В тех случаях, когда по воле законодателя гражданско-правовые нормы располагаются в источниках земельного законодательства, они своей родовой принадлежности не теряют и остаются гражданско-правовыми. В целом данный подход уже воплощен в нормах УК РФ 2001 г.» [15, абз. 2713]. В подтверждение своих мыслей В.В. Чубаров ссылается на «маститых» отечественных цивилистов – А.Л. Маковского [11] и Л.А. Грось [6].

Оправдание борьбы цивилистов за земельные отношения как предмет гражданско-правового регулирования видится в основном не в особенностях соответствующей материи, а в ряде организационных моментов: 1) наука гражданского права имеет несравненно большие трудовые ресурсы, чем наука земельного права, что предопределяет возможности развития научных исследований; 2) наука гражданского права более крепка организационно (количество кафедр гражданского права в университетах стране несравнима с количеством кафедр земельного права); 3) высокий авторитет гражданского права и как науки, и как отрасли права. Но есть аргументы и в пользу земельного права. Если будет земельное право, то будут и ученые, специализирующиеся на соответствующей отрасли

юридического знания. А это – предпосылка более глубокого осмысления соответствующих научных проблем и повышения качества правотворческой деятельности.

Полагаем, что вопрос об отраслевой принадлежности правовых норм, установленных Лесным и Водным кодексами, должен решаться так же, как он решается применительно к Земельному кодексу. Этому не препятствует то обстоятельство, что в Лесном и Водном кодексах нет терминов «лесное право», «водное право», «нормы лесного права», «нормы водного права». В Лесном и Водном кодексах не употребляются даже термины «нормы лесного законодательства», «нормы водного законодательства». Но последнее, скорее всего, должно быть оценено положительно (ввиду неопределенности значения подобного рода терминов). Дело в том, что законодатель четко определил предмет регулирования лесного и водного законодательств (п. 1 ст. 3 ЛК РФ; ст. 4 ВК РФ), совершенно четко допустил применение лесного и водного законодательств ко всем лесным и водным отношениям, в том числе имеющим признаки, указанные в ст. 2 ГК РФ, лесного и водного законодательств (п. 2 ст. 3 ЛК РФ), предусмотрел преимущественное применение Лесного кодекса и других федеральных законов (п. 2 ст. 3 ЛК РФ), Водного кодекса (п. 2 ст. 4 ВК РФ) перед гражданским законодательством, к отношениям, которые регулируются этими кодексами и которые имеют признаки, указанные в ст. 2 ГК. Приоритет лесного законодательства ЛК РФ утверждает не только общими, но и специальными нормами. Так, ч. 2 ст. 75 ЛК РФ устанавливает, что к договору купли-продажи лесных насаждений применяются положения о договорах купли-продажи, предусмотренные ГК РФ, если иное не установлено ЛК РФ. В.К. Быковский положительно оценивает эти законодательные решения и пишет, что «лишь лесное законодательство способно учесть значительные особенности установления правового режима лесов» [5, абз. 410].

Представляется, что изложенного вполне достаточно для признания лесного и водного законодательств отраслями законодательства, а лесного и водного права как самостоятельных отраслей права. А нормы гражданского права Лесным и Водным кодек-

сами не устанавливаются. Мысль о самостоятельности отраслей лесного и водного права высказал С.В. Коростелев. Об этом пишут А.Ю. Пуряева и А.С. Пуряев [12, абз. 317, 333].

Однако есть и противоположные мнения. Так, в одном из изданий утверждается, что водное и лесное право не являются самостоятельными отраслями права, а входят в качестве подотраслей права в природоресурсное право [8, абз. 103]. Эта позиция представляется приемлемой, поскольку она препятствует экспансии гражданским правом лесного и водного.

Правоотношения, возникающие в процессе регулирующего воздействия права на земельные, лесные и водные отношения

Здесь речь идет о правоотношениях, возникающих в процессе, а не в результате правового регулирования, что автор статьи воспринял понимание правоотношения, идущее от Ю.К. Толстого [14, абз. 163]. Акцент на результат правового регулирования создает впечатление, что правоотношение существует тогда, когда уже процесс правового регулирования завершен, когда права участников правоотношения реализованы, а обязанности – исполнены. Но когда права реализованы, а обязанности исполнены, правоотношения прекращаются. Следовательно, правоотношения существуют только в процессе правового регулирования. Процесс прекратился и правоотношение прекратилось (одномоментно).

Если земельные, лесные и водные отношения в соответствии с п. 3 ст. 3 ЗК РФ, п. 2 ст. 3 ЛК РФ или п. 2 ст. 4 ВК РФ субсидиарно регулируются гражданским законодательством, возникают гражданские правоотношения. Это утверждение сталкивается с проблемой одновременного регулирующего воздействия на определенное общественное отношение нормы гражданского права (с одной стороны) и нормы земельного, или лесного, или водного права (с другой стороны). Методологический инструмент для решения такого рода проблем разработал Н.Г. Александров, который писал об элементарных правоотношениях как элементах сложных обязательств [1, с. 19, 20, 21; 2, с. 113; 3, с. 258–259].

Выводы

Таким образом, если есть норма гражданского права, которая в соответствующей части регулирует то или иное земельное, лесное, водное отношение, то правоотношение, возникающее в результате такого урегулирования не может считаться земельным, лесным или водным. Правоотношение – это форма, а форма идет от нормы как регулятора, а не от предмета правового регулирования.

Если же земельные, лесные или водные отношения регулируются положениями земельного, лесного и водного законодательства, которые всегда устанавливают исключительно нормы земельного, лесного, водного права, то в процессе такого регулирования возникают соответственно земельные, водные или лесные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, Н. Г. Юридическая норма и правоотношение / Н. Г. Александров. – М., 1947. – 26 с.
2. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1955. – 176 с.
3. Александров, Н. Г. Трудовое правоотношение / Н. Г. Александров. – М. : Юрид. изд. СССР, 1948. – 336 с.
4. Анисимов, А. П. Правовой режим земельных участков: новый методологический подход к соотношению норм гражданского и земельного права / А. П. Анисимов, А. И. Меликов // Право и экономика. – 2008. – № 12. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Быковский, В. К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование / В. К. Быковский. – М. : ВолтерсКлувер, 2009. – 220 с.
6. Грось, Л. А. О сопоставлении понятий «гражданское законодательство», «гражданское право» и «земельное законодательство» в вещных правах на земельные участки / Л. А. Грось // Журнал российского права. – 2002. – № 9. – С. 38–45.
7. Дозорцев, В. А. Проблемы совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации при переходе к рыночной экономике / В. А. Дозорцев // Государство и право. – 1994. – № 1. – С. 26. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С. А. Боголюбов,

Н. В. Кичигин, М. В. Пономарев. – М. : Юстициформ, 2007. – 312 с.

9. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С. А. Боголюбова. – М. : Проспект, 2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Лопухин, Д. А. Проблемные аспекты применения источников правового регулирования земельных отношений / Д. А. Лопухин // Гражданское право. – 2005. – № 4. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Маковский, А. Л. Гражданская законодательство. Пути развития / А. Л. Маковский // Право и экономика. – 2003. – № 3. – С. 35–43.

12. Пуряева, А. Ю. Лесное право : учеб. пособие / А. Ю. Пуряева, А. С. Пуряев. – М. : Деловой двор, 2009 – 406 с.

13. Суханов, Е. А. Проблемы совершенствования кодификации российского гражданского законодательства / Е. А. Суханов // Актуальные вопросы российского частного права : сб. ст., посвящ. 80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева / сост. Е. А. Павлова, О. Ю. Шилохвост. – М. : Статут, 2008. – 350 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Толстой, Ю. К. Избранные труды о собственности и правоотношениях / Ю. К. Толстой. – Л. : Закон, 2017. – 1008 с.

15. Чубаров, В. В. Развитие кодификации российского земельного законодательства (взгляд с позиции земельного права) / В. В. Чубаров // Кодификация российского гражданского права / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2015. – 447 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Aleksandrov N.G. *Yuridicheskaya norma i pravootnoshenie* [Legal Norm and Legal Relationship]. Moscow, 1947. 26 p.
2. Aleksandrov N.G. *Zakonnost i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve* [Legality and Legal Relations in Soviet Society]. Moscow, Gosyurizdat, 1955. 176 p.
3. Aleksandrov N.G. *Trudovoe pravootnoshenie* [Labor Relationship]. Moscow, Yurid. izd. SSSR, 1948. 336 p.
4. Anisimov A.P., Melikov A.I. *Pravovoj rezhim zemelnyh uchastkov: novyj metodologicheskij podhod k sootnosheniyu norm grazhdanskogo i zemelnogo prava* [Legal Regime of Land Plots: A New Methodological Approach to the Relationship Between the Norms of Civil and Land Law]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2008, no. 12. Access from the Reference Legal System “ConsultantPlus”.

5. Bykovskij V.K. *Ispolzovanie lesov v Rossijskoj Federacii: pravovoe regulirovanie* [Use of Forests in the Russian Federation: Legal Regulation]. Moscow, VoltersKluver Publ., 2009. 220 p.
6. Gros L.A. O sopostavlenii ponyatij «grazhdanskoe zakonodatelstvo», «grazhdanskoe pravo» i «zemelnoe zakonodatelstvo» v veshchnyh pravah na zemelnye uchastki [On the Comparison of the Concepts of “Civil Legislation”, “Civil Law” and “Land Legislation” in Real Rights to Land Plots]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2002, no. 9, pp. 38-45.
7. Dozorcev V.A. Problemy sovershenstvovaniya grazhdanskogo zakonodatelstva Rossijskoj Federacii pri perekhode k rynochnoj ekonomike [Problems of Improving Civil Legislation of the Russian Federation During the Transition to a Market Economy]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1994, no. 1, p. 26. Access from the Reference Legal System “ConsultantPlus”.
8. Bogolyubov S.A., Kichigin N.V., Ponomarev M.V. *Kommentarij k Vodnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* [Commentary on the Water Code of the Russian Federation (Item by Article)]. Moscow, Yusticinform Publ., 2007. 312 p.
9. Bogolyubov S.A., ed. *Kommentarij k Zemelnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* [Commentary on the Land Code of the Russian Federation (Item by Article)]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.
10. Lopuhin D.A. Problemnye aspekty primeneniya istochnikov pravovogo regulirovaniya zemelnyh otnoshenij [Problematic Aspects of Applying Sources of Legal Regulation of Land Relations]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2005, no. 4. Access from the Reference Legal System “ConsultantPlus”.
11. Makovskij A.L. *Grazhdanskaya zakonodatelstvo. Puti razvitiya* [Civil Legislation. Ways of Development]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2003, no. 3, pp. 35-43.
12. Puryaeva A.Yu., Puryaev A.S. *Lesnoe pravo: ucheb. posobie* [Forest Law. Textbook]. Moscow, Delovoj dvor Publ., 2009. 406 p.
13. Suhanov E.A. Problemy sovershenstvovaniya kodifikacii rossijskogo grazhdanskogo zakonodatelstva [Problems of Improving the Codification of Russian Civil Legislation]. Pavlova E.A., Shilokhvost O.Yu., eds. *Aktualnye voprosy rossijskogo chastnogo prava: sb. statej, posvyashchennyj 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.A. Dozorceva* [Current Issues of Russian Private Law. Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of the Birth of Professor V.A. Dozorcev]. Moscow, Statut Publ., 2008. 350 p. Access from the Reference Legal System “ConsultantPlus”.
14. Tolstoj Yu.K. *Izbrannye trudy o sobstvennosti i pravootnosheniyah* [Selected Works on Property and Legal Relations]. Moscow, Zakon Publ., 2017. 1008 p.
15. Chubarov V.V. Razvitie kodifikacii rossijskogo zemelnogo zakonodatelstva (vzglyad s pozicii zemelnogo prava) [Development of Codification of Russian Land Legislation (View from the Position of Land Law)]. Krashennnikov P.V., ed. *Kodifikaciya rossijskogo grazhdanskogo prava* [Codification of Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2015. 447 p. Access from the Reference Legal System “ConsultantPlus”.

Information About the Author

Artur V. Belichenko, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Process, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, 7097772@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7099-2385>

Информация об авторе

Артур Витальевич Беличенко, аспирант кафедры «Гражданское право и процесс», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, 7097772@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7099-2385>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.22>

UDC 349.444

LBC 67.404.212.47-32

Submitted: 17.05.2024

Accepted: 20.06.2024

THE CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF HOUSING LEGAL RELATIONSHIP

Victoria S. Changli

Donbass National Academy of Construction and Architecture, Makeyevka, Russian Federation

Introduction: despite the fact that the Housing Code of the Russian Federation defines the housing rights of citizens and names the grounds for their occurrence, there is no consensus in the scientific literature on which rights arising from housing relations regulated by the housing legislation are housing rights and what their legal nature and system are. The paper discusses various definitions of the concept of housing relations. The main problems of the legal regulation of housing relations at the present stage are analyzed. **Purpose:** to analyze the definition and grounds for the emergence of housing rights and determine their legal nature and system. When writing, the **methods** of formal logic were used: analysis, synthesis, generalization, comparison, and a systematic approach was applied to the study of the problem of the legal regulation of housing legal relationships. **Results:** the paper analyzes the problems of legal regulation of objects of housing legal relations. **Conclusions:** atypicality of housing rights was revealed; the specific features of housing rights were disclosed; problems of legal regulation of housing rights were identified; ways to solve them were proposed.

Key words: housing legal relationship, concept of housing legal relationship, right to housing, residential premises, human rights.

Citation. Changli V.S. The Concept and Problems of Legal Regulation of Housing Legal Relationship. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 166-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.22>

УДК 349.444

ББК 67.404.212.47-32

Дата поступления статьи: 17.05.2024

Дата принятия статьи: 20.06.2024

ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Виктория Сергеевна Чангли

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка, Российская Федерация

Введение: несмотря на то что в Жилищном кодексе РФ дано определение жилищных прав граждан и названы основания их возникновения, в научной литературе не выработано единого мнения о том, какие права, возникающие из жилищных отношений, урегулированных жилищным законодательством, являются жилищными правами, какова их правовая природа и система. В статье рассматриваются различные определения понятия жилищных отношений. Анализируются основные проблемы правового регулирования жилищных отношений на современном этапе. **Цель:** проанализировать определение и основания возникновения жилищных прав, определить их правовую природу и систему. При написании использовались **методы** формальной логики – анализа, синтеза, обобщения, сравнения, а также применялся системный подход к изучению проблемы правового регулирования объектов жилищных правоотношений. **Результаты:** в работе проанализированы проблемы правового регулирования объектов жилищных правоотношений. **Выводы:** выявлена нетипичность жилищных прав; раскрыты особенности жилищных прав; выявлены проблемы правового регулирования жилищных прав; предложены пути их решения.

Ключевые слова: жилищные правоотношения, понятие жилищных правоотношений, право на жилище, жилое помещение, права человека.

Цитирование. Чангли В. С. Понятие и проблемы правового регулирования объектов жилищных правоотношений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 166–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.22>

Введение

Право на жилище – это конституционно закрепленное право человека. Наличие жилища создает основу для нормальной жизнедеятельности, является необходимым условием обеспечения базовых потребностей человека.

Законодатель определяет объекты жилищных правоотношений в нормах ст. 15 и 16 Жилищного кодекса РФ [4]. Согласно данным нормам, объектами жилищных прав и жилищных правоотношений является жилые помещения.

Несмотря на то что в ЖК РФ дано определение жилищных прав граждан и названы основания их возникновения, в научной литературе не выработано единого мнения о том, какие права, возникающие из жилищных отношений, урегулированных жилищным законодательством, являются жилищными правами, какова их правовая природа и система.

Результаты

Помещение рассматривается в качестве жилого в случае, если оно одновременно отвечает следующим признакам:

1) является недвижимым имуществом в соответствии со ст. 130 Гражданского кодекса РФ [3];

2) является изолированным помещением, то есть отграничено от иных объектов (в том числе при нахождении нескольких объектов в одном здании, сооружении), иметь отдельный вход и не являться средством доступа в иные помещения;

3) пригодно для постоянного проживания, то есть соответствует установленным для этого санитарно-техническим нормам;

4) зарегистрировано в качестве жилого в установленном порядке.

Законодательство ограничивает круг жилых помещений следующими видами:

- 1) жилой дом, часть жилого дома;
- 2) квартира, часть квартиры;
- 3) комната.

При этом для того, чтобы являться объектом жилищных прав, каждый из этих объектов должен соответствовать признакам, обозначенным выше.

Анализ законодательных дефиниций перечисленных выше жилых помещений позволяет выделить ряд недостатков:

1) отсутствуют законодательные определения понятий «часть жилого дома», «часть квартиры», что на практике может привести к спорам относительно правомерности отнесения объекта к объектам жилищных прав;

2) понятие «комната» используется и как наименование самостоятельного объекта жилищных прав, и как наименование части иных объектов жилищных правоотношений.

Вместе с тем в состав квартиры или дома могут включаться предназначенные для проживания помещения, не соответствующие указанным выше признакам объектов недвижимости. Вышеизложенное свидетельствует об использовании понятия «комната» в нормах данной статьи в разных значениях, что говорит о недостатках юридической техники и необходимости их устранения.

Кроме того, в условиях развития рынка недвижимости и в целом правоотношений в сфере обеспечения помещения для проживания появляются новые объекты, правовой статус которых требует регламентации. К примеру, на рынке недвижимости приобретает распространение такой вид недвижимости, как апартаменты. В действующем законодательстве правовой статус апартаментов не регламентирован, а подзаконные акты и судебная практика рассматривают апартаменты как категорию гостиничного номера в средстве размещения. Однако на практике апартаменты могут соответствовать всем изложенным выше признакам жилых помещений, приобретаться и использоваться владельцами именно как жилые помещения для целей постоянного проживания.

В связи с этим следует рассмотреть вопрос причисления апартаментов в случае, если они соответствуют признакам жилых помещений, к объектам жилищных прав.

Отсутствие законодательного регулирования популярного на рынке недвижимости объекта – таунхауса – также приводило к значительным трудностям проживающих в нем граждан и свидетельствовало о необходимости реформирования законодательства. В настоящее время принят Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], который приравнивает таунхаус к жилому дому и решает тем самым вопросы принадлежности земельного участка под таунхаусом или вопросы реконструкции таунхауса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования объектов жилищных правоотношений по следующим направлениям:

1. Законодательное определение понятий «часть дома» и «часть квартиры».

2. Определение понятий «жилой дом», «квартира» без указания на понятие «квартира» во избежание неправильного толкования понятия «комната».

3. Рассмотрение возможности признания апартаментов в качестве объектов жилищных правоотношений при наличии у него всех признаков, характерных для жилых помещений [1, с. 40].

Жилищное правоотношение является формой реализации конституционного права на жилище, призванного обеспечить удовлетворение базовой потребности любого человека.

Перечень жилищных правоотношений, предусмотренный ст. 4 Жилищного кодекса РФ, включает в себя крайне разнообразные и различные по своей правовой природе отношения. Еще в советский период развития отечественной правовой науки авторы отмечали собирательный характер понятия жилищного правоотношения.

С установлением рыночной экономики и расширением круга рыночных отношений, в том числе в сфере действия жилищного права, разноплановость правоотношений, входящих в предмет регулирования жилищного права, стала еще более отчетливой.

Правовая наука определяет жилищные правоотношения как правоотношения, возникающие в связи с удовлетворением потреб-

ностей граждан в жилище. В связи с этим они включают в себя как публично-правовые, так и частно-правовые отношения с различным подходом к их правовому регулированию.

Иногда для определения понятия жилищного правоотношения используется более широкая формулировка – «по поводу жилого помещения». Однако она не представляется удачной, так как не все жилищные отношения складываются по поводу жилых помещений, и напротив – не все правоотношения, складывающиеся по поводу жилых помещений, являются жилищными отношениями.

Исходя из объекта жилищных правоотношений, некоторые авторы определяют жилищные правоотношения как общественные отношения по владению, пользованию, распоряжению жилыми помещениями, управлению и эксплуатации жилого фонда [2, с. 118].

С учетом содержания жилищного правоотношения жилищные отношения определяются как урегулированные нормами жилищного права общественные отношения по реализации сторонами правоотношения, гарантированного Конституцией РФ права на жилище с приобретением соответствующих прав и обязанностей.

На основании приведенных подходов к определению понятия жилищного правоотношения может быть предложено следующее комплексное определение понятия жилищного правоотношения.

Жилищные правоотношения – урегулированные нормами жилищного права общественные отношения по владению, пользованию, распоряжению жилыми помещениями, управлению и эксплуатации жилого фонда, возникающие в целях удовлетворения потребности в жилище и реализации установленного Конституцией Российской Федерации права на жилище и влекущие приобретение сторонами правоотношения соответствующих прав и обязанностей.

Правоотношения можно считать жилищными, если они соответствуют следующим критериям:

– данные отношения могут возникать в связи со значимостью объекта в масштабах отдельной личности и государства. Государство устанавливает определенные ограничения, которые применяются к использованию жилищных правоотношений;

– при условии, если данные правоотношения выступают отражением общественных отношений, которые являются следствием исполнения закрепленных Конституцией РФ положений о социальной защите отдельных категорий граждан путем решения жилищных проблем.

В особых субъективных правах и обязанностях выражаются такие жилищные правоотношения, которые представляют собой специфические субъективные жилищные права, заключающиеся в нетипичной конструкции субъективных прав, характерных для базовых отраслей права, ограничивающие административные и гражданские права.

И.А. Покровский называет отличия для частных и публичных прав: в отношении отрасли публичного права выступают государственные права и обязанности, а для гражданского права – только права [5, с. 67]. Например, субъект, имеющий право, может воспользоваться им, а может и не осуществлять данные права, что не является правонарушением.

Выводы

Таким образом, нетипичность жилищных прав заключается в том, что исключением для гражданских прав на жилое помещение являются права, в которых выступает одноименные обязанности, а именно: право требовать предоставления коммунальных услуг, а их обязанность – поддерживать помещение в хорошем состоянии путем обеспечения необходимым для работы услугами; обладать правом участия в управлении многоквартирным домом, а обязанность заключается в его управлении. Нетипичность публичных прав выступает в предоставлении права, которые не являются обязанностями управомоченного, а также отсутствует реализация, которая не влечет за собой наступление публичной ответственности и имеет возможность понуждения к совершению определенных действий.

Особенности, определяющие жилищные права:

– установление пределов прав лиц на жилое помещение субъективного гражданского права, а именно субъективных публичных жилищных прав, которые являются результатом введения законодательных требо-

ваний по реализации возможностей, составляющих на жилые помещения содержание субъективных прав;

– права лиц, в которые входят дополнительные возможности для проживания в жилом помещении;

– права лиц, которым предоставляется возможность распоряжаться, владеть и пользоваться жилым помещением при условии, если отсутствует возможность осуществление проживания, влекущая прекращение субъективного права.

Следовательно, все остальные права, которые связаны с жилыми помещениями, можно разделить на административные, гражданские и другие права, которые возникают в связи с жилым помещением. Данный подход к определению жилищных правоотношений позволяет оградить жилищные правоотношения от других отношений, а также в будущем разграничить категории «жилищное законодательство» и «жилищное право».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баратова, М. А. Формирование жилищного права в России / М. А. Баратова // Семейное и жилищное право. – 2011. – № 4. – С. 40–42.
2. Вишневская, И. С. Жилищное право : учебник / И.С. Вишневская, Е.С. Селиванова. – М. : Эксмо, 2011. – 288 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 дек. (№ 32). – Ст. 3301.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – 3 янв. (№ 1, ч. 1). – Ст. 14.
5. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Пг. : Право, 1917. – 328 с.
6. Федеральный закон от 30.12.2021 № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – 3 янв. (№ 1, ч. 1). – Ст. 45.

REFERENCES

1. Baratova M.A. Formirovanie zhilishchnogo prava v Rossii [Formation of Housing Law in Russia].

Semejnoe i zhilishchnoe pravo [Family and Housing Law], 2011, no. 4, pp. 40-42.

2. Vishnevskaya I.S., Selivanova E.S. *Zhilishchnoe pravo: uchebnik* [Housing Law. Textbook]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 288 p.

3. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 03.08.2018) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) Dated November 30, 1994, No. 51-FZ (Ed. Dated August 3, 2018)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, Dec. 5 (no. 32), art. 3301.

4. Zhilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 188-FZ (red. ot 26.07.2019) [Housing Code of the Russian Federation Dated December

29, 2004 No. 188-FZ (Ed. Dated July 26, 2019)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2005, Jan. 3 (no. 1, pt. 1), art. 14.

5. Pokrovskij I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main Problems of Civil Law]. Petrograd, Pravo Publ., 1917. 328 p.

6. Federalnyj zakon ot 30.12.2021 № 476-FZ «O vnesenii izmenenij v otdelnye zakonodatelnye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 476-FZ Dated December 30, 2021 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2022, Jan. 3 (no. 1, pt. 1), art. 45.

Information About the Author

Victoria S. Changli, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Management of Construction Organizations, Donbass National Academy of Construction and Architecture, Derzhavina St, 2, 286128 Makeyevka, Russian Federation, v.s.changli@donnasa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3416-5326>

Информация об авторе

Виктория Сергеевна Чангли, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента строительных организаций, Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, ул. Державина, 2, 286128 г. Макеевка, Российская Федерация, v.s.changli@donnasa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3416-5326>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.23>

UDC 347.1
LBC 67.4

Submitted: 15.06.2024
Accepted: 15.07.2024

ON THE ISSUE OF DEFENSE AND PROTECTION OF RIGHTS TO THE NATIONAL OLYMPIC EMBLEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Nodari D. Eriashvili

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Albert V. Tumakov

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the legal protection of Olympic symbols in the Russian Federation is based on the institution of recognition of unfair competition provided for by the Federal Law “On Protection of Competition,” which is discussed in this paper. **Purpose:** consider the effect of the Federal Law “On Protection of Competition” in relation to the rules for the defense and protection of rights to the national Olympic emblem. **Methods:** the methods of deduction were used (in terms of the reception by the national legislation of the main provisions of the Olympic Charter on the possibility of using symbols only subject to an appropriate agreement with the International Olympic Committee) and induction (in the study of the requirements imposed on the national Olympic emblem by the international normative legal acts). **Results:** the paper analyzes the national Olympic emblems in the context of their definition in the Olympic Charter, systematizes the aspects of regulating national Olympic symbols that are used by states to individualize the venue of specific Olympic Games, to convey to the public the concepts and traditions of the state in the modern world (for a situation when the games are held in a particular state and they create a special Olympic symbol, characterizing such a state and specific Olympic Games), and the rights to them. **Conclusions:** the paper concludes that the fourth part of the Russian Federation’s Civil Code should regulate the legitimate use of sporting event symbols, taking into account the need to comply with international acts in cases where the sporting event is of an international nature.

Key words: Olympic symbols, unfair competition, sports event, legal protection, Olympic Games.

Citation. Eriashvili N.D., Tumakov A.V. On the Issue of Defense and Protection of Rights to the National Olympic Emblem in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 171-176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.23>

УДК 347.1
ББК 67.4

Дата поступления статьи: 15.06.2024
Дата принятия статьи: 15.07.2024

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ И ОХРАНЕ ПРАВ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ОЛИМПИЙСКУЮ ЭМБЛЕМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нодари Дарчоевич Эриашвили

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Альберт Владиславович Тумаков

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: для правовой охраны олимпийской символики в Российской Федерации действует институт признания недобросовестной конкуренции, предусмотренный Федеральным законом «О защите конкуренции», о чем идет речь в настоящей статье. **Цель:** рассмотреть действие Федерального закона «О защите

конкуренции» применительно к правилам охраны и защиты прав на национальную олимпийскую эмблему. **Методы:** использованы методы дедукции (в части рецепции национальным законодательством основных положений Олимпийской хартии о возможности использования символики только при условии соответствующего соглашения с Международным олимпийским комитетом), индукции (при исследовании требований, предъявляемых к национальной олимпийской эмблеме международными нормативными правовыми актами). **Результаты:** в статье проведен анализ национальных олимпийских эмблем в контексте их определения в Олимпийской Хартии, систематизированы аспекты регулирования национальных олимпийских символов, которые используются государствами для индивидуализации места проведения конкретных олимпийских игр, донесения до общественности концепций и традиций государства в современном мире (для ситуации, когда игры проводятся в конкретном государстве и им создается специальный олимпийский символ, характеризующий такое государство и конкретные олимпийские игры) и прав на них. **Выводы:** в статье сделан вывод о необходимости урегулирования в четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации вопросов законного использования символики спортивных мероприятий с отсылкой на необходимость соблюдения положений международных актов в том случае, если спортивное мероприятие носит международный характер.

Ключевые слова: олимпийская символика, недобросовестная конкуренция, спортивное мероприятие, правовая охрана, Олимпийские игры.

Цитирование. Эриашвили Н. Д., Тумаков А. В. К вопросу о защите и охране прав на национальную олимпийскую эмблему в Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 171–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.23>

Введение

Особенности защиты и охраны прав на национальную олимпийскую эмблему в Российской Федерации можно охарактеризовать, исходя из анализа положений закона о проведении Олимпийских игр в Сочи. В частности, действующее российское законодательство повторяет положения Олимпийской Хартии о возможности использования символики только при условии соответствующего соглашения с Международным олимпийским комитетом. Для правовой охраны олимпийской символики в Российской Федерации действует институт признания недобросовестной конкуренции, предусмотренный Федеральным законом «О защите конкуренции» [5]. Целесообразно рассмотреть его действие в отношении национальной олимпийской эмблемы.

Основное содержание

Любые случаи оборота товара с использованием национальной олимпийской символики при проведении олимпийских игр в Сочи, а также введение в заблуждение при использовании должны были признаваться недобросовестной конкуренцией. Исключение из данного положения составляли только ситуации использования национальной олимпийской символики при наличии на то соответствующего

договора, в том числе лицензионного, с Международным олимпийским комитетом и с национальным олимпийским комитетом (при необходимости). Так, в целях выполнения обязательств Российской Федерации перед Международным олимпийским комитетом по предупреждению и выявлению незаконного и/или несогласованного использования олимпийской символики, в том числе национальной олимпийской эмблемы, на основе положений Хартии, в 2008 г. между Роспатентом и автономной некоммерческой организацией «Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Параолимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи» (далее – Организационный комитет) было заключено соглашение об основах взаимодействия при организации и проведении в Сочи Олимпийских игр [4].

Определяющей в рамках данного соглашения можно считать деятельность по обеспечению единых подходов при подготовке предложений по изменению нормативной правовой базы, регулирующей вопросы защиты прав на олимпийскую символику. Кроме того, между сторонами была достигнута договоренность в целях защиты всех видов интеллектуальной собственности на олимпийскую символику о сотрудничестве в следующих формах (см. таблицу).

Аналогичное соглашение было заключено Организационным комитетом с Федераль-

Формы сотрудничества сторон при подготовке и проведении олимпийских игр

Формы сотрудничества сторон при подготовке и проведении игр
1) проведение по информации другой стороны в пределах своей компетенции мероприятий, направленных на предупреждение незаконного использования олимпийской символики
2) планирование и осуществление скоординированных мероприятий, направленных на предупреждение и выявление фактов неправомерного использования олимпийской символики
3) выработка совместных предложений о совершенствовании законодательства в сфере защиты олимпийской символики
4) проведение совещаний, конференций, семинаров по вопросам соблюдения интересов правообладателей олимпийской символики
5) обмен нормативными правовыми актами, методическими и инструктивными материалами по вопросам предупреждения и выявления нарушений при использовании олимпийской символики при подготовке и проведении игр
6) содействие в повышении квалификации кадров, в том числе путем организации стажировок

ной таможенной службой [2], главной задачей которой является недопущение незаконного оборота через таможенную границу товаров, содержащих олимпийскую символику, в том числе национальную олимпийскую символику. Направления сотрудничества Федеральной таможенной службы с Организационным комитетом в целом схожи с формами сотрудничества Роспатента с Организационным комитетом, однако дополнены мероприятиями по обмену между сторонами информацией о фактах незаконного оборота товаров, а также о результатах проведения мероприятий в обозначенных целях в пределах своей компетенции [1].

Вместе с тем Федеральная таможенная служба обладает полномочиями по приостановлению выпуска товаров, если они содержат объекты интеллектуальной собственности при отсутствии соответствующих прав, а также полномочиями по включению объектов интеллектуальной собственности в специализированный таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности. В рамках рассматриваемого соглашения в целях недопущения незаконного оборота товаров с использованием олимпийской символики, в том числе национальной олимпийской символики, заявления Организационного комитета о приостановлении выпуска товаров рассматриваются Федеральной таможенной службой в приоритетном порядке, а объекты интеллектуальной собственности включаются в таможенный реестр на максимальный срок.

Следует отметить, что в настоящее время в рамках сотрудничества членов Евразийского экономического союза существует единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности [3].

Помимо рассмотренных национальных олимпийских эмблем в контексте их определения в Хартии, также представляется целесообразным рассмотреть аспекты регулирования национальных олимпийских символов, которые используются государствами для индивидуализации места проведения конкретных олимпийских игр, донесения до общественности концепций и традиций государства в современном мире (для ситуации, когда игры проводятся в конкретном государстве и им создается специальный олимпийский символ, характеризующий такое государство и конкретные олимпийские игры) и прав на них.

Например, при проведении Олимпийских игр в Китае (2022 г.) были использованы следующие элементы национального образа:

– панда (символ олимпиады), олицетворяющая в себе взаимосвязь спорта и китайской культуры;

– отсчет о начале Олимпийских игр проводился с 24, так как за основу был взят лунный календарь Китая и его 24 термина.

Использование таких элементов, несомненно, является средством привлечения внимания не только к спортивному имиджу государства, но и к его культурным и ценностным особенностям [6, с. 11].

Выводы

В результате рассмотрения особенностей правового регулирования охраны и защиты интеллектуальной собственности на национальные олимпийские эмблемы можно сделать следующие выводы.

1. В основе правового регулирования охраны и защиты интеллектуальной собственности на символику олимпийских игр на международном уровне – Найробский договор об охране Олимпийского символа и Олимпийская хартия.

2. Существует ряд требований, предъявляемых к национальной олимпийской эмблеме международными нормативными правовыми актами. Во-первых, национальная олимпийская эмблема для возможности ее законного использования национальным олимпийским комитетом должна быть утверждена Международным олимпийским комитетом. Во-вторых, национальная олимпийская эмблема утверждается только при соответствии ее дизайна установленным требованиям. В-третьих, государством должны быть предприняты меры по обеспечению на своей территории правовой защиты эмблемы путем регистрации ее в качестве товарного знака (где это возможно) в течение шести месяцев после утверждения. Причем входящие в состав национальной олимпийской эмблемы официальные государственные обозначения при условии согласия на то компетентного государственного органа включаются в качестве неохраняемого элемента.

3. В Российской Федерации в качестве средства охраны и защиты интеллектуальной собственности на олимпийскую символику используется институт недобросовестной конкуренции, что позволяет прибегнуть к давно используемому на практике правовым последствиям незаконного использования, применяемых компетентным органом. Любые случаи оборота товара, содержащего национальную олимпийскую символику, а также введение в заблуждение при использовании признаются недобросовестной конкуренцией. Исключение из данного положения составляют ситуации использования национальной олимпийской символики при наличии на то соответствующего договора, в том числе лицензионного, с Меж-

дународным олимпийским комитетом и с национальным олимпийским комитетом (при необходимости).

4. В рамках реформирования системы нормативного правового регулирования интеллектуальной собственности на олимпийскую символику следует отметить, что принятие нормативного правового акта, устанавливающего единые требования сразу ко всем возможным спортивным мероприятиям, в том числе международного характера, представляется нецелесообразным, так как при каждом международном спортивном мероприятии государству предъявляется требование по проведению мероприятия. Вместе с тем необходимо урегулирование в четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации вопросов законного использования символики спортивных мероприятий с отсылкой на необходимость соблюдения положений международных актов в том случае, если спортивное мероприятие носит международный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обновление концепции антимонопольного регулирования. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 года № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» / А. А. Алексеева [и др.] // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 5–7.

2. Письмо ФТС РФ от 23.06.2008 № 01-11/24762 «О реализации Соглашения с Оргкомитетом “Сочи 2014” (вместе с Соглашением об основах взаимодействия при организации и проведении в г. Сочи XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр в 2014 г. между Федеральной таможенной службой и Автономной некоммерческой организацией «Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи» от 25.04.2008 № 01-12/0014) // Таможенные ведомости. – 2008. – № 9.

3. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.03.2018 № 35 «О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств – членов Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. – URL: <http://www.eaeunion.org>

4. Соглашение об основах взаимодействия при организации и проведении в г. Сочи XXII Олим-

пийских зимних игр и XI Параолимпийских зимних игр 2014 года между Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам и автономной некоммерческой организацией «Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Параолимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи» (Заключено 16.06.2008) // Патенты и лицензии. – 2008. – № 9.

5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – 31 июля (№ 31, ч. 1). – Ст. 3434.

6. Ху, Ж. Имиджевая функция спортивного события на примере формирования внутреннего имиджа Китая под влиянием открытия Олимпийских игр 2022 в Пекине / Ж. Ху // *Litera*. – 2022. – № 12. – С. 11–15.

REFERENCES

1. Alekseeva A.A., Borzilo E.Yu., Korneev V.A., Pisenko K.A., Razgildeev A.V., Safonov V.V. Obnovlenie koncepcii antimonopolnogo regulirovaniya. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Postanovleniyu Plenuma VS RF ot 4 marta 2021 goda № 2 «O nekotoryh voprosah, vznikayushchih v svyazi s primeneniem sudami antimonopolnogo zakonodatelstva» [Update of the Concept of Antimonopoly Regulation. Scientific and Practical Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 4, 2021, No. 2 “On Some Issues Arising in Connection with the Application of Antimonopoly Regulation. Some Issues Arising in Connection with the Application by Courts of Antimonopoly Legislation”]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2022, no. 5–7.

2. Pismo FTS RF ot 23.06.2008 № 01-11/24762 «O realizacii Soglasheniya s Orgkomitetom “Sochi 2014” (vmeste s Soglasheniem ob osnovah vzaimodejstviya pri organizacii i provedenii v g. Sochi XXII Olimpijskih zimnih igr i XI Paralimpijskih zimnih igr v 2014 godu mezhdru Federalnoj tamozhennoj sluzhboj i Avtonomnoj nekommercheskoj organizaciej «Organizacionnyj komitet XXII Olimpijskih zimnih igr i XI Paralimpijskih zimnih igr 2014 goda v g. Sochi» ot 25.04.2008 № 01-12/0014) [Letter of the Federal Customs Service of the Russian Federation Dated June 23, 2008 No. 01-11/24762 “On the Implementation of the Agreement with the Sochi 2014 Organizing Committee” (Together with the Agreement on the Basics of

Cooperation in Organizing and Holding the 22nd Olympic Winter Games and 11th Paralympic Winter Games in Sochi in 2014 Between the Federal Customs Service and the Autonomous Non-Profit Organization “Organizing Committee 22nd Olympic Winter Games and 11th Paralympic Winter Games 2014 in Sochi” Dated April 25, 2008 N 01-12/0014)]. *Tamozhennye vedomosti* [Customs Gazette], 2008, no. 9.

3. Reshenie Kollegii Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii ot 06.03.2018 № 35 «O vedenii edinogo tamozhennogo reestra obyektov intellektualnoj sobstvennosti gosudarstv – chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza» [Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission Dated March 6, 2018 No. 35 “On Maintaining the Unified Customs Register of Intellectual Property Objects of the Member States of the Eurasian Economic Union”]. *Oficialnyj sajt Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza* [Official Website of the Eurasian Economic Union]. URL: <http://www.eaeunion.org/>

4. Soglashenie ob osnovah vzaimodejstviya pri organizacii i provedenii v g. Sochi XXII Olimpijskih zimnih igr i XI Paraolimpijskih zimnih igr 2014 goda mezhdru Federalnoj sluzhboj po intellektualnoj sobstvennosti, patentam i tovarnym znakam i avtonomnoj nekommercheskoj organizaciej «Organizacionnyj komitet XXII Olimpijskih zimnih igr i XI Paraolimpijskih zimnih igr 2014 goda v g. Sochi» (Zaklyucheno 16.06.2008) [Agreement on the Basis of Cooperation in the Organization and Holding of the 22nd Olympic Winter Games and 11th Paralympic Winter Games 2014 in Sochi Between the Federal Service for Intellectual Property, Patents and Trademarks and the Autonomous Non-Profit Organization “Organizing Committee of the 22nd Olympic Winter Games and 11th Paralympic Winter Games 2014 in Sochi” (Concluded June 16, 2008)]. *Patenty i licenzii* [Patents and Licenses], 2008, no. 9.

5. Federalnyj zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ «O zashchite konkurencii» [Federal Law No. 135-FZ Dated July 26, 2006 “On Protection of Competition”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2006, July 31 (no. 31, pt. 1), art. 3434.

6. Hu Zh. Imidzhevaya funkciya sportivnogo sobytiya na primere formirovanie vnutrennego imidzha Kitaya pod vliyaniem otkrytiya Olimpijskih igr 2022 v Pekine [Image Function of a Sports Event on the Example of the Formation of China’s Internal Image Under the Influence of the Opening of the 2022 Olympic Games in Beijing]. *Litera*, 2022, no. 12, pp. 11-15.

Information About the Authors

Nodari D. Eriashvili, Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (Jurisprudence), Candidate of Sciences (History), Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Akademika Volgina St, 12, 117437 Moscow, Russian Federation, professor60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8330-4680>

Albert V. Tumakov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Akademika Volgina St, 12, 117437 Moscow, Russian Federation, albert-tumakov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7002-6255>

Информация об авторах

Нодари Дарчоевич Эриашвили, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117437 г. Москва, Российская Федерация, professor60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8330-4680>

Альберт Владиславович Тумаков, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117437 г. Москва, Российская Федерация, albert-tumakov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7002-6255>

www.volsu.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.24>

UDC 343.9

LBC 67.404

Submitted: 26.05.2024

Accepted: 25.06.2024

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A PERSON PROVIDING SEXUAL SERVICES ON A MATERIAL BASIS

Ivan N. Arkhitektsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: sexual services provided on a material basis are an ever-expanding phenomenon that can be observed in various forms around the world, which indicates the globality of this phenomenon. Sexual acts committed with the participation of minors are usually accompanied by psychological effects, both on the side of providing such services and on the consumer, which leads to the formation of unhealthy sexual attitudes, needs, and desires. The paper gives a criminological portrait of a person who provides sexual services for financial remuneration, whereby it is possible to identify the most vulnerable group of people who can become “performers” of such services and, as a result, provide the necessary psychological support. The **purpose** of the study is a criminological characteristic of a person providing sexual services on a material basis. **Methods:** a special formal logical method is used to collect, process, generalize, analyze, and interpret empirical material; the general scientific methods such as comparison and description; the general logical methods: analysis, synthesis, induction, deduction, etc. **Results:** an extensive description of a person providing sexual services on a material basis is presented on the basis of their socio-demographic, socio-role, and moral and psychological characteristics.

Key words: sexual services; persons providing sexual services; socio-demographic characteristics; socio-role characteristics; moral and psychological characteristics.

Citation. Arkhitektsev I.N., Sarychev A.V. Criminological Characteristics of a Person Providing Sexual Services on a Material Basis. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 177-182. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.24>

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА,
ПРЕДОСТАВЛЯЮЩЕГО СЕКСУАЛЬНЫЕ УСЛУГИ
НА МАТЕРИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ****Иван Николаевич Архипцев**Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация**Александр Викторович Сарычев**Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Введение: сексуальные услуги, осуществляемые на материальной основе, представляют собой постоянно расширяющийся феномен, который в различных формах можно наблюдать по всему миру, что свидетельствует о глобальности данного феномена. Сексуальные деяния, совершаемые с участием несовершеннолетних, как правило, сопровождаются психологическим воздействием как на сторону оказания подобных услуг, так и на потребителя, что приводит к формированию нездоровых сексуальных взглядов, потребностей и желаний. В статье дан криминологический портрет лица, оказывающего услуги сексуального характера за материальное вознаграждение, на основании которого можно выделить наиболее уязвимую группу лиц, способных стать «исполнителями» таких услуг, и оказать им необходимую психологическую поддержку. **Целью исследования** является криминологическая характеристика лица, предоставляющего сексуальные услуги на материальной основе. **Методы:** для сбора, обработки, обобщения и интерпретации эмпирического материала применены специальный формально-логический метод; общенаучные методы, такие как сравнение и описание; общелогические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция и др. **Результаты:** представлена обширная характеристика лица, предоставляющего сексуальные услуги на материальной основе, касающейся его социально-демографических, социально-ролевых и нравственно-психологических признаков.

Ключевые слова: сексуальные услуги; лица, предоставляющие сексуальные услуги; социально-демографические признаки; социально-ролевые признаки; нравственно-психологические признаки.

Цитирование. Архипцев И. Н., Сарычев А. В. Криминологическая характеристика лица, предоставляющего сексуальные услуги на материальной основе // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 177–182. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.24>

Введение

Исследование особенностей лиц, предоставляющих сексуальные услуги на материальной основе, является актуальной криминологической задачей настоящего времени, особенно в условиях массового увеличения спроса и предложения на подобного рода услуги на цифровых платформах. Это связано с тем, что именно в личности такого лица, как отмечают ученые, кроются причины указанного безнравственного поведения, именно личность является основным и важнейшим элементом механизма девиантного поведения [1, с. 8]. Нетрудно предположить, что вовлечение не-

совершеннолетних, в том числе малолетних и собственных детей, также связан не с чем иным, как с личностными особенностями, отклонениями самих девиантов. В связи с этим изучение особенностей лиц, создающих такой «контент», не менее важно, чем изучение криминологических особенностей указанных деяний. Следует согласиться с А.И. Долговой, которая считает, что ни один криминолог, независимо от его научной школы, изучаемой тематики, не может пройти мимо проблемы, связанной с личностью субъекта [3, с. 330].

Сексуальные услуги могут носить как легальный, так и нелегальный характер. В связи с большим количеством нормативных про-

белов, коллизий, отсылочных норм, а также на фоне быстро развивающейся цифровой индустрии материал порнографического содержания или имеющий сексуальный предмет все больше относится к незапрещенному, причем не всегда ставятся даже возрастные ограничения «18+». Изучение индивидуальных особенностей лиц, предоставляющих услуги сексуального характера на материальной основе, является перспективным в рамках эффективного противодействия правоохранительными органами сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, проституции девушек или предоставление ими иных эскорт-услуг, осуществляемых в принудительной форме или обманом, а также ограничения путей свободного доступа к материалам особо содержания.

Анализ структуры личности лиц, предоставляющих сексуальные услуги, следует проводить с учетом социально-демографических, социально-ролевых и нравственно-психологических признаков. Для изучения личности такого лица необходимо раскрытие мотива его действий. Мотивами, склоняющими лицо к возмездному совершению сексуальных деяний, являются следующие: желание быстро заработать, стремление показать свое тело, влечение к новому опыту, потребность в общественном признании, самоактуализация, интерес к новым знакомствам и др.

Стоит отметить, что у «потребителей» данных услуг мотивами чаще всего являются: устранение сексуального напряжения, достижение оргазма, подчинение, желание унижить жертву, мотив интереса, развлекательный, подражание, сексуальное самоутверждение, способ компенсации, самоактуализация, способ разрешения межличностного или внутриличностного конфликта и др.

Криминологического анализа конкретных сексуальных деяний, совершаемых на материальной основе, в связи с их легальностью, а также с учетом того, что данная сфера услуг является еще достаточно «молодой» на рынке порнографической цифровой индустрии, в настоящее время не выработано. Однако изучить лицо, оказывающее подобного рода услуги, возможно на основе разных материалов, интервью и анкетных данных, которые сами лица и выставляют для привлечения клиентов.

Характеристика лиц, предоставляющих сексуальные услуги на материальной основе

1. Социально-демографические признаки.

Пол. Как показывает общемировая статистика пользователей: женщин в любой возрастной категории на 2–4 % [4] больше, чем мужчин. Однако изучение цифровых платформ, где фигурирует сексуальный контент (OnlyFans, Телеграмм, коммерческие сайты, Twitch) позволяет сделать вывод, что в большинстве своем материалы сексуального характера предлагают лица женского пола, а потребителями выступают мужчины. «Мужчины любят похоть, власть, страсть, им нравится наблюдать, как тебе хорошо, и они действительно считают, что это они делают так с тобой, они хотят пошлости, экспериментов, экстравагантности, они любят глазами, поэтому мы (вебкам-модели) просто даем им то, что им нравится, и получаем за это то, что нравится нам: деньги и удовольствие» [5]. Но имеют место и мужские услуги. Так, «28-летний австралиец Райс Пауэр несколько лет занимался мужским стриптизом. Но с помощью OnlyFans он перенес заработки в Интернет – и месячная подписка на приватные фото и видео приносит ему 10 до 15 тысяч долларов в месяц» [7].

Возраст. Основную часть активных пользователей Интернета по всему миру составляет молодежь (от 15 до 35 лет). Если не учитывать нелегальный характер сексуальных услуг, осуществляемых с участием несовершеннолетних, то средний возраст лиц, предоставляющих такие услуги, варьируется от 18 до 25, хотя имеют место и авторы более старшего возраста. Это молодые, симпатичные, свободные люди, имеющие определенные жизненные цели, не ограничивающиеся рамками нравственности и морали.

Социальное положение. Так как данные услуги исходят от «вчерашних школьников», то по своему положению в обществе это чаще всего студенты или молодые работники. Нередко случается такое, что на совершение подобного рода услуг их толкает именно нехватка средств к существованию: «Это было очень трудное время. Я оказалась одна

в чужом городе, без денег и опоры. Мне казалось, что раз я не нужна родителям, значит, не нужна вообще никому. Пыталась подработать официанткой, но получала всего 5 000 в месяц. Денег остро не хватало, никаких навыков, которые я могла быстро конвертировать в деньги, у меня не было» [2].

Место жительства. В условиях предоставления сексуальных услуг на материальной основе посредством социальных сетей и различных онлайн-платформ место нахождения лица не играет существенной роли, главное, чтобы был доступ к интернет-соединению. Примечательно, что в анкетных данных создатели контента чаще всего указывают большие города и мегаполисы, чтобы привлечь «рыбку побогаче».

2. Социально-ролевые признаки.

Гражданство. Опять же благодаря телекоммуникационным технологиям на сегодняшний день реализация сексуальных услуг может осуществляться из любой точки земного шара. Пользователи (клиенты) в зависимости от своих предпочтений свободны в обращении за услугами к лицам разных национальностей, телосложения, сексуальных предпочтений и др. В данном случае отсутствие территориальных границ способствует расширению рынка сексуальной индустрии.

Образование. В связи с тем, что значительная часть авторов является студентами, то большинство из них имеет либо неоконченное высшее, либо среднее специальное, либо неполное образование. Обуславливается это тем, что молодые люди зарабатывают на указанном деле гораздо более серьезнее суммы, чем составляют их стипендия, подработки и возможная будущая профессия. Примером выступает 23-летняя Кайя Корбридж. По словам девушки, «в 2017 году она бросила учебу, чтобы сконцентрироваться на развитии профиля на OnlyFans. Кайя выкладывала обнаженные снимки для платных подписчиков, также она запустила “Strip for Tip”, раздеваясь на стримах после донатов. В итоге она стала зарабатывать 30 тысяч фунтов в месяц, купила дом в Британии (за 125 тысяч фунтов) и отправилась в путешествие по миру» [7].

Семейное положение. В силу возраста меньше половины из молодых людей, создающих сексуальный контент, состоит в официальном браке. Однако имеют место быть молодые пары, которые особенно пользуются спросом, если участвуют в процессе вдвоем или приглашают третьих лиц. Можно предположить, что пользователям интереснее наблюдать за настоящими чувствами, нежели за постановочной игрой порноактеров.

3. Нравственно-психологические признаки.

Мировоззрение. Взгляды на жизнь у пользователей подобной сферы достаточно просты: они любят себя, свое тело и не стесняются показать эту любовь другим, при этом еще и заработав. Отсутствие «совести», страха быть узнанным или замеченным близкими, а также минимальный набор моральных принципов и нравственных ценностей позволяет таким категориям лиц чувствовать себя раскрепощенно под камерой. Однако далеко не все авторы сексуального контента обязательно раздеваются для фотографий. Так, «20-летняя Апполония Ллевелин не публикует обнаженные фото, ограничиваясь снимками в купальниках для платных пользователей. Но затем она продает наценные купальники подписчикам на OnlyFans. Девушка вспоминает, что в детстве ее травили из-за веса, но теперь она зарабатывает больше 10 тысяч фунтов в месяц» [7].

Мотив. Ведущим мотивом выступает стремление заработать много и быстро наиболее простым способом. Когда молодые люди полны амбиций, наделены хорошими физическими качествами и приятной внешностью, они могут прийти к выводу, что нет смысла «убиваться» в общепите или на заводе при возможности обрести гораздо больше с меньшими энергоресурсными затратами. Заслуживает внимания тот факт, что некоторые лица приходят в секс-индустрию материальных услуг не с целью заработать, а для того, чтобы показать себя и получить общественное восхищение, это своего рода хобби, где деньги выступают приятным бонусом за старания. «Я люблю сниматься в белье и обнаженной. Я выкладываю такой контент в Instagram *, но посто-

* Деятельность социальной сети Instagram признана террористической и экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

янно нахожусь в теновом бане из-за того, что люди жалуются на эти фото и видео. Почему бы мне публиковать то, что я люблю, без цензуры и вероятности быть заблокированной? И при этом зарабатывать деньги» [6].

Потребности. С психологической точки зрения данный критерий тесно переплетается с мотивом, так как кто-то оказывает сексуальные услуги из-за нехватки денежных средств, а кто-то для того, чтобы самоактуализироваться и самоутвердиться. Физиологическая трактовка потребности заключается в том, что некоторым такая деятельность позволяет реализовать свои половые желания и увлечения. Например, одной из потребностей может быть желание помочь окружающим. Так, «сейчас одной из главных звезд OnlyFans считается модель Кейлен Уорд. О ней рассказали десятки СМИ по всему миру после того, как она пообещала отправить обнаженное фото каждому, кто пожертвует хотя бы 10 долларов одному из фондов, которые помогают бороться с пожарами в Австралии» [7].

Заключение

Ученые-криминологи выделяют и иные признаки, характеризующие личность, совершающую девиантное деяние, такие как уголовно-правовые факторы, социально-психологические особенности, общественное мнение и др. В данном случае из-за отсутствия практического материала, недостаточной изученности эмпирических и теоретических аспектов, невозможности полноценно работать с непосредственным лицом, осуществляющим сексуальные услуги на материальной основе, сложно отобразить его полноценную криминологическую характеристику. Обозначение отдельных признаков позволило выявить такие значимые элементы, как возраст (от 15 до 35), потребности (самоутверждение, заработок, физиологическое удовлетворение), образование (значительная часть – студенты), мировоззрение (свободное распоряжение собственным телом), социальное положение (встречается как высокий, так и средний, низкий общественный класс), пол (предоставляют данные услуги как мужчины, так и женщи-

ны), семейное положение (одинокое, замужнее, состоящие в отношениях, имеющие нетрадиционную ориентацию) и др. На основе выявленных признаков, подкрепленных реальными анкетными данными, тяжело обрисовать точный криминологический портрет гражданина, способного на оказание сексуальных услуг за вознаграждение, однако можно говорить об общих факторах, которые значительно сужают радиус дальнейшего изучения с целью профилактического воздействия по недопущению совершения подобных нелегальных деяний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Психология преступления и наказания / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М. : ПЕНАТЕС-ПЕНАТЫ, 2000. – 451 с.
2. Бобошко, Т. Монолог бывшей порноактрисы / Т. Бобошко // Сноб. – URL: <https://snob.ru/entry>
3. Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. – М. : Норма, 2005. – 912 с.
4. «К черту всё, спасите коал»: модель продает обнаженные снимки, чтобы помочь бороться с пожарами в Австралии. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27074.1/4146878/?ysclid=m2ilyt9ho2784784875>
5. Моя личность стерлась: вебкам-модели рассказали о травле и шантаже. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/853220-vebkam-modeli-sliv-foto-istorii>
6. Новосад Мария. Почему я бросила Only Fans? URL: <https://podcast.ru/e/urjGJ.7CAD>
7. Т-журнал. – URL: <https://tjournal.ru/internet>

REFERENCES

1. Antonian Iu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psikhologiya prestupleniia i nakazaniia* [Psychology of Crime and Punishment]. Moscow, PENATES-PENATY Publ. 2000. 451 p.
2. Boboshko T. *Monolog byvshei pornoaktrisy* [Monologue of a Former Porn Actress]. *Snob*. URL: <https://snob.ru/entry>
3. Dolgova A.I., ed. *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology. Textbook]. Moscow, Norma Publ., 2005. 912 p.
4. «*K chertu vsyo, spasite koal*»: *model prodayet obnazhennyye snimki, chtoby pomoch borotsya s pozharemi v Avstralii* [“Screw It, Save the Koalas”: Model Selling Nude Photos to Help Fight Australia’s Fires]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27074.1/4146878/?ysclid=m2ilyt9ho2784784875>

5. *Moia lichnost sterlas: vebkam-modeli rasskazali o travle i shantazhe* [My Identity Has Been Erased: Webcam Models Told About Harassment and Blackmail]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/853220-vebkam-modeli-sliv-foto-istorii>

6. *Novosad Mariya. Pochemu ya brosil Only Fans?* [Novosad Maria. Why Did I Quit Onlyfans?]. URL: <https://podcast.ru/e/urjGJ.7CAAd>

7. *T-zhurnal* [T-Journal]. URL: <https://tjournal.ru/internet>

Information About the Authors

Ivan N. Arkhiptsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Alexander V. Sarychev, Deputy Head of the Course, Faculty of Law Enforcement, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Информация об авторах

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Александр Викторович Сарычев, заместитель начальника курса факультета правоохранительной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.25>

UDC 343.13
LBC 67.410.212

Submitted: 02.05.2024
Accepted: 02.06.2024

ACTUAL PROBLEMS OF DOCUMENTATION AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Anna V. Milikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the scientific paper discusses issues related to certain topical problems that arise at the stage of preliminary investigation in connection with the need for documentation of the actions and decisions of authorized officials. The writer highlights and substantiates the importance of the research topic under discussion. **Purpose:** identifying current problems of documentation based on a comprehensive review of existing studies at the stage of preliminary investigation by analyzing them as well as individual criminal procedural acts and considering the possibility of their improvement. **Methods:** the author used the dialectical method, generalizations, comparisons, analysis, and others, which made it possible to form the paper. **Results:** the conducted research substantiates the importance of the issues selected for consideration and identifies a range of possible solutions to the problems posed. The author draws a parallel between the importance of the procedural registration of actions and decisions implemented at the stage of preliminary investigation through the content of the stage itself and its value for the entire process of criminal proceedings. **Conclusions:** the stage of preliminary investigation is important for the entire criminal proceedings, but even more significant is the documentation of its results, which, in the absence of compliance with the necessary requirements, may be considered illegal and unfounded. There is a need for an even more in-depth study of these problems.

Key words: criminal procedure, preliminary investigation, stage, criminal procedural acts, documents, documentation, recording.

Citation. Milikova A. V. Actual Problems of Documentation at the Stage of Preliminary Investigation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 183-188. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.25>

УДК 343.13
ББК 67.410.212

Дата поступления статьи: 02.05.2024
Дата принятия статьи: 02.06.2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Анна Владимировна Миликова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся отдельных актуальных проблем, возникающих на стадии предварительного расследования, связанных с необходимостью документального оформления действий и решений уполномоченных должностных лиц. Автор выделяет и обосновывает значи-

мость обсуждаемой темы исследования. **Цель:** выявление актуальных проблем документального оформления на основе комплексного изучения имеющихся исследований, посвященных вопросам о стадии предварительного расследования путем их анализа, а также отдельных уголовно-процессуальных актов и рассмотрение возможности их совершенствования. **Методы:** автором использованы диалектический метод, обобщения, сравнения, анализа и др., которые позволили сделать возможным формирование данной статьи. **Результаты:** в проведенном исследовании обоснована значимость выбранных для рассмотрения вопросов, обозначен круг возможных решений для поставленных на осмысление проблем. Автор проводит параллель между значением процессуального оформления действий и решений, реализуемых в стадии предварительного расследования, через содержание самой стадии и ее ценности для всего процесса уголовного судопроизводства. **Выводы:** стадия предварительного расследования имеет важное значение для всего уголовного судопроизводства, но еще более значимым представляется документальное оформление ее результатов, которые в отсутствие соблюдения необходимых требований могут быть признаны незаконными и необоснованными. Существует необходимость в еще более углубленном изучении указанных проблем.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, стадия, уголовно-процессуальные акты, документы, документальное оформление, документирование.

Цитирование. Миликова А. В. Актуальные проблемы документального оформления на стадии предварительного расследования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 183–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolstu.2024.3.25>

Введение

Стадия предварительного расследования является основной в досудебном уголовном процессе. Подобное наименование обусловлено значением, которое вкладывается в данный термин. Предварительное – значит предваряет, подготавливает или предшествует чему-либо более важному, главному, основному, то есть производимое до чего-либо базового, окончательного. Далее, в случае успешного завершения досудебного производства, последуют судебные стадии. Понимание сущности и значения стадии предварительного расследования обуславливает важность вопросов, связанных с подходами к закреплению ее результатов.

В науке уголовного процесса трактовка второй стадии (предварительного расследования) в качестве центральной в досудебном производстве, но вспомогательной по отношению к судебным стадиям является основополагающей. Предварительное расследование производится для обеспечения судебного разбирательства совокупностью доказательств, достаточных для вынесения судебного решения. Такому подходу предшествовала точка зрения М.С. Строговича о том, что расследование осуществляется для суда путем подготовки материалов, сбора и проверки доказательств для проведения судебного разбирательства [10, с. 39–40].

Тот факт, что расследование является предварительным этапом, проводимым для судебного разбирательства, не означает, что данная стадия второстепенна или незначительна. Напротив, только при условии качественного расследования может быть вынесен справедливый приговор. Как справедливо отмечает И.С. Дикарев, во время предварительного расследования реализуется подготовка стороны обвинения к судебному разбирательству [3, с. 81–82], а не только для суда, как иногда предполагается, что, конечно, тоже в определенной степени является верным, ведь окончательное решение принимает только суд. С.Б. Россинский указывает, что расследование уголовного дела носит название предварительного, так как все выводы, которые сделаны дознавателем или следователем по уголовному делу, носят предварительный характер [8, с. 102]. Соглашаясь с уважаемыми учеными, отметим, что результаты предварительного расследования не обязывают суд сосредоточиться только на тех доказательствах, которые указаны в обвинительном заключении, постановлении или акте. Рассмотренные обстоятельства дела и полученные доказательства, представленные непосредственно в суде, и станут основой для вынесения приговора.

Понимание сущности и назначения производимой деятельности в рамках определенной стадии позволяет должностным лицам, уполномоченным на ее производство, осознавать всю важность осуществляемой ими де-

тельности, которая должна иметь строго определенную процессуальную форму, которую можно достичь только путем оформления процессуального документа или акта. Отсюда и вытекает значение документального оформления на стадии предварительного расследования. От того, насколько издаваемые уголовно-процессуальные акты и документы соответствуют предъявляемым к ним требованиям: законности, обоснованности, мотивированности, целесообразности, справедливости и своевременности [6, с. 69–86], зависит как их дальнейшее предназначение, так и итог всего процесса.

Современные возможности и тенденции к изменению, в частности к упрощению документооборота, связанные с цифровизацией, способностью широко использовать фото- и видеофиксацию, нисколько не умаляют значение исследования вопросов, касающихся документального оформления, в том числе на стадиях предварительного расследования, а, напротив, подтверждают ее актуальность ввиду имеющихся и возникающих новых проблем как в теории, так и в правоприменительной практике.

В рамках данной статьи, ввиду ограниченного объема, рассмотрим лишь некоторые отдельные проблемы документального оформления на стадии предварительного расследования.

Проблемные вопросы реализации документального оформления на стадии предварительного расследования

Пожалуй, одним из наиболее значимых процессуальных актов предварительного следствия является *постановление о привлечении в качестве обвиняемого*. В ст. 171 УПК РФ содержатся требования, предъявляемые к его оформлению, и основания его вынесения – наличие достаточных доказательств. Вопрос о достаточности остается на усмотрение следователя, который выносит постановление только в том случае, когда он уверен в том, что у него есть право его вынести. Преждевременное его составление в отсутствие достаточных доказательств может нести негативные последствия как для всего процесса расследования, так и при рассмотрении дела в суде.

Данная проблема связана в том числе с положением п. 14 Постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм УПК РФ», согласно которому обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте, должно полностью соответствовать обвинению в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Как справедливо отмечает С.Б. Россинский, решение о привлечении в качестве обвиняемого должно сопровождаться уверенностью следователя в выполнении всех необходимых процессуальных действий, но в реальной практике в отношении лица сначала формулируется первоначальное обвинение, а затем окончательное [9, с. 139]. В ч. 1 ст. 175 УПК РФ допускается возможность изменения предъявленного обвинения вместе с повторением процедуры его предъявления, но тогда возникает вопрос: не поторопился ли следователь с предъявлением обвинения в первый раз, возможно, он не в полной мере оценил сложившуюся следственную ситуацию? И еще один закономерный вопрос: в таком случае настолько ли важной являлась данная процедура?

В уголовно-процессуальной науке ведутся дискуссии о целесообразности существования института привлечения в качестве обвиняемого и его преобразовании. В частности, как отмечают Б.Я. Гаврилов и А.В. Красильников, его значение нуждается в переосмыслении, так как он не согласуется с современной системой досудебного производства [1, с. 91]. Согласен с данной точкой зрения К.В. Муравьев, утверждая, что существует необходимость в ликвидации института привлечения в качестве обвиняемого в современном его виде [7, с. 288–289].

Не углубляясь в обсуждение вопросов о перспективах рассматриваемого института, отметим, что считаем привлечение в качестве обвиняемого несомненной гарантией обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого традиционно состоит из трех частей. Во вводной части содержатся основные сведения, в частности дата и место вынесения, сведения о должностном лице, его составившем, указание на номер уголовного дела. Наиболее интересна описательная часть, которая включает сущность предъявленного

обвинения – тот элемент, ради которого проводится данная процедура. Изложение сущности обвинения, описание преступления должно быть лаконичным и конкретным, каждое слово – выверенным и взвешенным, а квалификация деяния – максимально точной. Указание на конкретные доказательства не является обязательным, но все положения, названные в описательной части, должны подкрепляться конкретными доказательствами, имеющимися в материалах дела. В резолютивной части содержится решение о привлечении лица в качестве обвиняемого и квалификация деяния. Постановление подписывается следователем, свои подписи ставят также обвиняемый, защитник, и делается отметка о направлении копии постановления прокурору.

В рамках данной статьи выделим еще одну проблему, на которую указала в своей диссертации А.В. Кульчарова: существует необходимость в ходе производства дознания в замене *письменного уведомления о подозрении в совершении преступления* (ст. 223.1 УПК РФ) постановлением о признании лица подозреваемым, которое даст заподозренному лицу статус подозреваемого. Это изменение, по мнению автора, придаст уведомлению о подозрении статус процессуального решения, которое в соответствии с требованиями гл. 16 УПК РФ может быть обжаловано заинтересованными участниками уголовного судопроизводства [5, с. 43]. Данное предложение, несомненно, заслуживает внимания, но указанные документы имеют разное процессуальное значение. Так, уведомление – сообщение, извещение о чем-либо, его основная цель – информирование о принятом решении. Постановление – процессуальный документ, оформляющий решение уполномоченного должностного лица. Соответственно, для реализации прав участников уголовного процесса на этапе возникновения подозрения достаточно уведомления о подозрении в совершении преступления и протокола вручения подозреваемому копии уведомления о подозрении в совершении преступления, а также разъяснения ему прав подозреваемого, предусмотренных ст. 46 УПК РФ.

При наличии необходимых оснований, которые указаны в ст. 97 УПК РФ, дознаватель, следователь и суд выносят в отношении

подозреваемого, обвиняемого мотивированное *постановление об избрании меры пресечения*. Структура традиционная: вводная часть, описательная и резолютивная. Важна мотивировка избрания конкретной меры пресечения. Интерес вызывают уголовно-процессуальные документы, оформляемые в виде *постановления о возбуждении ходатайства*. Если постановление или ходатайство по отдельности вопросов не вызывают как самостоятельные процессуальные документы, то их совокупность породила новый, «гибридный» вид. Очевидно, что следовало именовать данные формы ходатайствами, поскольку постановление о возбуждении ходатайства перед судом (прокурором) фактически является «государственно-властным решением о просьбе», что представляется более чем странным и противоречивым [6, с. 126–127].

Не останавливаясь подробно на других процессуальных документах, издаваемых в ходе предварительного расследования, ввиду ограниченного объема статьи, отметим важность окончательных уголовно-процессуальных актов.

Момент окончания предварительного расследования вызывает дискуссии, основывающиеся на полемике о том, завершается ли предварительное расследование принятием решения и передачей дела прокурору или данную деятельность следует рассматривать в качестве еще одной дополнительной стадии досудебного производства, в которой осуществляется решение прокурором вопроса о передаче обвиняемого суду.

Придерживаясь мнения о двух досудебных стадиях уголовного судопроизводства, рассмотрим акты, выносимые в связи с окончанием предварительного расследования: *постановление о прекращении уголовного дела* (ст. 213 УПК РФ), *обвинительное заключение* (ст. 220 УПК РФ) или *обвинительный акт, обвинительное постановление* (ст. 225 УПК РФ) или *постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера* (ст. 439 УПК РФ).

Значение перечисленных уголовно-процессуальных актов невозможно переоценить, ведь они обобщают в себе результаты всей деятельности по осуществлению предварительного расследования, в них анализируются

и оцениваются собранные доказательства, формулируется вывод о необходимости направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу либо для решения вопроса о возможности применения в отношении лица принудительной меры медицинского характера.

Сложная характеристика указанных актов обусловлена и объединением должностных лиц, которые их составляют и формируют, поскольку они, в зависимости от формы, являются одновременно актами следователя, дознавателя и руководителя следственного органа, начальника органа дознания, прокурора. Учитывая, что по форме и своему содержанию, назначению обвинительные заключения, акт и постановление имеют схожую правовую природу, считаем возможным согласиться с мнением А.М. Долгова, что конечные результаты расследования имеют одинаковое доказательственное значение [4, с. 69], а значит, закономерно и формирование единого наименования «обвинительное заключение» для окончательного документа всех форм предварительного расследования.

Выводы

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что стадия предварительного расследования является центральной в досудебном производстве, основана на принципах уголовного процесса и четко регламентирована нормами уголовно-процессуального законодательства. Содержание рассматриваемой стадии составляют действия и решения уполномоченных должностных лиц органов предварительного следствия и дознания, осуществляемые в рамках процессуального законодательства и оформляемые с помощью уголовно-процессуальных актов и документов.

Указывая на высокое практическое значение рассматриваемой стадии, необходимо отметить и достаточное количество проблемных вопросов, возникающих как в теории уголовного процесса, так и в практической деятельности, и при документировании. Например, Б.Я. Гаврилов отмечает низкую эффективность стадии предварительного расследования, поскольку только 25–27 % дел, по которым возбуждено производство, направляется в суд [2, с. 89]. Решение данных проблем

должно быть комплексным и подразумевать глобальный пересмотр всей системы досудебного уголовного судопроизводства, в частности с учетом урегулирования проблем документального оформления на стадии предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов, Б. Я. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? / Б. Я. Гаврилов, А. В. Красильников // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 4 (68). – С. 88–96. – DOI: 10.24412/2072-9391-2023-468-88-96
2. Гаврилов, Б. Я. Соответствуют ли процессуальные формы предварительного расследования требованиям судопроизводства в Российской Федерации / Б. Я. Гаврилов // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 87–95. – DOI: 10.31857/S013207690009238-3
3. Дикарев, И. С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе / И. С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1 (67). – С. 75–88. – DOI: 10.33184/pravgos-2022.1.5
4. Долгов, А. М. Обвинительный акт, обвинительное постановление и обвинительное заключение как итоговые документы предварительного расследования / А. М. Долгов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 9. – С. 67–69.
5. Кульчарова, А. В. Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук / Кульчарова Альбина Владимировна. – Волгоград, 2024. – 219 с.
6. Миликова, А. В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : монография / А. В. Миликова, С. Б. Россинский. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 160 с.
7. Муравьев, К. В. Обвинение как итог досудебного производства / К. В. Муравьев // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. – М. : Акад. управления МВД России, 2023. – С. 283–290.
8. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу : учебник / С. Б. Россинский. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 232 с. – DOI: 10.12737/1578843
9. Россинский, С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого – логическое завершение предварительного следствия / С. Б. Россинский // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 137–141. – DOI: 10.24412/2414-3995-2022-2-137-141
10. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 2. Порядок производства по

уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1970. – 516 с.

REFERENCES

1. Gavrilov B.Ya., Krasilnikov A.V. Institut privlecheniya lica v kachestve obvinyaemogo: sootvetstvuet li on realiyam segodnyashnego dnya? [Institute of Attracting a Person as an Accused: Does It Correspond to the Realities of Today?]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, no. 4 (68), pp. 88-96. DOI: 10.24412/2072-9391-2023-468-88-96
2. Gavrilov B.Ya. Sootvetstvuyut li processualnie formy predvaritelnogo rassledovaniya trebovaniyam sudoproizvodstva v Rossiiskoi Federacii [Do the Procedural Forms of Preliminary Investigation Comply with the Requirements of Legal Proceedings in the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 4, pp. 87-95. DOI: 10.31857/S013207690009238-3
3. Dikarev I.S. Naznachenie predvaritelnogo rassledovaniya v уголовном процессе [Appointment of a Preliminary Investigation in Criminal Proceedings]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal State: Theory and Practice], 2022, no. 1 (67), pp. 75-88. DOI: 10.33184/pravgos-2022.1.5
4. Dolgov A.M. Obvinitelny akt, obvinitelnoe postanovlenie i obvinitelnoe zaklyuchenie kak itogovye dokumenty predvaritelnogo rassledovaniya [Indictment as a Final Documents of the Preliminary Investigation]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2016, no. 9, pp. 67-69.
5. Kulcharova A.V. *Processualnie polnomochiya nachalnika podrazdeleniya doznaniya v уголовном sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural Powers of the Head of the Inquiry Unit in the Criminal Proceedings of Russia. Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2024. 219 p.
6. Milikova A.V., Rossinsky S.B. *Ugolovno-processualnie akti organov predvaritelnogo sledstviya: monografiya* [Criminal Procedural Acts of the Preliminary Investigation Bodies. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 160 p.
7. Muravyov K.V. Obvinenie kak itog dosudebnogo proizvodstva [Accusation as a Result of Pre-Trial Proceedings]. *Ugolovnyy protsess i kriminalistika: pravovyye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.Ya. Gavrilova): sb. nauch. st.* [Criminal Process and Forensics: Legal Foundations, Theory, Practice, Didactics (To the 75th Anniversary of the Birth of Professor B.Ya. Gavrilov). Collection of Scientific Articles]. Moscow, Akad. upravleniya MVD Rossii, 2023, pp. 283-290.
8. Rossinsky S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po уголовному delu: uchebnik* [Pre-Trial Criminal Proceedings. Textbook]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2022. 232 p. DOI: 10.12737/1578843
9. Rossinsky S.B. Privlechenie v kachestve obvinyaemogo – logicheskoe zavershenie predvaritelnogo sledstviya [Involvement as an Accused as a Logical Completion of the Preliminary Investigation]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2022, no. 2, pp. 137-141. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-2-137-141
10. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo уголовного процесса. V 2 t. T. 2. Poryadok proizvodstva po уголовным delam po sovetskomu уголовно-protsessualnomu pravu* [Course of the Soviet Criminal Process. In 2 Vols. Vol. 2. Procedure for Criminal Proceedings Under Soviet Criminal Procedure Law]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 516 p.

Information About the Author

Anna V. Milikova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, milikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

Информация об авторе

Анна Владимировна Миликова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, milikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.26>

UDC 343.983
LBC 67.53

Submitted: 15.05.2024
Accepted: 20.06.2024

SOFTWARE AND DATA SUPPORT FOR COMPUTER FORENSIC ANALYSIS

Alexey Yu. Stebivko

JSC "Rosselkhozbank", Moscow, Russian Federation;
Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper highlights the role of software and data support for computer forensic analysis carried out at the stage of judicial investigation and preliminary investigation, emphasizing its importance in the era of digitalization. **Purpose:** disclose the questions that modern technologies of computer-technical expertise are able to answer, and necessary data sets for research. **Methods:** the methodological framework for the study is based on the methods of consistency and analysis. **Results:** the paper presents a methodology for auditing computer equipment (CE) and information and communication technologies (ICT) in the context of criminal investigations. It also elucidates the techniques and methods employed in the study of CE and ICT hardware and software. **Conclusions:** the author analyzes the state of crime related to the use of computer technology in telematics networks and information and communication technologies, identifies ways to commit crimes related to the use of malware and legal software, the functioning of a dynamic system representing the mechanism of these crimes, as well as systemic aspects of the emergence and investigation of threats of this type.

Key words: software and data support, computer forensic analysis, digital data, data recovery, malware, unauthorized access, cybersecurity.

Citation. Stebivko A.Yu. Software and Data Support for Computer Forensic Analysis. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 189-194. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.26>

УДК 343.983
ББК 67.53

Дата поступления статьи: 15.05.2024
Дата принятия статьи: 20.06.2024

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Алексей Юрьевич Стебивко

АО «Россельхозбанк», г. Москва, Российская Федерация;
Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье освещается роль информационно-программного обеспечения в судебных компьютерно-технических экспертизах, производимых на стадии судебного следствия и предварительного расследования, подчеркивается его важность в эпоху цифровизации. **Цель:** раскрыть вопросы, на которые способны дать ответ современные технологии компьютерно-технической экспертизы, наборы данных, которые требуются для исследования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы системности и анализа. **Результаты:** определены порядок и инструменты аудита средств вычислительной техники (СВТ) при расследовании преступлений, совершенных с использованием СВТ, а также информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); охарактеризованы приемы и методы, используемые при исследовании аппаратного и программного обеспечения. **Выводы:** проанализировано состояние преступности, связанной с использованием СВТ в телематических сетях и ИКТ, выделены способы совершения преступлений, связанных с использованием вредоносного и легального программного обеспечения, функционирование динамической системы, представляющей механизм данных преступлений, а также системные аспекты возникновения и расследования угроз данного вида.

Ключевые слова: информационно-программное обеспечение, судебные компьютерно-технические экспертизы, цифровые данные, восстановление данных, вредоносное программное обеспечение, несанкционированный доступ, кибербезопасность.

Цитирование. Стебивко А. Ю. Информационно-программное обеспечение судебных компьютерно-технических экспертиз // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 189–194. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.26>

Введение

Информационно-программное обеспечение судебных компьютерно-технических экспертиз – это область, где юридическая экспертиза сочетается с передовыми технологиями для анализа и интерпретации цифровых данных в контексте правовых вопросов. Важность этой области возрастает в эпоху цифровизации, где большое количество дел связано с цифровыми данными.

В этом контексте особое внимание уделяется программному обеспечению и инструментам, которые используются для анализа данных с компьютеров, мобильных устройств и других цифровых платформ. Поскольку результаты экспертизы часто используются на этапе досудебного расследования, в судебных процессах, эти инструменты должны быть точными, эффективными и обеспечивать высокую степень надежности.

Эксперты, которые работают в этой области, обязаны обладать техническими знаниями и навыками и понимать юридические аспекты работы с цифровыми носителями. К ним относится знание программного обеспечения, правоприменительной практики, а также приемов и методов работы с соответствующим набором информации, которая может повлиять на результаты расследования или судебное дело.

Судебные компьютерно-технические экспертизы охватывают широкий спектр задач, каждая из которых требует уникального подхода и специализированного программного обеспечения, например:

- восстановление удаленных данных;
- анализ сетевых взаимодействий;
- идентификация и анализ вредоносных программ;
- выявление следов несанкционированного доступа к системам.

Результаты

В целом, успешное проведение компьютерно-технических экспертиз требует не только глу-

боких технических знаний, но и способности использовать специализированное программное обеспечение (далее – ПО) для обработки и анализа больших объемов данных. Это позволяет экспертам выявлять скрытую информацию, которая может быть критически важной на этапе досудебного следствия и в судебном процессе.

Информационно-программное обеспечение при проведении судебных компьютерно-технических экспертиз включает следующие области [4]:

1. Операционная система. Для поиска цифровых улик информация извлекается из операционной системы, определяются подозрительные действия через сопоставление хэш-сумм и анализа сигнатур жесткого диска, примером служит инструмент OS Forensics [6].

2. Файловая система. Для поиска цифровых улик производится извлечение и восстановление данных на разделах жесткого диска.

3. Энергозависимая память. Используется для поиска цифровых улик, отсутствующих на жестком диске, а также для анализа происходящего на компьютере в фиксированный момент времени. В энергозависимой памяти обычно хранятся руткиты, которые скрывают свои процессы, файлы, ключи реестра, и даже сетевые соединения, позволяя найти то, что скрыто. Одним из способов ее снятия является копирование с помощью инструментов LiveKd – linux kernel crash dump (LKCD), подключение к ядру специальных модулей ядра, перевод компьютера в режим гибернации, через подключение последовательной высокоскоростной шины. Следует иметь в виду, что снятие данных энергозависимой памяти возможно только при включенном средстве вычислительной техники (далее – СВТ), в противном случае данные обычно теряются.

4. Веб-браузеры. Для поиска цифровых улик производится извлечение данных просмотра веб-страниц, их количество, продолжительность, загруженных файлов с каждой страницы, файлов cookie, а также другой информации.

5. Сетевая криминалистика. Для поиска цифровых улик осуществляется монито-

ринг трафика и анализ сетевых пакетов на разных уровнях модели OSI с помощью таких инструментов, как Tcpdump, NetFlow Traffic Analyzer, «ГАРДА Монитор», ntoping, PT Network Attack Discovery, Malcolm [3]. Большинство ПО не имеет открытого кода, что не позволяет создать универсальную систему для ретроспективного анализа. Наиболее подходящим решением стала система Malcolm, которая позволяет не только с высокой скоростью анализировать большой объем данных, но и визуализировать полученную информацию.

При обнаружении сбоя в первую очередь компьютер отключается от сети, фиксируется его состояние и анализируются сохранившиеся данные.

Далее определяется характер сбоя, который условно делится на случайный и умышленный [3].

Случайный возникает по ошибке пользователя, вследствие использования нелегального ПО, наличия ошибок в программном или аппаратном обеспечении, превышения полномочий пользователя в операционной системе, предоставления доступов третьим лицам. Умышленный возникает в результате кибератаки (фишинг, DoS-атаки, вредоносное ПО), хищения документов и техники, нарушения политик безопасности.

Злоумышленник может быть определен по цифровым следам, оставшимся после совершения противоправных действий на многих устройствах, в связи с чем производится идентификация и изъятие всех устройств, на которых может находиться необходимая для расследования информация, в том числе смартфонов, персональных компьютеров, ноутбуков, умных устройств, карт памяти, камер, биометрических сканеров, серверов, систем контроля и управления доступом (СКУД), маршрутизаторов, коммутаторов, систем GPS и «Глонасс».

Перед изъятием устройств определяется план сбора устройств, устанавливается их приоритет и осуществляется съем изменчивых данных, которые теряются после выключения СВТ. Одним из криминалистических инструментов для съема изменчивых данных является программное обеспечение Volatility Framework, которое позволяет снять образ

оперативной памяти устройства, извлечь из образа цифровые артефакты, дату и время, список запущенных процессов, список открытых и конечных сетевых соединений, загруженные библиотеки процессов, имена открытых файлов каждым из процессов и др. Для исследования жестких дисков и энергозависимой памяти, создания отчетов о пользовательских и системных действиях также может быть использовано программное обеспечение в виде Digital Forensics Framework.

Алгоритм сбора устройств выглядит следующим образом:

1) определение устройств, на которых произошел (вероятно, произошел) компьютерный инцидент (далее – КИ);

2) разбивка устройств по их пользователям.

При изъятии каждый носитель информации помещается в отдельную упаковку, снабженную индивидуальным номером и местом выемки, необходимыми для экспертов-криминалистов.

Исследование сбоев, анализ вычислительных устройств, программного обеспечения, сетевого трафика, активности пользователей производится непосредственно экспертами-криминалистами с помощью различного программного обеспечения, в том числе открытого (PyFlag, Xplico, NetworkMiner), проприетарного (Netintercept, NetWitness, Iris, NetDetector, DeepSee), а также встроенных утилит операционной системы для проведения сетевой экспертизы, таких как nslookup, traceroute, tcplice, netstat, nbtstat, whois, ping, dig [7].

Для идентификации КИ может использоваться программный код, который собирает значения атрибутов на устройстве, после чего происходит объединение атрибутов всех устройств на основе совпадения названия атрибутов, далее осуществляется идентификация файла на основе метрических алгоритмов.

В качестве примера ПО, используемого при исследовании вычислительных устройств, можно привести инструмент bulk_extractor, который позволяет автоматически извлекать из больших массивов информации на диске полезную информацию – адреса электронной почты, номера банковских карт и телефонов, метаданные (GPS-координаты, время и дату, автора, номер камеры) видеозаписей и фотографий, списки слов для подбора паролей, удаленные фай-

лы, пользовательскую активность, а также производить поиск по ключевым словам.

При осмотре истории браузера в компьютерах пользователей следует иметь в виду, что отсутствующие сведения зачастую продолжают храниться даже после очистки в приложении. Так, любой современный браузер (Internet Explorer, Google Chrome, Safari, Mozilla Firefox, Opera) хранит историю поиска на устройстве даже после ее удаления в приложении, удаленная история продолжает храниться в скрытом файле, который невозможно удалить неосведомленному пользователю. Internet Explorer хранит данный файл в index.dat, браузеры на технологии Mozilla Firefox в файле history.dat.

Криминалистические методы сбора информации о посещенных веб-сайтах реализуются с помощью программного обеспечения WebHistorian [2], которое позволяет сформировать отчет о посещенных страницах всех браузеров, открыть кэшированные (находящиеся в памяти устройства) страницы и просмотреть их содержание, даже если доступ к указанным страницам отозван (требуется аутентификация). Другим инструментом является AnalyzerIndex.dat, с помощью которого можно просматривать и редактировать файлы index.dat, просматривать файлы cookie и кэшированные страницы, ориентирован на использование в браузере Microsoft Edge.

В вычислительной технике криминалистический анализ позволяет выявлять различные цифровые улики через атрибуты операционной системы, к примеру:

- последние открытые файлы, пути к файлам, их позицию в кэше;
- время последнего открытия по артефакту файла через атрибут операционной системы Shimcache;
- название, дату и время выполнения приложения, количество запусков и путь через атрибут Prefetch;
- историю, к каким папкам обращался пользователь через набор ключей реестра Shellbags;
- историю изменения всех файлов на разделе жесткого диска, внесенную в файлы и папки через атрибут UsnJrnl;
- историю и расположение приложений, выполнявшихся на устройстве, в том числе

имя запустившего пользователя, список сетей, к которым было подключено устройство, длительность соединений и объем переданной по ним информации, нагрузку процессора и ресурс батареи через атрибут System Resource Usage Monitor;

– все приложения, которые использовал конкретный пользователь через атрибут User Assist [5].

Выводы

Таким образом, криминалистический анализ служит для получения широкого круга ответов по цифровым следам на устройстве [1], включая идентификацию людей, мест, предметов и событий, а также определение того, как эти элементы связаны. Отчет по результатам компьютерно-технической экспертизы может быть положен в основу принятия решения при расследовании преступлений, совершенных с использованием средств вычислительной техники.

Компьютерно-техническая экспертиза является видом инженерно-технических экспертиз [8], цель которой заключается в исследовании компьютерной техники и носителей информации на предмет содержания в них цифровых улик, которые могут применяться при расследовании компьютерных инцидентов. Объектами компьютерно-технической экспертизы могут являться абсолютно любые объекты информационной инфраструктуры – от персональных компьютеров и переносных носителей информации до программного обеспечения и различных текстовых и графических файлов.

В заключение стоит подчеркнуть, что на досудебном и судебном следствии компьютерно-технические судебные экспертизы в большинстве случаев выступают в качестве основополагающего элемента, особо значимого для принятия решения. С учетом растущего присутствия цифровых данных эффективность и достоверность такого обеспечения приобретают новый уровень значимости. Это наиболее важно в случаях, когда дела включают анализ цифровой информации, требующий глубокого и точного подхода.

Специалисты, работающие в этом направлении, сталкиваются с задачей интегра-

ции высокотехнологичных инструментов с нормами материального и процессуального права, совмещают техническую компетентность с правовыми знаниями, что необходимо для достижения объективных результатов в судебных разбирательствах и на досудебном следствии.

Используемое в таких исследованиях программное обеспечение должно отвечать строгим критериям в плане функциональности, безопасности и сохранения конфиденциальности. С учетом непрерывных изменений в цифровом пространстве и развития киберугроз постоянное обновление технологий и знаний является необходимостью.

В этом контексте информационно-программное обеспечение занимает центральное место в достижении правосудия в цифровую эпоху, предоставляя экспертам инструменты для точного и эффективного изучения цифровых данных, что критически важно для формирования справедливых и обоснованных решений на досудебном следствии и в судебных процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ловцов, Д. А. Информационно-математическое обеспечение имитационного моделирования интегрированных логистических систем / Д. А. Ловцов, А. В. Васенов // Известия Института инженерной физики. – 2009. – № 4. – С. 30–36.
2. Майорова, Е. В. Использование методов форензики при расследовании инцидентов компьютерной безопасности / Е. В. Майорова, А. В. Черток // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2019. – № 4. – С. 36–41.
3. Пантюхин, И. С. Основы компьютерно-технической экспертизы / И. С. Пантюхин, Д. Н. Шидакова // Вестник полиции. – 2016. – № 1. – С. 20–29.
4. Пырьев, М. С. Средства анализа сетевого трафика локальной вычислительной сети в ретроспективе / М. С. Пырьев, А. С. Коллеров // Вестник УрФО. – 2019. – № 4. – С. 58–62.
5. Leslie, F. Packet Analysis for Network Forensics: A Comprehensive Survey / F. Leslie // *Forensic Science International: Digital Investigation*. – 2020. – DOI: 10.1016/j.fsidi.2019.200892
6. Roussev, V. *Digital Forensic Science: Issues, Methods, and Challenges* / V. Roussev. – Cham : Springer, 2016. – 155 p. – (Synthesis Lectures on Information Security, Privacy, and Trust ; vol. 8, № 5).
7. Sachdeva, S. Analysis of Digital Forensic Tools / S. Sachdeva, B. Raina, A. Sharma // *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience*. – 2020. – Vol. 17. – P. 2459–2467.
8. Sudhakar, K. An Emerging Threat Fileless Malware: A Survey and Research Challenges / K. Sudhakar // *Cybersecurity*. – 2022. – Vol. 3. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s42400-019-0043-x>

REFERENCES

1. Lovcov D.A., Vasenov A.V. Informacionno-matematicheskoe obespechenie imitacionnogo modelirovaniya integrirovannyh logisticheskikh system [Information-Mathematical Support for Simulation Modeling of Integrated Logistics Systems]. *Izvestiya Instituta inzhenernoj fiziki*, 2009, no. 4, pp. 30-36.
2. Majorova E.V., Chertok A.V. Ispolzovanie metodov forenziki pri rassledovanii incidentov kompyuterno bezopasnosti [Using Forensic Methods in Investigating Computer Security Incidents]. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa*, 2019, no. 4, pp. 36-41.
3. Pantyuhin I.S., Shidakova D.N. Osnovy kompyuterno-tekhnicheskoy ekspertizy [Fundamentals of Computer Forensics]. *Vestnik policii*, 2016, no. 1, pp. 20-29.
4. Piryev M.S., Kollerov A.S. Sredstva analiza setevogo trafika lokalnoj vychislitelnoj seti v retrospektive [Tools for Analyzing Network Traffic of a Local Computer Network in Retrospect]. *Vestnik UrFO*, 2019, no. 4, pp. 58-62.
5. Leslie F. Packet Analysis for Network Forensics: A Comprehensive Survey. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2020. DOI: 10.1016/j.fsidi.2019.200892
6. Roussev V. *Digital Forensic Science: Issues, Methods, and Challenges*. Cham, Springer, 2016. 155 p. (Synthesis Lectures on Information Security, Privacy, and Trust; vol. 8, no. 5).
7. Sachdeva S., Raina B., Sharma A. Analysis of Digital Forensic Tools. *Journal of Computational and Theoretical Nanoscience*, 2020, vol. 17, pp. 2459-2467.
8. Sudhakar K. An Emerging Threat Fileless Malware: A Survey and Research Challenges. *Cybersecurity*, 2022, vol. 3. DOI: <https://doi.org/10.1186/s42400-019-0043-x>

Information About the Author

Alexey Yu. Stebivko, Leading Counsel, JSC “Rosselkhozbank”, Proyezd Krasnogvardeysky 1-y, 7, Bld. 1, 123100 Moscow, Russian Federation; Postgraduate Student, Russian State University of Justice, Novocheremushkinskaya St, 69, 117418 Moscow, Russian Federation, a.stebivko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5152-5315>

Информация об авторе

Алексей Юрьевич Стебивко, ведущий юрисконсульт, АО «Россельхозбанк», проезд Красногвардейский 1-й, 7, стр. 1, 123100 г. Москва, Российская Федерация; аспирант, Российский государственный университет правосудия, ул. Новочеремушкинская, 69, 117418 г. Москва, Российская Федерация, a.stebivko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5152-5315>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Procedural Law: Theory and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Legal Liability Differentiation; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialities 5.1. Law according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-8115

9 772587 811003